

<http://siteistok.host.net.kg/bibliotek.htm>

А.Н. БЕРНШТАМ

История кыргыз и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского завоевания.

Электронная версия печатного издания: Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II Сост.: К. Ташбаева, Л. Ведутова. - Б.: Айбек , 1998, 704 с. - с. 155-318 Публикуется по электронной версии предоставленной издательством "Айбек"

Оглавление

Введение

Глава I.

Сложение скотоводческого хозяйства на енисее и динлинский этногенез

Глава II.

Происхождение киргиз и первые сведения из их истории

Глава III.

Социально-экономический строй енисейских киргиз VI-X вв. н.э.

Глава IV.

Сложение киргизской народности

Глава V.

Борьба киргизского государства за свою независимость

Глава VI.

Киргизстан до сложения усуньского племенного союза

Глава VII.

Усуни и царство давань III в. до н.э. – V в. н.э.

Глава VIII.

Киргизстан в период тюркских и тюркешских каганатов в V-VIII вв.

Глава IX.

Сложение феодальных отношений на территории кыргызстана в IX-X вв. н.э.

Глава X.

Киргизстан в караханидскую эпоху XI-XII вв.

Заключение

Приложение № 1.

Синхронистические таблицы важнейших событий по истории киргиз и Кыргызстана

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа, под заглавием "История киргиз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания", является первой частью большого коллективного труда, организованного Комитетом Наук при СНК Кирг.ССР в четыре тома под названием "История киргиз и Киргизстана с древнейших времен до настоящего времени"*. Изложением событий, предшествующих появлению монгол (XIII в.), оканчивается настоящий первый том. Особенностью, а вместе с тем трудностью, первого тома, являются два обстоятельства. Первое заключается в том, что история киргиз и история Киргизстана по существу две разные исторические проблемы, связанные с разными видами источников. Древние киргизы возникли на территории Енисея и лишь впоследствии заняли территорию современной Киргизии. Когда и как происходило это заселение науке точно не было известно. В настоящей работе делается, по существу, первая попытка проследить этот процесс, на основании изучения китайских текстов и археологического материала. Вторая трудность заключается в том, что история Киргизстана известна науке по весьма отрывочным данным письменных источников и далеко еще недостаточным сведениям археологии. Если для одних эпох имеются сравнительно удовлетворительные известия письменных источников, однако, весьма однобоких, излагающих лишь политическую историю, то для других нет и такого рода сведений. Это лишает исследователя возможности дать равномерное описание общественных отношений, экономики и культуры по отдельным эпохам и заставляет ограничиваться краткими сведениями, не позволяющими восстановить полную картину исторического развития изучаемой проблемы. Предпринятое Комитетом Наук создание сводок материалов по истории киргиз и Киргизстана несомненно не столько выявит новые источники для нашей эпохи, сколько объединит, хотя-бы, существующие данные и опубликует те материалы, напр., археологические, которые находятся в музейных хранилищах. Этим самым будет создана база для повторения настоящего издания на уже расширенной и подготовленной основе. Лишенный этих условий автор первого тома все же попытался дать сводку известий о киргизах и Киргизстане в пределах доступных ему источников. При изложении темы автор исключал из поля зрения те факты, которые не имели непосредственного отношения к теме, хотя косвенно с ней и были связаны. Так, например, исключен обзор народов, которые жили на территории Киргизстана, но действовали вне его пределов. Так, например, до минимума сокращены сведения о восточных тюрках, караханидах, киданях и т.п. Полное изложение их истории, т.е. разбор исторических событий, совершенных при участии этих народов в Мавераннахре, не входит в задачу тома, и сведения, интересующие читателя, он найдет в литературе, которая указана автором в сносках и в фундаментальных изданиях Академии Наук - "История народов СССР". На тех же основаниях сокращена развернутая аргументация отдельных фактов, относящихся к теме, если их освещение содержится уже в литературе. В противном случае работа была бы загружена излишним текстом, полемикой с авторами, повторной публикацией материала и т.п., экскурсами, совершенно ненужными для настоящего типа издания. Повторяем, что здесь выделено все то, что имеет с нашей точки зрения непосредственное, а не косвенное отношение к теме и все т.н. вспомогательные отступления сведены до минимума. На этих же основаниях автор не считал обязательным давать вводную историографическую главу, поскольку имеется написанный нами специальный обзор по литературе темы и библиографии, наполненная под нашим непосредственным руководством (1), а источниковедческие статьи будут сопровождать ту серию "Материалов", которые готовятся к изданию "Комитетом Наук" (2). Здесь могут быть отмечены лишь некоторые сводные работы по истории киргиз и Киргизстана. По истории енисейских киргиз сводок письменных известий и археологического материала больше чем по Тянь-

Шаню. В области письменных источников здесь могут быть упомянуты имена Клапрота (3) , Шотта (4) , Питона (5) , по линии археологического материала - С.Теплоухов и С.Киселева (6) . Объединение письменных и археологических данных читатель может найти в "Истории Материальной Культуры им. Н.Я.Марра" (7) . Сводной работой по киргизам и Киргизстану является труд ак. В.В.Бартольда (8) . Однако этот очерк очень краток и содержит неприемлемую с нашей точки зрения периодизацию истории киргиз и Киргизстана. Частным недостатком работы является большое количество опечаток в датах и собственных именах, так же как и в другом труде В.Бартольда, посвященном Семиречью, в том числе и большей части Киргизии (9) . Строго научные работы В.Бартольда, равно как и работы В.Радлова (10) для енисейских киргиз составляют основу для изучения по письменным источникам. За исключением работы С.Киселева, эта основная литература лишена тех требований в построении проблематики, которые предъявляет советский читатель исторической книги. Сжато изложению истории, на основе марксистско-ленинской методологии, посвящен очерк в макете "История народов СССР", написанный С.Киселевым и Л.Потановым. Попыткой дать более или менее полное представление о теме является настоящая работа. В настоящую работу включены не только те данные, которые известны были ранее в литературе вопроса. Автор многое пересмотрел в доступных ему по подлинникам древнетюркских и китайских источниках, что привело не столько к выявлению новых текстов (хотя и здесь имеются новые материалы), сколько стало возможным иное истолкование, ранее опубликованных текстов, известных не всегда в точных переводах. Ряд источников в работе разбирается детально впервые, хотя и имела место их публикация, и они отражались в литературе вопроса (11) . Абсолютно новым в настоящей работе является археологический материал. Здесь использованы данные огромных археологических коллекций, собранных во время экспедиций по археологическому исследованию Киргизстана в 1938-1941 гг.; Экспедиции эти были организованы Институтом Материальной Культуры им. Н.Я.Марра Академии Наук СССР и Комитетом Наук при СНК Кирг. ССР. Руководителем этих экспедиций в 1938-1941 гг. был автор настоящего труда. Итоги экспедиций за 1938-1940 г. отражены в печати (12) , а наиболее главное из них для понимания истории изложено и в настоящем томе. В дополнение к указанным коллекциям автору удалось изучить и использовать при написании настоящего труда коллекции, хранящиеся в музеях - Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Ата, Фрунзе и некоторых других (Чимкент, Джамбул), имеющие отношение к изучаемому предмету. При непосредственном содействии Комитета Наук, автор имел возможность провести целый ряд поездок по Киргизии с целью археологического изучения, иногда в порядке рекогносцировки ряда районов и, прежде всего, Южной Киргизии, археологические и исторические данные по которой исключительно скудны. Огромный материал именно для первого тома, дала экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Чуйского Канала в 1941 году. Западная трасса канала на протяжении 145 км. прошла по огромному количеству разнообразных древних городищ и могильников, представляющих культуру Чуйской долины за 4000 лет (13) . Основные итоги этой экспедиции и изучение огромного вещевого материала, собранного на строительстве, нашли также свое место в настоящей работе. Публикация же этих материалов найдет свое специальное отражение в печати. Работе предшествовал ряд частных публикаций автора, где либо издавались отдельные памятники, либо решался какой-нибудь из важных для истории киргиз и Киргизстана вопрос. В соответствующих местах настоящего труда эти работы будут показаны. Там где по отдельным положениям имеется, с точки зрения автора, достаточная литература вопроса с соответствующей аргументацией, там, как мы уже указали, соответственные разделы даны предельно сжато без особо развернутого анализа. В изложении домонгольского периода истории киргиз и Киргизстана автор придерживался следующей исторической

периодизации. Эпоха первобытно-общинных отношений заканчивается в начале 1 тысячелетия н.э. для енисейских киргиз и, аналогично, для племен Киргизстана. Эпоха рабовладельческих отношений относится ко времени V-VIII вв. для Киргизстана и доходит до X века у киргиз на Енисее. IX-X вв. являются в Киргизстане переходом к феодальным отношениям. XI-XII вв. эпоха раннего феодализма. Таким образом, характеристикой первого этапа феодализма на территории Киргизстана и заканчивается настоящий том. В последующем изложении читатель найдет аргументацию приведенным положениям, причем, следует помнить, что все эти периоды являются проявлением общего исторического процесса, который протекал на территории всей Средней Азии. Особо выделены и проблемы этногенеза киргиз. Этногенез является прямым следствием исторического развития. Сообразно этому мы выделяем процессы, во-первых, становления киргизских племен на базе племен первобытнообщинного строя, во-вторых, обособление древних киргиз из динлинского слоя, и, в-третьих, процесс становления народности на базе сложения первой формы классовых отношений VI-VIII века. Затянувшийся процесс сложения нации получил у киргиз свое разрешение лишь после Великой Октябрьской революции. Читатель легко увидит из нижеизлагаемого текста, что в процессе сложения киргизской народности участвовали разнообразные этнические компоненты, а это положение - интернациональность в развитии киргизской народности - является ударом по буржуазно-националистическим извращениям в области истории киргизского народа. При изложении истории киргиз и Киргизстана автор пытался показать на доступных ему материалах 1) как Тяньшань стал родиной киргизского народа, 2) показать героическую историю киргизского народа в прошлом. Эти исторические данные, выявленные в значительной степени впервые настоящей работой, должны способствовать воспитанию идей советского патриотизма. Эти материалы должны также лечь в основу построения киргизской национальной культуры, социалистической по содержанию. И тем более сейчас, в дни Отечественной войны, когда особенно близкой и родной стала для нас наша страна, ее народ и его культура, нам кажется необходимым написать такой работы. Предлагаемый читателю труд является первой попыткой построения "Истории киргиз и Киргизстана". В известном смысле она является преждевременной, поскольку, как мы указали выше, еще не проведена в полном объеме предварительная подготовка материала. Но насущные нужды школ, техникумов и ВУЗ ов, а также справедливые требования трудящихся интересующихся прошлым своей страны и народа, определяют необходимость написания этой работы сейчас. Этим руководствовался автор, предлагая читателю первую попытку систематического изложения древней истории киргиз и Киргизстана.* Это издание не было осуществлено. Позднее (1956, 1958 гг.) был издан двухтомник "История Киргизии", куда вошли отдельные главы из данной работы А. Н. Бернштама.

Примечания

1 См. Н.А.Винберг, "Материалы к библиографии по истории, археологии и этнографии киргиз и Киргизстана", под редакцией и с предисловием А.Н.Бернштама.

2 Так, в настоящее время ведется работа по подготовке к печати сведений древнетюркских (С.Малов), китайских (В.Панкратов), персидских и арабских (С.Волин) источников, составляющих три тома упомянутых "Материалов".

3 Y.Klaproth. *Tableaux Historiques de l'Asie*, Paris, 1826.

4 W.Schott, *Neuer die Dichten Kirgisen. Abhandlungen KAW zu Berlin*, 1864. Ср. его статью в *Monatsberichte d. PAW zu Berlin*. 1874.

5 Piton. *The Hakass*.

6 С.Теплоухов. Опыт классификаций древнеметаллических культур на Енисее, материалы по этнографии, т.IV, в. 2, л. 1938 г.

7 История народов СССР (макет), т. 1, ч. IV.

8 Киргизы, Фрунзе, 1927. См. его статьи *Kirkgiz. Yssik-Kul Encyclopedie de l'Yslam* т. II, стр. 1101-103.

9 Очерки истории Семиречья, Верный, 1898 г. Об этих работах см. наши вводные статьи ко второму изданию работ ак. В.В.Бартольда "Киргизы" и "Очерк истории Семиречья", переиздаваемых Институтом Истории, Языка и Литературы в г. Фрунзе.

10 Die Altterrkischen Ynschriften der Mongolei. III. СПб. 1899 г.

11 Вся литература вопроса и подробное освещение по древнетюркским текстам истории киргиз автором изложены в его монографической работе - Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок. Л. 1941 г.

12 Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941 г. Историческое резюме этих исследований см. в наших работах "Историческое прошлое киргизского народа", Фрунзе, 1942 г. "Культура древнего Киргизстана", Фрунзе, 1942 г. Имеются переводы этих работ на киргизский язык. Ср. так же ж. "Советтик Кыргызстан", 7 и 8, где работа "Историческое прошлое киргизского народа" напечатана под заглавием "Кыргыз элинин чз азаттыгы РчРн болгон кРрчш РчРн тарихий очерки".

13 Краткий обзор этих работ см. в наших статьях в газете "Советская Киргизия" за 21 мая, 4 июня и 22 июня 1941 г., а также в статье "Историко-культурное прошлое Советской Киргизии по материалам Большого Чуйского Канала" (предварит. итог рукоп.)

Глава 1.

Сложение скотоводческого хозяйства на енисее и динлинский этногенез

Историю Киргизских племен принято считать с 201 г. до н.э., когда в китайских источниках впервые появляется транскрипция имени киргиз в китайской форме цзянькунь или гэгунь (14). Совершенно несомненно, что образование племени всегда предшествует появлению его имени на исторической арене. Это положение в полной степени относится и к киргизам. Конец третьего века до н.э. лишь, очевидно, этап их истории, впервые запечатленный письменными источниками, а не точная дата их появления. В самом деле, ведь эта дата связана с тем китайским источником, который сообщает, что гуннский Шаньюй Модэ или Маотунь разбил на севере от своей страны ряд племен, среди которых древнекитайский текст упоминает племя цзянькунь (15). Другими словами, в третьем веке до н.э. цзянькунь представляли собой уже некое целое племенное образование, хотя и безуспешно, но все же, сопротивлявшееся мощному гуннскому племенному союзу. Из исторических письменных и археологических материалов более позднего времени эти племена цзянькунь выступают как скотоводы, населявшие средний и верхний Енисей и являющиеся аборигенами данного края (16). Совершенно очевидно, что эти скотоводы явились в результате какого-то сложного исторического процесса, на базе которого к III веку до н.э. уже сложились киргизские племена. Это заставляет нас обратиться к истории древней родины киргизов, где слагались эти племена, их хозяйство и культура. Однако, изучение этого вопроса уводит нас в глубокую древность, к той поре, когда история фиксирует на Енисее начало сложения скотоводческого хозяйства (17). Древнейшие следы скотоводства на Енисее относятся ко времени II-го тысячелетия до н.э. Археологами вскрыта здесь т.н. Афанасьевская культура, названная так по Афанасьевой горе, недалеко от Минусинска, где впервые были раскопаны памятники этого типа (18). Афанасьевская культура известна по небольшим одиночным погребениям, иногда обложенным плитами из камня. В могиле рядом с покойным находился скромный инвентарь вещей и остатки пищи, якобы ему необходимые в загробном мире. Могилы этого типа обычно сгруппированы по 20-25 единиц курганных насыпей и на поверхности земли едва различимы по слабо выступающим каменным обкладкам в виде круга. Как правило, могилы содержат одно погребение, однако бывают и коллективные захоронения, содержащие несколько покойников, принадлежащих несомненно одной семье. Так встречаются погребения женщины с ребенком, иногда мужчины, женщины и детей. Редко грунтовая яма погребения дополнительно укреплялась бревнами или камнями (каменные плиты в виде внутренних стенок могилы). Инвентарь еще исключительно беден. Он состоит, главным образом, из весьма характерной керамики, изделий из кремня кости и меди, костей диких и домашних животных. Ремесло было весьма

примитивным. Сосуды имеют еще мало развиты формы. Здесь преобладают горшки с выпуклым дном, высокие сосуды яйцевидной формы, редко баночного типа или в виде вазочек. Керамика делалась ручным способом из отдельных слепленных лент глины. Поверхность сосуда покрывалась технически простым, но весьма обильным орнаментом в виде оттисков гребенки, черточек и ямок. Примитивная техника ленточной лепки этих сосудов, неравномерный и невысокий по температуре обжиг свидетельствует о развивающейся технике гончарства, сделавшей лишь свои первые шаги (19). О сравнительно невысоком уровне развития производства свидетельствует также слабое распространение метала и переживание, в связи с этим, изделий из камня и кости, которые позднее совершенно исчезнут. Характерно, что в качестве металла употребляется еще медь, без всякой примеси олова, что говорит о незнакомстве человека с изготовлением бронзы. Сами предметы из металла несут на себе следы техникиковки, так как литье, для которого надо развить высокую температуру в плавильных печах, им еще не было известно. Впрочем, о последнем говорит и невысокий обжиг керамических изделий. Орудия труда еще изготавливались из камня и кости. Медь служила пока, главным образом, для изготовления украшения. В данном случае путь ознакомления человека с металлом целиком и полностью соответствует аналогичным явлениям во всем мире. Везде открытие меди, а затем бронзы, равно как впоследствии железа, началось сковки этих металлов и изготовления предметов украшения, лишь впоследствии, при более тщательном знакомстве человека с этими материалами, человек приходил к изготовлению орудий труда и внедрял в производство технику литья. Наиболее важным для нас фактом в культуре Афанасьевской стадии является несомненное свидетельство о приручении человеком животных, т.е. генезис скотоводства (20). Из домашних животных в могильниках афанасьевского типа археологии находили кости домашней овцы, быка и лошади. У археологов нет никаких данных для доказательства, что эти животные использовались для получения молочной пищи. Видимо их разводили только для получения мяса. Примитивное скотоводство сочеталось здесь еще с охотой на козулю, дикого быка, бурундука, лисицу, изюбря, а также птиц. Находки костей рыб, в частности, щуки, говорят о важной роли в хозяйстве и рыболовства (21). Впрочем о последнем свидетельствуют и находки рыболовных крючков. Характер культурных явлений, обнаруженных в могилах, говорит о том, что здесь мы имеем дело с возникновением скотоводства из охоты, причем последняя была связана с сравнительно оседлым образом жизни (22). Об оседлом образе жизни говорит наличие рыболовства и характер жилищ, реконструируемых археологами на основании устройства могильных сооружений. Жилищами были, - либо землянки, либо срубные жилища, либо та же землянка, стены которой лишь укреплялись срубными.

Возникновение скотоводства, как известно, знаменует собой начало сложение патрилокального брака и патриархальной семьи. Она является базой для разрушения старого патрилокального рода (23). Видимо здесь, в афанасьевской культуре, относимой археологами к 2500-2000 лет тому назад мы имеем дело с началом этого процесса, который, по заявлению Энгельса Ф., явился одной из самых больших революций, когда либо пережитых человечеством (24). Из археологических фактов, свидетельствующих о начале этого процесса у афанасьевцев, укажем на парные погребения мужчины и женщины, являющиеся свидетельством патрилокальности брака, когда после смерти мужа убивали и клали с ним в могилу и его жену, Характерно, что в одиночных погребениях преобладают только женщины, причем, с ними находятся лишь скелеты маленьких детей, которых после смерти матери нельзя было оставить без присмотра. Женщина еще не утратила окончательно своего господствующего положения. Об этом говорит одно очень интересное погребение, раскопанное у с. Сыда (25). Здесь в центральном месте погребения занимал скелет женщины с ребенком, с сравнительно

богатым инвентарем около нее, рядом с ней без всякого инвентаря лежали скелеты трех мужчин и трех женщин.

Афанасьевская культура является сравнительно замкнутой и характерна собственно для Минусинской котловины. Идентичные памятники встречены лишь на Алтае, в других же сопредельных районах сходных памятников почти нет (26). Следует также указать, что и алтайские памятники имеют, хотя и небольшие, но все же отличия от минусинских. Так в последних меньше данных о скотоводстве, могилы содержат отличия в погребальном ритуале (засыпка покойника охрой) (27). Различия погребального ритуала говорят также о каких-то племенных отличиях алтайцев от минусинцев. В то же время среди инвентаря археологи отметили находки предметов, неизвестных собственно для Минусинского края. Имеем в виду раковины пресноводного моллюска *Corbiwla fluminalis*, сохранившегося ныне лишь в дельте Аму-Дарьи и у берегов Аральского моря (28). В районе Сибири этот моллюск известен лишь для третичных отложений. Раковина эта служила для украшения и имела просверленное отверстие, что можно сделать только на свежей раковине, а не на тех, которые человек мог находить в третичных отложениях. Находки этих моллюсков, использованных как украшение, как будто указывает на наличие обмена еще в III тысячелетии до н.э. Если этот обмен и существовал, то он, однако, не мог еще иметь большого распространения и был вероятно межплеменным. Начало обмена во всяком случае не исключено для этой эпохи, ибо, как неоднократно отмечал Энгельс, обмен начинается с эпохой возникновения скотоводства. Намечающиеся связи с далеким юго-западом, где в недавнее время открыта также культура аналогичного типа, правда, более позднего времени (29), развиваются в последующую эпоху 1500-1000 лет до н.э. Речь идет о следующем этапе развития хозяйства и социального строя древних минусинцев, о т.н. андроновской культуре. Названа она так по имени дер. Андроновой, Ачинского района, минусинского края, где были первые обнаружены памятники соответствующего типа (30). Могильники андроновской культуры внешне весьма схожи с предшествующим по времени типом погребения (31). Такая же ограда из камней, в виде кольца или прямоугольника вокруг могилы. Могила имеет иногда небольшую насыпь. Погребения сгруппированы в могильники до 12 штук в каждом. Неглубокая могильная яма отделана срубом или каменными плитами в виде ящика. Положение покойника на боку, скорченное. Все больше распространены парные погребения, свидетельствующие об увеличивающемся значении патрилокального брака.

Андроновские погребения свидетельствуют также о более развитой культуре, чем афанасьевская. Обращает на себя внимание богатая по числу форм керамика, лучше по качеству изготовления и пышнее орнаментированная весьма разнообразным орнаментом в виде треугольника, ромбов, фестонов, меандра и т.д. Характерна и форма сосудов. Если афанасьевские сосуды остроконечны и были рассчитаны на вкапывание их в золу костра, то андроновские сосуды плоскодонные, свидетельствующие о гладком поле жилища и устройстве постоянного очага. Вместо меди человек уже научился отливать орудия из бронзы, а улучшение качества последней, позволило наряду с изготовлением украшений, перейти к литью орудий труда. Из бронзы человек изготовлял оружие (вислообушные топоры, ножи или кинжалы, кельты, наконечники копий) и орудия труда - шилья, серпы. Литье стало основной техникой изготовления предметов из металла, а ковка употреблялась лишь для усиления рабочего края инструмента. На развитие металлургического производства указывают не только установленный химическими анализами состав бронз или находки каменных литейных форм и ассортимент изделий, но также глубокие подземные рудные разработки меди, олова и золота. Чрезвычайно важным фактом в развитии культуры андроновского типа является дальнейшее развитие скотоводства и мотыжного земледелия. О первом говорит тот факт, что во всех могилах, вскрытых археологами, находятся исключительно кости домашних животных - овцы,

быка, лошади. В поселениях, относящихся к этому времени, кости домашних животных значительно преобладают над костями диких. Находки последних все же говорят о имевшей место охоте, отошедшей, правда, по сравнению с предшествующим этапом, на второй план. Домашние животные доставляли человеку не только мясную пищу, но и шерсть, из которой человек научился делать ткани, о чем свидетельствует найденная в одной могиле небольшая шапка-ушанка, сделанная из шерстяной ткани. Развивавшаяся оседлость человека андроновской культуры, которая документируется здесь не только характером погребальных сооружений, но и исследованными поселениями, явилась условием возникновения земледелия. Несомненно, что возникшее здесь земледелие, выросло из потребностей скотоводства, как заготовка фуража, на что указывает широкое распространение серпов, количественно намного преобладающих над орудиями вспашки. Из последних известны лишь костяные мотыги, найденные на одном из поселения (с. Александровское). Развитие социальных отношений этого этапа знаменуется дальнейшим ростом и укреплением патриархальных отношений. Характерно, что одиночных мужских погребений уже почти нет. Появление отдельной патриархальной семьи явствует уже из начала имущественного неравенства, запечатленного разностью инвентаря в отдельных погребениях. Уже намечаются более богатые и более бедные погребения. Непосредственным результатом развития скотоводства и увеличения богатств явилась война, потребовавшая создания новых видов сооружений. Оружие уже достаточно четко дифференцировалось от орудий труда, в частности, оружие стало лучше обрабатываться, украшаться (32). Весьма важной чертой андроновской культуры является ее очень широкое распространение. В частности это указывает не только на факт все развивающегося обмена, а также на то, что отдельные патриархальные семьи вошли в систему больших племенных союзов, компенсирующих слабость отдельных патриархальных семейств, выделившихся из рода на основе частного владения скотом. Андроновская культура чрезвычайно широко распространена. Возможно, что широкое распространение ее явилось следствием незафиксированных археологическими памятниками политических событий, а не только простым результатом развивавшегося обмена. Во всяком случае, мы имеем дело теперь с культурой, распространенной от Енисея на запад вплоть до Хорезма (33). Следует однако, отметить, что хорезмская культура все же ближе к восточноевропейским и северо-кавказским культурам, чем к южно-сибирским (34). Памятники андроновской культуры встречаются на Оби, Алтае, в центральном и восточном Казахстане и, наконец, у Аральского моря. Вещи андроновского типа встречены в Северном Приитыньшаньи, на Иссык-Куле и по р. Сокулук (35). Андроновская культура Енисея является на этой огромной территории лишь крайним восточным вариантом единого культурного комплекса. Восточней и Южней Енисея следов этой культуры до сих пор еще не было найдено. По всей территории, занятой андроновской культурой, наблюдаются свои локальные отличия и, в частности, культуры Алтая и Минусинского края ближе друг к другу, чем отличный от них казахстанский вариант бронзовой культуры. Имеет свои локальные черты и тазабагыбская культура Хорезма. Памятники Киргизии представлены еще случайными находками и одним кладом (о нем ниже гл. VI), однако уже можно говорить о специфических чертах северо-киргизской бронзы. Даже в пределах указанного района мы наблюдаем круг памятников, происходящих из более далеких областей, в частности из Восточной Европы. К ним относятся т.н. кельты сейминского типа (Ока), некоторые виды украшений и т.д. (36). Таким образом, андроновская культура Енисея, будучи в основе своей результатом спонтанного развития предшествующей афанасьевской культуры, представляет собой частное выражение развития обширной культуры от Енисея до Урала и вызвана была к жизни утверждением скотоводства, которое, в сочетании с земледелием и охотой, составило базу для создания патриархальной семьи и

первых племенных союзов, объединивших, если этнически не однородные, то во всяком случае родственные племена пастухов-скотоводов. С началом 1 тысячелетия до н.э. изменяется характер взаимоотношения культуры Минусинских степей и пути ее развития. прослежено это на памятниках т.н. карасукского типа, названных так по имени р. Карасук в районе с. Батеней, того-же Минусинского края 37). Преемственность развития карасукской культуры от предшествующей достаточно ясно прослеживается по конструкции насыпи и обкладке погребений, имеющих, правда, и свое особое лицо, например, прямоугольные оградки из вертикально врытых в землю каменных плит. Намогильное сооружение карасукского типа, как правило, включает одно погребение с тем же характером инвентаря, как и в андроновских памятниках. Последний, однако, отличается совершенством отделки и техникой исполнения. Шаровидные сосуды с выпуклым дном весьма хорошей выделки и обжига. Поверхность их ложила, иногда окрашивалась и покрывалась сплошь, но всегда в верхней части сосуда, геометрическим орнаментом. Разнообразие форм и характер отделки сосудов карасукского типа с несомненностью свидетельствует об особых технических навыках мастера, видимо специально, хотя и в пределах еще семьи, занимающегося ремеслом. Ремесленный характер приобретает и мастерство по бронзе, о чем говорит большое количество форм предметов, также разнообразных по функции и технике исполнения. Особое место занимают здесь разнообразные формы ножей (38). О совершенстве работ по бронзе говорят также фигурки животных - тотемов, часто украшающих рукоятки ножей. Этими изображениями человек пытался придать оружию силу (39). Чрезвычайно важным этапом в развитии хозяйства карасукцев является использование скота не только для мясной пищи, но и для получения молока. Основным поставщиком мяса стала овца (40). В погребениях ее кости являются единственными, в то время как молочный скот видимо сохраняли и не убивали при захоронении сородича. Баран, разведение которого стало чуть-ли не главной формой деятельности человека, одновременно становится культовым животным, что документируется находками высеченных из камня его изображений, переплетенных зачастую с культом солнца, как источником всей земной жизни (41). Сохраняется и образ прародительницы рода - женщины, изображение которой (во весь рост или погрудное) также наблюдалось на каменных монументах (42). С женщиной было связано здесь, видимо, открытие ею молочного использования скота, имевшего на первых порах почти исключительно магически ритуальный характер. Не случайно, что из минусинских степей происходят сосуды для доения скота, сделанные в форме вымени животного (43). Употребление такого типа сосудов с несомненностью свидетельствует о магическом характере первоначального доения скота. Женщина, которой ближе всего была известна практика кормления младенца молоком из своей груди, скорей всего могла понять возможность использования молока скота для кормления человека. Она явилась первой дояркой скота и с ней были связаны все аксессуары молочного хозяйства, на первых стадиях имевшие ярко выраженный магический характер. Обилие мясной и молочной пищи, развитие хозяйства в целом благотворно действовало на увеличение населения и его плотности. Об этом прежде всего свидетельствуют многочисленные и компактные родовые кладбища карасукцев, внутри которых археологи четко выделяют отдельные частные конструкции, соответствующие семейным единицам. С укреплением роли отдельной патриархальной семьи и ее собственности связано появление тамг-знаков собственности (44). К весьма важным особенностям карасукской культуры относится прежде всего ее известная "ограниченность районом Минусинских степей". Лишь одно исследованное карасукское погребение, да и то еще со специфически местными чертами культуры центрального Казахстана (аул Дындыбай на р. Чкркбайкура, Карагандинской области) (45), только подтверждает это положение. Наиболее близкие к Минусинскому карасуку, аналогичные памятники верховий Оби и Томска, уже имеют настолько ярко выраженные локальные

отличия, что позволяют археологам выделить эти памятники в своеобразные варианты (томский и верхнеобский) карасукской культуры (46). Этот "отрыв" карасукского этапа от территории прежде занятой андроновской культурой, объясняется переносом центра тяжести культурных связей на восток. Не случайно, что карасукского типа вещи находятся на западе, не дальше Томска, а на Востоке и юге встречались в Тувинской республике (47), в бассейне р. Селенги (48) и в Китае (49). В частности карасукский коленчатый нож ведет свое происхождение от ножевидных монет Китая (50). Объяснить причины распада андроновского союза и восточную "ориентацию" карасукского - для данного времени трудно. Видимо имевшие место причины не так легко вскрыть в материалах этого бесписьменного периода. Несомненно однако, что те связи, которые начинают реально прослеживаться для III в. до н.э. между Южной Сибирью и центральной Азией, не возникали случайно, и им предшествовал период первого знакомства (быть может в порядке обмена) еще за 1000 лет до н.э. С распадом андроновского племенного союза намечаемого карасукским этапом, связано формирование к западу от Минусинского края скифской культуры, к востоку, (на пару веков позже), гуннской. В известной мере Минусинский край, в силу своего положения и характера развития культуры и хозяйства, являлся некоторое время нейтральной полосой, когда в нем развилась т.н. минусинская курганная, или по другой терминологии, тагарская культура. Характерно, что в то время, как на Алтае и в Семиречьи уже прочно входит в быт железо, в Минусинском крае господствует еще бронза. Минусинцы испытывают на себе влияние скифской западной культуры и лишь с включением их в систему великой гуннской державы снова занимают, вместе с ними, ведущее положение в историческом процессе этих районов. Но прежде чем перейти к этому вопросу, остановимся на краткой характеристике минусинской курганной культуры. Минусинская курганная культура (51) представляет собой наиболее пышный, но вместе с тем и последний, этап развития бронзовой культуры минусинского края. Ее преемственность от карасука зафиксирована археологами по погребениям переходного типа, относимым к VIII веку и представляющим собой небольшие погребальные оградки из каменных плит, поставленных на ребро. Саму минусинскую курганную культуру исследователи делят на несколько ступеней развития (52). Наиболее древней стадией являются памятники VII-V вв. до н.э. в виде невысоких курганов с оградкой из камней вокруг основания. Большие камни, поставленные на ребро, стоят обычно по углам такой оградки. К V-III в. до н.э. относятся иногда очень высокие курганы, в которых имеются как коллективные, так и одиночные захоронения. Важно отметить, что в курганах этого времени, уже зафиксировано появление железа. Наконец, к I-II вв. до н.э. относятся одиночные курганы больших размеров с каменными оградами вокруг них, содержащие в своих погребальных камерах до 100 захоронений. Наряду с труположением в могилу, встречается в них и обряд сожжения. Железные вещи получают здесь свое наибольшее развитие. Памятники третьего этапа уже связаны с резкими изменениями в культуре Минусинского края и последующими за ними погребениями Таштыкского типа, рассмотрение которых выходит за пределы настоящей главы. Мы рассмотрим сейчас процесс развития культуры за все три этапа, лишь отмечая попутно те явления, которые характерны для более позднего и раннего этапов. Скотоводство, развитие которого мы рассматривали раньше, в Минусинской курганной культуре получает свое максимальное развитие, как скотоводство пастушеского типа. Люди разводили лошадь, быка, барана, козу, что документируется как находками в могилах, так и изображениями на камнях могильных оград и скалах (53). Возможно, что впервые, видимо, на третьем этапе развития этой культуры, возникает здесь разведение верблюда. Наличие последнего документируется изображением одного верблюда на т.н. Боярской писаннице (54), а также находкой барельефного украшения верблюда с сидящим на нем человеком, относящимся к последнему этапу этой культуры (55). Впрочем, такого типа вещь могла

быть занесена в порядке торговли, тем более, что здесь изображен западный тип двугорбого верблюда (*Camellus Bactrianus*), но эта находка, в сочетании с писанницей, дает возможность предполагать и его местное использование. Характер изображений, встреченных на разнообразных предметах, позволил археологам даже установить наличие разных пород лошадей - тяжеловесной и легкой (56). Чрезвычайно важным изображением этого времени является освоение тягловой силы домашнего животного, достаточно ясно показанной находками уздечных частей и сбруи. Кроме того, это документируется рисунками на скалах, где имеются изображения быка в упряжке в четырех колесную арбу, а также сцен боя между верховым (на коне) воином и пешим (57). Для езды на лошади были уже изображены седла, не знающие еще стремян. Освоение тягловой силы скота способствовало дальнейшему развитию хозяйства, однако она еще не была освоена для плужного земледелия. Последнее оставалось мотыжным, что зафиксировано на одной из писанниц изображением человека работающего мотыкой (58). Характерно также отсутствие для этого времени и сошников. Такого типа земледелие возможно было только в виде огородничества и то только по поймам рек, на мягких почвах. Использование животных, как средства передвижения, и наличие овцы, приспособленной для пастбы в засушливых районах степей, позволило древним минусинцам расширить свою сферу деятельности. Характерно, что к третьему этапу минусинской курганной культуры археологи уже фиксируют продвижение курганов к северу, в сторону Красноярска, ранее не заселенного района (59). Впрочем об этом продвижении мы еще будем говорить несколько ниже. Несмотря на развитие скотоводства, образ жизни, благодаря земледелию и рыболовству, носил еще полуседлый характер. Об этом говоря изображения деревянных срубных построек на той же Боярской писаннице (60). Для того, чтобы закончить обзор хозяйства укажем, что значительное место занимала и охота, преимущественно на оленя. Наскальные изображения сохранили нам сцены одиночной и коллективной (облавной) охоты и загоны для оленей (61). Ярким проявлением культуры этого этапа является развитие бронзолитейного производства. Наибольшее количество предметов из бронзы и наибольшее разнообразие их форм, как орудий труда, так и украшений, относится к периоду VII-I вв. до н.э. (62). Бронзолитейное производство явно становится делом специальных мастеров, ставящих клейма на сделанные ими предметы. Развитию этого производства способствовала, в частности, обеспеченность края ископаемыми. Уже по третьему этапу наблюдается вытеснение бронзы железом. Так, напр., были находимы бронзовые кинжалы с железной рукоятью (63). Бронзолитейное дело тесно связано с развитым искусством украшения вещей, главной темой изображения являлось изображение зверей, а основным местом, где эти украшения ставились - было навершие кинжалов, секир и вообще вооружение. Вторую значительную группу изображений составляли части костюма (бляхи, пряжки и т.п.) (64). Развитой "звериный стиль" украшений был тесно связан с комплексом своеобразных идеологических представлений человека, связывающего свое происхождение с тем или иным животным (тотемном) и способного видеть в изображении этого животного чудодейственную силу (магия). Техника и характер изображения зверей, тесно связывает культуру минусинцев с т.н. скифской культурой (65). Особенно эта связь прослеживается на памятниках второго и третьего этапов. В самом деле в это время (V-I в. до н.э.) по соседству с Енисеем, на Алтае и далее на запад мы имеем дело с уже сложившейся культурой ранних кочевников, характерной в частности своим звериным стилем (66). Трудно допустить, чтобы находящиеся рядом минусинцы не были бы захвачены, хотя бы в культурном отношении, этим мощным племенным союзом. Более того, можно предполагать, что начительное влияние на скифскую культуру, особенно в области изображения, оказали минусинцы, у которых изображения зверей появились еще в карасуке. На территории Азии Минусинский край

является древнейшим центром сложения тематик и звериного стиля (67). Не случайно поэтому некоторые исследователи считают возможным утверждать, что в сложении соответствующих сюжетов Центральной Азии и Северного Китая немалое значение имели древние минусинцы, а впоследствии и жители Алтая (68). Несмотря на связанность явлений культуры между Минусинским краем и Алтаем в скифскую эпоху, все же основные культурные и политические связи здесь идут на юго-восток. Не случайно сюда, в сторону Тувы и Монголии, идут следы аналогичной культуры и явлений, свойственных Енисею. Они захватывают район Забайкалья и доходят вплоть до Китая (69). Собственно наличие этих связей было уже нащупано в карасунскую эпоху. Намечается некое единство культурных связей с вышеназванными районами, ограниченное на западе меридианом Томска, на востоке, к северу от Байкал, меридианом Иркутска. На север эта культура доходит до параллели Красноярска, на юге - спускается на параллель Улан-Батора и, даже, Пекина. Единство культуры описанного района совпадает с ареалом распространения длинноголового расового типа с долихопрозопическим лицом, узким горбатым носом и выдающимся затылком (70). Несомненно, что это и есть те динлины и бома китайских летописей, которые особенно удивляли жителей Китая своими голубыми глазами, рыжими волосами и вообще светлой окраской (71). Этот тип населения Енисея создан на основе того развития хозяйства и культуры, которое мы выше описали. Таким образом резюмируем основные, наиболее важные для нас выводы. К III веку до н.э., т.е. к тому времени, когда впервые появляются племена "киргиз", в китайской форме "цзянькунь", жившие тогда по верхнему течению р. Енисей, в районе Минусинского края, - мы имеем: полуседлые пастушеские племена скотоводов, с высокоразвитой техникой бронзолитейного производства, занимающиеся земледелием, охотой и рыболовством. Культура насельников Минусинского края явилась плодом длительного развития хозяйства с середины третьего тысячелетия до н.э. и принадлежала белокурому, длинноголовому типу населения, известного китайцам под именем динлин. Это динлинское общество, являющееся союзом племен, будучи до I тысячелетия до н.э. связанным с западной частью Азии, с I тысячелетия до н.э. вступает во все сильнее развивающиеся взаимоотношения с племенами Центральной Азии. Будучи временно, в V-III вв. до н.э. культурно объединенным с могучим скифским союзом, оно, не порывая в это время связей с Центральной Азией, к первым векам до н.э., попадает под ее непосредственное воздействие. Ко времени, предшествующему связям динлин с Центральной Азией, динлины прошли длительную историю этногенеза, в которой участвовали разнообразные и иногда далеко друг от друга территориально расположенные племенные компоненты. Известная самостоятельность развития культуры Енисея, непрерывность ее развития в течение почти двух с половиной тысячелетий, позволяет нам видеть во всех выше разобранных этапах культуры динлинский этногенез. На базе динлинского этногенеза произойдут те изменения, которые позволят выкристаллизоваться новому этническому явлению - киргизам. Но то новое этническое явление - киргизы, историю которого мы будем разбирать ниже, явилось прямым результатом предшествующего динлинского этногенеза. Здесь были заложены основы характерных форм скотоводческого хозяйства, культуры и расового типа, которые долгое время отличали впоследствии киргизские племена от родственных им тюркских племен. Вот почему истоки сложения киргизских племен, а следовательно и история киргизского народа, должны начинаться по археологическим памятникам с афанасьевской культуры, с анализа динлинского этногенеза, на базе которого и возникает древнее киргизское общество.

Примечания

14 См. В.Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1927 г. на стр. 6 он писал: "Известие о событии 201 г. до нашей эры должно быть признано первым по времени известием о киргизах" курсив В.Бартольда.

15 См. Шыцзи, гл. 110. И.Бичурин, Собрание сведений о народах Средней Азии, обитавших в древние времена, СПб, 1851 г., ч. 1, стр. 17. Обзор древних сведений о киргизах см. Y.Margnart *Über Volkstum der Komakan*. стр. 65 и 68.

16 См. ниже гл. III. О преемственности названия цзянькунь и киргиз см. Таншу, гл. 140 б "Хакас есть древнее государство цзянькунь". См. И.Бичурин, ук. соч., н.1, стр. 442-443. Объяснение слова цзянькунь см. у P.Pelliot, *Journal Asiatique*, п. XV, стр. 137, который считал, что "цзянькунь" это монгольская форма передачи названия имени киргиз в единственном числе, известном китайцам через гуннов. См. F.Hirtu. *Die Nachworte zur Ynschrift des Tonjuquq*. АТІМ. Zweite Folge.

17 В основу дальнейшего изложения положена классификация археологических памятников, предложенная С.Теплоуховым. См. его работы "Древние погребения в Минусинском крае", "Материалы по этнографии", т. III, в. II. Его классификация принята почти всеми советскими и зарубежными учеными. Укажем, например, на А.Salmony (ср. его *Sino Siberian art in the collection of Paris* 1933); *Ynner Mongolia*, Tokyo, 1928; *Talgren b Enrosia sep nalis antiqua* и др. Среди советских археологов эта классификация и принята за основу, но в нее вносятся поправки и дополнения. См., например, *История Народов СССР*, ч. 1-П, ИИМК, Академия Наук, 1939 г.

18 См. С.Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, стр. 62 и сл. Опыт классификации, стр. 41.

19 С.Теплоухов, Древние погребения, стр. 71.

20 Г.Сосновский, К истории скотоводства в Сибири. Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных, т. 1, Лгрд, 1940 г., стр. 139; С.Теплоухов, Древние погребения, стр. 68-69.

21 С.Теплоухов, ук. соч. стр. 75.

22 О таком развитии скотоводства см. статью А.Золотарева и Левина в сб. Проблемы ПЭПОЖ, т.1, Л., 1940 г.

23 И.Грязнов, в *Истории народов СССР*, ч. 1, стр. 144.

24 Ф.Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч. т.XVI, ч. 1, стр. 39.

25 С.Киселев, в Ежегоднике Государственного Музея им. Мартьянова в г. Минусинске, т. VI, в. 2, 1928 г.

26 Керамика аналогичного типа встречается в таежных областях, например, в Якутии. (Из материалов экспедиции 1940 г., возглавляемой А.Окладниковым).

27 И.Грязнов, ИНС, ч. 1, стр. 146.

28 С.Теплоухов, Древние погребения, стр. 75.

29 С.Толстов, Хорезмская экспедиция 1939 г., КС, стр. 70 и сл. Культуры Кельтиминаярская и отчасти Тазабагыбская. Подробней см. ВДИ № 1, 1941 г.

30 С.Теплоухов, МЭ, III, 2, стр. 17; МЭ IV, 2, стр. 43.

31 Описание андроновской культуры см. Г.Сосновский ИНС, ч. II, стр. 146 и сл.

32 С.Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, вып. 5, стр. 19.

33 Ср. М.Грязнов, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, сб. Казаки, Материалы Окисар, вып. II; его же, Казахстанский очаг бронзовой культуры, там же, вып. 15; см. его главу в ИНС, ч. 1, стр. 146, С. Толстов, КС, VI, стр. 70. В Хорезме аналогичная андроновской тазабагыбская культура.

34 См. С.П.Толстов ВДИ, 1, 1941 г.

35 См. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941 г., стр. 20 и сл.

36 Ср. Грязнов и сб. Казаки, в. II.

37 С.Теплоухов, МЭ, III, 2, стр. 91; его же, МЭ, т. IV, 2, стр. 44.

38 Merhart. *Die Bronzezeit der Yenissei*.

39 В.Гольмстен. Из области культа древней Сибири. Известия ГАИМК, № 100, стр. 100. Ср. работу Anderson. *The Hunting in the animob style*. Stockholm. 1932.

40 С.Киселев даже выдвинул термин "барановодство" карасукцев, см. ИГАИМК, 65, стр. 10 и сл.

41 С.Киселев, Семантика орнамента карасукских стел, ИГАИМСК, № 100, стр. 280 и сл.

42 С.Киселев, ук.соч. 287.

43 А.Бернштам, К вопросу о классовом расслоении, Проблемы ПИК, 1933, № 7-8, стр. 66.

44 М.Грязнов, ИНС, т.1, стр. 152.

45 Работа ГаИМК на новостройках, т. II, стр. 49 и сл. Погребение в. 11.

46 М.Грязнов, ИНС, ч. 1, стр. 153, стр. 153; Ср., Однако, раскопки Граковой в Северном Казахстане, у Петропавловска. Об этом у С.Киселев, Советская археология Сибири периода Металла ВДИ, 1 (2), 1938, стр. 253.

47 С.Теплоухов, МЭ, III, 2, стр. 105 и сл.

48 Специально вопросу карасука в Забайкалье посвящены работы Г.Сосновского. См. КС. VIII.

49 Карасукская культура в Китае обнаружена во многих местностях. Ср. основные публикации у Arne, Andersson'a и др.

- 50 Пожалуй один из первых показал это Reineske. Издание этих ножей см. В Цзинь Ши Су т. III (на кит. языке)
- 51 С. Теплоухов, МЭ, IV, 2, стр. 45 и сл.; Merhart, ук. с оч. С. Киселев называет минусинскую курганную культуру "тагарской". См. его "Тагарская культура" Труды РАНИОН, т. IV.
- 52 Общий обзор см. Г. Сосновский, ч. II, стр. 413.
- 53 См. Г. Сосновский, К истории скотоводства в Сибири, стр. 144-145.
- 54 М. Грязнов, Боярская писанница, проблемы ИИМК, № 7-8, стр. 41 и сл.; А. Бернштам, К вопросу о классовом расслоении, там же стр. 46.
- 55 С. Теплоухов, МЭ, IV, 2, стр. 53, рис. 101.
- 56 Г. Сосновский, ИНС, ч. II, стр. 415.
- 57 Эстампажи хранятся в МАЭ АН СССР, гипсовые копии в этнографическом музее в Ленинграде.
- 58 Ср. А. Бернштам, проблемы ИИМК, 7-8, стр. 47.
- 59 В. Левашева. Из далекого прошлого южной части Краснодарского края, Красноярск, 1939 г. Ср. статью Карцева, Падогоное и Ермолаевское городище в сб. в честь Городцова. (Труды РАНИОН, IV), стр. 559.
- 60 М. Грязнов Проблемы ИИМК, 7-8, стр. 41-43.
- 61 По эстампам в МАЭ.
- 62 Merhart, ук. соч. Ср. С. Киселев, Литейная форма из Сибири, ТСА РАНИОН, т. II, М. 1920, стр. 9-12.
- 63 Merhart, ук. соч.
- 64 В. Гольмстен. Известия ГАИМК, № 100; A. Salmony. Sino-Siberion Art. Paris. 1938 г.
- 65 Ср. многочисленные по этому вопросу работы М. Ростовцева, Боровка и др. Обзор этих работ в нашей статье "Золотая диадема из нананского погребения на р. Каргалинке", КС, V.
- 66 См. М. Артамонов, ИНС, ч. 1, стр. 239.
- 67 Из последних авторов особенно это подчеркивал Mc Govern Empires of Central Asia. Caroling Press 1939 г. / Ср. нашу рецензию в ВДИ № 3-4. 1940.
- 68 Mc. Govern, ук. соч.
- 69 Г. Сосновский, КС, VIII.
- 70 Г. Грум-Гржимайло, О белокурой расе в Средней Азии, Сб. "Потанину", Записки РГО, по отделению этнографии т. XXXIV.
- 71 Об этом см. ниже гл. IV

Глава II.

Происхождение киргиз и первые сведения из их истории

С концом Минусинской курганной культуры исследователь приступает к изучению новой эры исторического развития енисейских обществ. Развитие имущественного неравенства, запечатленное разнообразностью захоронений в минусинской курганной культуре, развитие скотоводства и выделение ремесленников бронзолитейщиков, развитие обмена - все это влекло к распаду основ родового строя - общинного труда. С падением роли рода, естественно отмирали и его атрибуты. Прежде всего сошли со сцены эндогамность, т.е. запрет заключать брак с лицами, происходящими из другого племени. Развитие войн, возникших в связи с охраной стад, неизбежное появление военнопленных, а среди них женщин - наложниц, положило основу смешению различных расовых типов, скрещению в области языка, культуры и проч. Все усиливающийся обмен, прослеженный нами выше с весьма древних времен, а также соответствующие политические конъюнктуры, возникавшие в Центральной Азии, т.е. области с которой были связаны енисейцы с эпохи карасука, благоприятно отражались на ускорении этого процесса скрещивания, вызвали резкие изменения в этническом составе населения Енисея. К таким благоприятным обстоятельствам в этом направлении относится прежде всего роль гуннского (72), а затем и сяньбийского племенного союза и его взаимоотношения с енисейскими племенами. Ведь даже благодаря истории последнего мы впервые узнаем имя "киргиз". В предшествующей главе мы рассмотрели этапы возникновения и развития скотоводческих племен Верхнего Енисея, на базе которых сложились племена киргиз. Теперь нам надлежит проследить наиболее ранние, в письменных источниках, упоминания самого этнонима киргиз. Наиболее древнее упоминание этнонима киргиз находится, как мы выше указали, в китайском тексте Ши-

цзи, в разделе, повествующем о походах гуннского шаньюя Мао Туня. Текст сообщает: "затем на севере они (гунны) покорили владения Хуньюй, Цзюй-ши, Динлин, Гэгунь и Цайли. В виду этого гуннские старейшины (дачэнь) и благородные (Гуй жэнь) повиновались Мао Туню шаньюю и признали его мудрым" (73). Далее говорится "в это время ..." (указывается 201 г.) и затем идет изложение уже других событий, не имеющих отношения к нашей теме. Судя по месту, которое занимает вышецитированный отрывок в тексте Ши Цзи, событие может быть датировано 201 годом. Так это утвердилось в литературе и обычно принято считать, что древнейшее упоминание термина "киргиз", в форме "гэгунь", относится к 201 г. Однако, это не совсем точно. В тексте 170 дата следует за этим местом повествования и собственно связана с действиями гуннов уже в пределах Северного Китая. В таком случае нет абсолютной уверенности, что событие относится именно к 201 году. Если оно относится не к 201 г., то во всяком случае не раньше 209 г., так дата 209 г. датирует события предшествующие тем, которые нами сейчас разбираются. Таким образом, осторожней будет сказать, что первое упоминание о киргизах относится к промежутку времени от 209 г. до н.э. Перейдем теперь к разбору тех пяти этнонимов, среди которых содержится китайская транскрипция термина киргиз. Племена хуньюй, видимо, являлись жителями северной Монголии, возможно Забайкалья. Так, они впоследствии, в форме хунь (несомненно связанной с хуньюй), упоминаются как одно из коренных племен гуннского союза (74). Фонетический анализ этнонима Цзюйме показал, что иероглифы, коими транскрибировано это имя, в древности звучало "Кыйчак" (75), что несомненно является китайской транскрипцией тюркского этнонима "кыпчак", живших в то время видимо недалеко от Енисея, возможно на Алтае. Не случайно древние кыпчаки имели, подобно древним киргизам, общие расовые черты, всегда бросавшиеся в глаза средневековым авторам. Совершенно неясно положение /синди/ - которые, как следует, находились где-то поблизости от этих племен. Ввиду того, что нам по другим источникам известны племена для этой эпохи в районе Забайкалья, естественней полагать, что с ними были племена Западного Алтая, возможно, что они жили по Иртышу. Перейдем к анализу еще двух племенных названий - динлин и гэгунь. Что китайцы имели в виду под именем динлин, этого вопроса мы уже частично касались выше. Очевидно речь идет о всех северных племенах, в числе которых входили и енисейские племена (76). Из последних здесь названы гэгунь или цзянькунь. Это имя является транскрипцией древних названий рек Енисея и Орхона. Совершенно очевидно, что это племя обитало в верхнем Енисее, т.е. из числа енисейских племен было наиболее южным, следовательно, наиболее близким и знакомым гуннам. Более того, как следует из тех же китайских источников под именем гэгунь видимо понимались все южно-динлинские племена. Об этом говорит следующий любопытный факт. В 99 году до н.э. гуннский шаньюй (князь) Цзюйди-хэу, разбил китайские войска и взял в плен китайского полководца Ли Линэ. Помоловав последнего, "шаньюй оказал Ли Лин должное почтение и женил его на своей дочери" (77). По сообщению другого китайского источника ему была дана во владение область киргизов, называемая источником Хакас (78). О том, где точнее находилась эта часть владения области Хакас, является местом жительства Ли Лина, говорит его друг Соу-у, который посетил в то время Ли Лина. Соу-у сообщает, что Ли Лин живет на берегу озера Бэйхай (79). Последнее является ни чем иным, как китайским названием озера Байкал (Бэйхай в переводе означает "Северное море"). Ниже, когда мы будем разбирать границу киргизского государства, нам придется столкнуться опять с тем фактом, что во всяком случае крайние восточные границы киргизского государства подходили к Байкалу. Из сказанного следует, что видимо от Верхнего Енисея, по Туве и до Байкала были расселены киргизские племена, выше их, т.е. к северу, были расположены динлины. Упомянутые только что гэгунь, как и динлины, были покорены гуннами, в результате этого чисто политического события произошли весьма интересные результаты в области

этнической. Увеличение связей гэгунь с гуннами нарушило естественно эндогамию, а это раскрыло все возможности для развития браков между этнически разными племенами. В результате мы наблюдаем скрещение двух разных типов, описание которых своеобразно зафиксировано китайскими источниками. Они говорят о киргизах VI-IX вв. "Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черными волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лина" (80). Цитированный отрывок чрезвычайно интересен. Старые воспоминания об эндогамии, видимо, еще имели сильное значение, если "черные волосы считались нехорошим признаком" (81). Характерно также объяснение темных глаз связями с Ли Лином и его потомками. Дело, конечно, не в том, что киргизы в этом изменении своей внешности правильно видели скрещение с другими (в этническом и расовом отношении) племенами. По преданию китайцы связывали изменение расового типа с Ли Лином, на самом деле речь идет о массовом скрещении гэгунь с центрально-азиатскими племенами. Из приведенных фактов также следует, что до своего смещения гэгунь принадлежали, во всяком случае в расовом отношении, - к динлинам, а как мы показали выше (см. гл. 1) не отличались от них по культуре. Вместе с тем, уже в конце III в. до н.э. они носили отличный от динлин этноним - значит были уже тогда в общем динлинском племенном союзе самостоятельным племенным целым. Со времени их связей с гуннами, тип киргиз все резче и резче выделялся из остальной массы динлинских племен. Видимо на рубеже н.э. происходило значительное выделение киргизских племен из динлинского субстрата. Этот процесс, намечаемый китайскими источниками, может быть более детально прослежен на памятниках материальной культуры, в частности, на материалах, т.н. таштыкского культурного этапа. Памятники таштыкского переходного культурного этапа, являются, по мнению археологов, историческим развитием минусинской курганной культуры и относятся ко времени II в. до н.э. - I-II в. н.э. (82). Очевидно, что в этих памятниках мы должны иметь характеристику культурного состояния киргизов этого времени. Памятники таштыкского переходного этапа представлены большими одиночными погребениями в ямах, почти незаметными на поверхности. Погребальное сооружение устраивалось на глубине от 1,5 до 4 метров и было хорошо отделано бревнами или досками, иногда даже делались деревянные полы. Погребения редко заключали более одного покойника, и иногда количество погребенных достигало трех человек. Характерной особенностью погребений является частое наличие мумифицированных трупов с гипсовыми масками на лице (83). Часто маски раскрашивались. Рядом с покойниками находились куклы, сделанные из кожи, травы и материи, причем, в качестве последней нередко фигурирует китайский шелк. Рядом с покойниками находилась также керамика, весьма схожая с минусинской курганной по технике выделки, но кроме того имеющая неизвестный ранее орнамент - арочный и спиральный. Весьма характерными являются многочисленные изделия из дерева, особенно богато представленные в наиболее крупном могильнике таштыкского типа, в т.н. Оглахтинском могильнике (84). По материалам последнего можно, в частности, реконструировать некоторые черты быта древних киргиз. В эту эпоху наибольшего развития достигает земледелие и не утрачивает своего значения скотоводство, продолжающее существовать на базе уже оседлого хозяйства. На оседлость указывают обширные могильные поля, знаменующие долгое пребывание здесь населения, а также срубы в могилах, видимо, соответствующие срубным деревянным постройкам. Не случайно было найдено и большое количество зерен проса и железные наконечники мотыг. Впрочем, существовало, вероятно, хотя-бы в незначительных формах и плужное земледелие. В скотоводстве попрежнему продолжает преобладать овца. В изготовлении орудий труда, украшений и всевозможных бытовых вещей абсолютно преобладали изделия из леса. Чрезвычайно важно отметить появление здесь железных стремян и

широкое развитие железного оружия. Развитие ремесла достаточно ярко прослеживается по обильным находкам изделий из дерева, кожи, шерсти, по тонко сделанным гипсовым маскам и т.п. Прекрасно документируется, ставший вероятно регулярным, обмен. Китайские зеркала, монеты и особенно ткани, наглядно это подтверждают. Выдающийся интерес представляют найденные здесь, а также и в более поздних погребениях III-V в. н.э., гипсовые погребальные маски, которые накладывались на лицо умершего и которыми видимо пытались сохранить портрет покойного. Если ранние маски накладывались непосредственно на лицо и на лице формировались, то поздние т.н. бюстовые маски, лепились произвольно и закреплялись на постаментах. Изучение масок показало интересную картину. Если ранние маски, дают по расцветке и характеру лица, длинноголовый и белокурый тип, целиком и полностью отвечающий краниологическому материалу минусинских погребений, начиная с афанасьевских погребений, другими словами воспроизводит динлинский тип, то маски, находимые в более поздних погребениях имеют уже приплюснутый нос, раскосые глаза, темную окраску. Были найдены также и маски, отображающие смешанный тип, если можно выразиться, гунно-динлинский тип (85). Эти факты, наблюдаемые на материалах таштыкского времени, показывают, что мы имеем здесь процесс смешения разных (во всяком случае двух) культур и расовых типов. Совершенно очевидно, что процесс смешения вызван был проникновением в район Енисея центральноазиатских племен, а через них прошла сюда и китайская культура. Наряду с гуннами, видим, в первых веках н.э. сюда проникли и сяньбийцы (86). Последнее мы устанавливаем на основании времени существования самих памятников, а, во-вторых, еще по одному, внешне казалось бы незначительному факту. В Оглахтинском могильнике были найдены заплетенные в косу человеческие волосы у мужчин и женщин (87). Обычай заплетать волосы в косу был в Центральной Азии известен лишь сяньбийцам, от которых этот обычай затем перешел в Китай (88). Сяньбийцы же проникали на север в промежуток между 147-156 г., где вождь сяньбийцев Таньшихай <остановил динлинов>, видимо пытавшихся проникнуть на территорию гуннов, после падения власти гуннов в Монголии и вследствие разгрома их сяньбийцами (89). Такие косы, не только срезанные с головы, находились и в Ноин-Улинском (Шаньюйском погребении - курган № 6), где они являлись приношением со стороны подвластных тогда гуннам сяньбийцев. Косы, которые находились в Огдахтинском могильнике, очевидно, могли туда попасть не раньше столкновения енисейских племен непосредственно с сяньбийцами, так как сами гунны кос не носили. А этот эпизод относится, как мы это указали выше, к середине I столетия н.э. Видимо к этому времени следует относить и Оглахтинский могильник (90). Следствием вторжения гуннских, а затем сяньбийских племен в страну древних киргиз, следует считать и продвижение поздне-минусинских курганов на север, в район Ачинск-Красноярск (91). Вполне естественно, что часть племен динлинов вынуждена была уйти на север под давлением южных племен. Остались на своих местах киргизы, ибо несколькими веками позднее мы встречаем их памятники на Енисее и даже южнее, в Туве. очевидно, что они не покидали своих мест и были включены в систему центрально-азиатских держав. Следствием этого явилось то, что они потеряли свой первоначальный расовый тип, изменили характер своей культуры. Это документируется гипсовыми масками и находками в таштыкских могильниках, в частности, Оглахтинском. Динлины же, ушедшие к северу, не подверглись этому скрещению, и этногенез пошел у них иначе, свидетельством чего являются енисейские остяки, больше всего из сибирских народов сохранившие динлинские черты (92). В процессе смешения цзянькунь с центрально-азиатскими племенами гуннов и сяньби окончательно сложились киргизские тюркские племена. Памятники таштыкского переходного этапа, известные главным образом по материалам Оглахтинского могильника, все же имеют мало связей с предшествующей, минусинской курганной культурой. Культура Оглахтинского могильника - не

имманентно выросшая на базе развития поздних тагарцев, а культура, которая возникла в результате особых условий. Эти отличия выше уже были отмечены. В то же время непосредственно продолжают линию развития познетагарской культуры каменные курганы ранних чаатасов. Здесь конструкция погребения, инвентарь, керамика - все имеет непосредственные генетические связи с тагарской культурой, равно как с ранними чаатасами связаны курганы уже времени киргиз VI-X вв. (93). Подобно таштыкским погребениям чаатасы имеют явные следы влияния китайской культуры, содержат, так же как и Оглахты, маски, несущие на себе черты смешанного антропологического типа с преобладанием монголоидного типа (94). Так же как и в Оглахты покойники, мужчины и женщины, имеют косы, а в одной могиле была найдена статуэтка мужчины из дерева с изображением косы (95). Связанность ранних чаатасов с тагарской культурой и сходство этих курганов только по инвентарю с оглахтинским позволяют высказать предположение, что ранние чаатасы являются памятниками местного населения в пору скрещения его с центрально-азиатскими образованиями. Оглахтинский могильник, и вообще таштыкского типа памятники относятся вероятно к тому же времени, но принадлежат пришлому населению, всего вероятней сяньбийцам, входящим в это время в скрещение с местным населением. Результатом этого процесса и явился смешанный антропологический тип (96), демонстрирующий скрещение динлинского и монгольского населения, давшего в результате тюркский этнический тип древних киргизов. Мы очень мало располагаем данными по истории этих скрещений, но все же для 1 века до н.э. мы имеем по этому вопросу более или менее конкретные данные. Ценность увеличивается тем, что здесь впервые мы получаем материал по истории связи древнекиргизских племен с территорией Северной Киргизии. В 49 г. до н.э. северогуннский шаньюй Чжи-чжи, не пожелавший пойти на службу в Китай, вместе со своими дружинами, начинает походы против ряда северных племен, в том числе усуней, пытаясь объединить их под своей властью (97). Поход против усуней, по сообщению китайских источников, был вызван убийством посла Чжи-чжи-шаньюя, причем, голова посла была отправлена китайскому наместнику. Посол Чжи-чжи шаньюя должен был передать усуньскому малому гуньмо (предводителю) Уцзюту предложение Чжи-чжи о военном союзе (98). 8.000-ая конница войск усуней не спасла их от разгрома со стороны Чжи-Чжи. Покончив с усунями, Чжи-Чжи повернул на север (т.е. на север от Тянь-Шаня), где разбил племена Уге (угров, уйгур) (99). Покорившиеся Чжи-Чжи завершает свой поход войной с динлинами. Военные успехи Чжи-Чжи шаньюя укрепили военную мощь северных гуннов, включавших под свою власть войска уге, гэгунь и динлинов. Только после этого северные гунны начинают свои походы против усуней. Ставку Чжи-Чжи основывает среди племен цзянькунь, находящихся по координатам китайского источника того времени, от ставки шаньюя (имеется ввиду ставка шаньюев в Монголии, в районе Хангая) на 7000 ли на запад (следует понимать северозапад) и племен Чешы на 5000 ли на север (чешы восточная часть современного Синьцзяня) (100). Эти координаты приводят не на Енисей, а много западней. Для того, чтобы уяснить точное положение племен цзянькунь, среди которых утвердил свою ставку Чжи-Чжи, проанализируем путь его движения. После разгрома усуней Чжи-Чжи пошел на север. Это значит, что от Северной Киргизии он пошел в направлении Балхаша, где разбил уге. Видимо последние жили в районе Илийской долины, на Заилийском или Джунгарском Алатау. От племени уге на западе он разбивает войска цзянькунь (101). Совершенно ясно, что ни о каком Енисее речи быть не может. Видимо здесь речь идет о Северном Прибалхашьи. Динлинами, войной с которыми он кончает свой поход, могли быть названы северные племена этого района, так как динлинами китайцы называли вообще все племена на севере азиатской части СССР. Но, таким образом, речь идет о части киргиз, расположенной в районах, тяготеющих к Тянь-Шаню и его отрогам. Среди этих западных цзянькунь и утвердил Чжи-Чжи свою ставку. Отсюда он совершал свой второй

поход на усунь, т.е. на юг (102). Здесь он врезался клином по р. Талас, в целях обеспечения спокойствия на окраинах кангюйского племенного союза. Последний призвал северных гуннов во главе с Чжи-Чжи с целью создать буфер между владениями кангюй и владениями усунь (103). Обратим внимание еще на один факт. Когда кангюй отправили к Чжи-Чжи посольство, в его ставку среди цзянькунь, и попросили оказать помощь, то Чжи-Чжи ответил согласием и "последовал со своим войском на запад к кангюй" (104). Таким образом Чжи-Чжи шаньюй напал на усуней, идя от цзянькунь с востока. Поход от цзянькунь на усуней, свидетельствует, что племена древних киргиз были в его войсках, и они достигли Северного Притяньшанья и р. Талас. Этот поход был зимой 47-46 гг. до н.э. После этого ставкой Чжи-Чжи шаньюя становится верхний Талас, где он и был разбит в 36 г. китайскими полководцами Чэнь Таном и Ганьяньшоу (105). Обнаруженные в Таласской долине своеобразные захоронения в катакомбах связаны с этими событиями, но о них см. ниже (гл. VII). Таким образом 47 г. до н.э. является первой бесспорной датой проникновения какой-то части племен цзянькунь, вместе с северными гуннами на территорию Тянь-Шаня. Эти события послужили причиной закрепления части цзянькунь на западе, что отмечает и китайский источник первой трети III века Вэй Лио (106). Это показание Вэй Лио, повторенное и китайской энциклопедией Вень-Сянь Тун Као, известного китайского ученого Ма Дуань Линя (107), вызвало большой спор среди ученых, частью признававших, частью отвергавших правильность этого сообщения (108). Однако, западное местоположение части племен цзянькунь, подтвержденное двумя независимыми друг от друга источниками и повторенное Ма Дуань Линем, не может быть случайным. Это согласное указание, в сочетании с теми фактами, которые указывали при анализе маршрута походов северных гуннов 47 г. до н.э., позволят нам определенно предполагать наличие цзянькунь где-то в районе Тяньшаня. Видимо они были не только в I в. до н.э., но сохранились и еще в III веке, ибо Вэйлио, источник независимый от Цяньханьшу, снова говорит о западных цзянькунь. Приведенные факты дают возможность сделать два важных вывода для истории киргиз и Киргизстана. Первый вывод заключается в том, что сведения китайских летописей рисуют конкретное скрещение цзянькунь не только с окружающими племенами, но и с северными гуннами. Второй вывод из тех же фактов с несомненностью говорит о расщеплении древних киргиз на две ветки, из которых одна большая осталась на Енисее (и на базе которой возникло киргизское государство VI-X вв.), другая - осела в притяньшаньских областях, и явилась первой частью киргизских заселенцев на территории современной Киргизии. Второй вывод, к которому нам частично придется вернуться ниже, имеет большое значение для истории Киргизстана, как родины киргизского народа. Второй вывод объясняет нам так же те в общем систематические связи, которые существовали между енисейскими киргизами и Тяньшанем, что еще будет предметом рассмотрения следующих глав. Возвращаясь к Енисею, мы можем в качестве итога заключить следующим положением. В течение III в. до н.э. - II в. н.э., в эпоху гуннов и сяньби, южная часть динлинских по происхождению племен цзянькунь вступила в скрещение с центрально-азиатскими племенами и в этот период произошла перемена их культуры, расового типа и, вероятно, языка, давшая в конечном итоге, к VI веку, тюркские племена енисейских киргизов. Этим завершился первый этап этногенезиса киргизов, прошедший в условиях разложения первобытнообщинного строя динлинского племенного союза, в условиях связи с варварскими военно-демократическими союзами Центральной Азии.

Примечания

72 Литература о гуннах огромна. См. К.Иностранцев, Хунну и Гунну., Лижвя, Л. 1926; Mc Govern, The Early Empire of Central Asia ср. нашу рецензию в ВДИ, № 3-4, 1940 г. В настоящее время в Трудах

Ленинградского Университета печатается наша работа "Очерки истории гуннов", где дана, в частности, вся основная литература по данному вопросу.

73 ШЦ, гл. 110. л. 10. В ПХШ гл, 84 а, л. 8 б, несколько иначе транскрипция этнонимов, из которой следует, что название последнего племени Цайли читается иначе - как Син-ли, а точнее Лунсинли. Комментатор Янь Шыгу пишет, что это "названия пяти малых владений".

74 О Хуньюй см. Ши цзи гл. 110. Хуньюй синоним древнейших кочевников Центральной Азии наряду с термином жун. С Хуньюй впоследствии Хунь см. также Таншу, И.Бичурин, ч.1, стр. 17.

75 Восстановление древнего произношения нами сделано по словарю В.Karlgren. Analitic Dictionary of Chinese and Sinno-Japanese. Paris. 1923.

76 Сводку литературы вопроса о динлинах см. у Грумм Грижимайло, белокурая раса в Центральной Азии. Сб. Потанину.

77 Цяньханьшу, гл. 96 а; И.Бичурин, ч.1, стр. 51.

78 Таншу, И.Бичурин, ч. 1, стр. 51.

79 Цяньханьшу, гл. 96 а.

80 Таншу, И.Бичурин, ч. 1, стр. 443. Аналогичные описания киргиз сообщает безымянная рукопись Худуд ал Алам (X в.) и автор XI в. Гардизи.

81 Таншу, И.Бичурин, ч. 1, стр. 443.

82 С.Теплоухов, МЭ, ч. IV, 2, стр. 50; Г.Сосновский, ИНС, ч. А, стр. 413.

83 С.Теплоухов, МЭ, ч. IV, 2, стр. 51; С.Киселев, Маски из древнейших Чаатас, Известия Гос.Музея им. Мартьянова № 1-12; "1-маска лица; II-маска передней половины головы (с ушами); III-маска передней половины головы с шеей и IV-маска-бюст", стр. 5. См. у С.Киселева литературу вопроса.

84 Г.Сосновский, О находках в Оглахтинском могильнике, Проблемы ИИМК, 5-6, 1935 г.

85 С.Киселев. ук. соч., стр. 5 пишет, что маски по физиономическому типу могут быть сведены к трем группам: I) Лица - крупные, со слабо выраженной скуластостью, довольно полными губами, прямо поставленными глазами, выдающимся вперед подбородком и тонкими длинными носами с горбинкой. II) Лица крупные, более широкие, с полными губами, прямо поставленными глазами, прямыми носами. III) Лица более тонкие, удлинённые, со слабо выраженной скуластостью, тонкими губами, прямо поставленными глазами, умеренными подбородками и миниатюрными, слегка вздернутыми носами.

86 Саньгочжи, И.Бичурин, ч. 1, стр. 169.

87 Г.Сосновский, О находках в Оглахтинском могильнике. Проблемы ИИМК, 7-8, 1933 г.

88 А.Бернштам, К датировке таштыкской культуры (рукоп.) И.Бичурин, 187.

89 И.Бичурин, 1, 169.

90 См. нашу заметку. К датировке таштыкской культуры (рукопись)

91 См. сб. "Городцову" ст. Карцева.

92 С.Киселев, ИГАИМК, 65, стр. 26.

93 Л.А.Евтюхова, К вопросу каменных курганов на среднем Енисее, сборник статей по археологии СССР, М. 1939 г. стр. 111 и сл.

94 С.Киселев, Саяно-алтайская экспедиция в 1933 г., ВДИ № 1, 1939 г., стр. 252 и сл.

95 Ук. соч. стр. 254.

96 С. Киселев, Разложение рода и феодализма на Енисее, ИГАИМК, вып. 65, Л. 1933 г., стр. 25 и сл.; его же, маски из древнейших чаатас, Изв. ГМ им. М., № 1 (12), Минусинск, 1935 г.

97 А.Н.Бернштам, Из истории гуннов в I в. до н.э. Хухань и Чжи-чжи шаньюй. Советское Востоковедение, № 1. Там же литература вопроса. Ср. нашу статью "Гуннский могильник Ноин Ула и его историко-археологическое значение". Известия ИОН № 4, 1937 г.

98 См. Цяньханьшу, гл. 86 б, И.Бичурин, ч. 1, стр. 76.

99 F.An. Bever Wolga Hunnen and Niang-nu, SKAWzu Munchen, 1939 г. Bd. II, h. II

100 Цяньханьшу, гл. 84 б, л. 5 а; И.Бичурин, ч. 1, стр. 77, ср. F.Hirth ук. соч.

101 Цяньханьшу, гл. 49 б, л. 5 б. И.Бичурин, ч. 1, стр. 77.

102 Впервые этот сюжет нами разобран в работе "Археологический очерк Северной Киргизии", Фрунзе, 1941 г., стр. 48 и сл.

103 Цяньханьшу, гл. 94, л. 7 а; И.Бичурин, ч. 1, 77.

104 Цяньханьшу, гл. 96 б; И.Бичурин, ч. 1, 79-80.

105 Цяньханьшу, гл. 70, л. а; Die Hunnen der Vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur heschichte Asiers. Berlin - Zeipzig. 1921-1926 гг., т. 1, стр. 229-234.

106 Ed. Chavannes. Les pays d' Occident d' apres le Wei-Lio, Toung Pao ser II т. VI.

107 Вэнь-Сянь Тун Као, 339, л. 5 а.

108 Ed. Cgavannes ук. соч. F.Hirth. Nachworte zur Ynschrift der Tonjugug В.Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1927 г

Глава III.

Социально-экономический строй енисейских киргиз VI-X вв. н.э.

После II в. н.э. не только о киргизах, но и динлинах в китайских источниках нет упоминаний, за исключением сведений западной ветки цзянькунь, о чем мы уже упоминали в предшествующей главе. Исчезновение этих данных очень трудно объяснить, потому, что как раз в пору III-V вв., китайцы достаточно хорошо были знакомы с варварским миром. Известно, что в IV веке Северный Китай был сам завоеван кочевниками Тоба и, через них знакомство Китая с кочевниками еще более усилилось (109). Естественным объяснением этому положению является гипотеза, что енисейские киргизы вошли в состав центральноазиатских племен, почему потеряли свое самостоятельное политическое лицо, а их западная ветвь, вероятно, входила в состав мощного племенного союза Семиречья - юбань, ведущего свое происхождение от северных гуннов (110). В данном случае имеется в виду та часть гунов, которая в 87-91 гг. н.э. была разгромлена синьбийцами, в союзе с китайскими войсками под предводительством Дэу-Сяня и которая откочевала в Семиречье (111). Енисейские киргизы вошли в состав периферийных владений сяньбийского союза, а позже жужанского каганата (112). Установить северные границы последнего весьма трудно, но благодаря тому, что алтайские племена платили дань жужанскому кагану, а также благодаря известиям о том, что в районе Алтая, правда западного, жужане вели бои с гаогуйскими племенами, можно заключить, что вероятно восточный Китай и Минусинский край были подчинены жужанскому каганату. Следует также вспомнить, что в целом попытки жужан проникнуть на запад, в Семиречье, окончились неудачей, ибо они там встретили серьезное сопротивление со стороны племенного союза юбань. Это могло послужить причиной не столько западного, сколько северного распространения жужан, - в таком случае Енисей, во всяком случае, Тува, находились под их политической властью. Кроме того, сами китайские источники, описывая государство жужан говорят, что их государство на севере доходит до Байкала (113), а при описании деятельности одного из их каганов по имени Гешенгай Датань сообщается, что он в 430 году (по другим версиям 429) снова дошел до Байкала (114). Археология не знает вещественных памятников эпохи жужан. Неизвестны их памятники и на территории Монголии, где находилась их ставка. Монгольское этническое лицо жужан еще является в науке в достаточной степени гипотезой (115). Плохо изучены для этой поры соответствующие памятники на Енисее. Здесь могут быть отмечены могилы, по типу напоминающие таштыкские и, как уже выше отмечалось, нового типа "бюстовые маски" из гипса (116). К этим могилам примыкают могилы т.н. типа Чаатас. Они перекрыты обычно небольшой каменной насыпью и обставлены высокими камнями кольцом и прямоугольником. Труположение здесь весьма редкое, а чаще (как в ранее описанных могилах, трупосождение. Резко выраженный монголоидный тип изображенных лиц на бюстовых масках с разрисованными (татуированными?) лицами вероятно и пытается отразить тот монголоидный тип, который возможно имели жужане. Характерной чертой чаатасов является находка в могилах высоких черных сосудов с горловиной в виде раструбов, сделанных из хорошего теста и высокого обжига (117). Керамика грубая, с большой примесью дресвы, но высоким обжигом. Украшена она накольным, а чаще накладным с рубчиком орнаментом. Сосуд по центру тулова имеет пояс орнамента в виде ромбической сетки. Подобные сосуды находились в Китае, в Монголии подобного типа могилах и далеко на севере от Сибири (118). Распространение этого типа вещей мы связываем с эпохой жужан, когда все эти области были связаны с каганатом. В последующую эпоху, эпоху тюркского каганата, киргизы были отрезаны от Китая, а когда они установили с ним непосредственные связи, то это было несомненно позднее времени описанных могил, которые по ряду своих архаических элементов ближе к Таштыку, чем к кочевническим могилам VII-X вв. Археологи связывают с этой эпохой и корчаги с пережженными костями (как известно,

киргизы часто применяли сожжение трупов). Так, например, Таншу сообщает: "При похоронах же царапают лица, только обвертывают тело покойника в три ряда, и плачу, а потом сжигают его, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плач" (*119). В согласии с этим сообщает и более поздний источник XI века о киргизах Гардизи, который пишет, что <киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых, и говорят: "Огонь - самая чистая вещь; все что падает в огонь, очищает; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов" (120). Судя по тому, что для VII-X вв., нам известны для киргиз уже могилы с захоронением труположения человека и коня (121), следует признать, что приведенные сообщения китайского и персидского источников, относятся к архаическим обычаям киргиз, предшествующим VII-X вв. и должны быть сопоставлены с упомянутыми выше захоронениями в корчагах. К VII веку о киргизах становится несравненно больше сведений и в археологических источниках и письменных. Богатые археологические коллекции дают возможность отобразить экономику, частично социальный строй и искусство енисейских киргиз. В китайских источниках содержится подробное описание киргиз под именем хакас (122), персидские и арабские историки и географы также подробно описывают их страну, местоположение и быт (123). Но быть может, наиболее важным источником являются сами древнетюркские рунические тексты, открытые на р. Орхон и по Енисею (124). В первых подробно излагается история восточно-тюркского каганата и, в связи с ней, неоднократно упоминаются киргизы; енисейские и тувинские тексты содержат сведения о социально-экономическом строе самих киргиз, являясь в то же время их древнейшей письменностью. На основании всех этих источников и можно изложить историю киргиз на Енисее VIII-X вв., когда они достигли особого расцвета и могущества. Прежде чем перейти собственно к истории киргиз за этот период, остановимся на вопросе об их местоположении и границах их страны. По данным Тан-шу страна Хакас, как называли китайцы тогда киргизов (125), находилась в 40 днях пути верблюдом от уйгурского кагана. Если определить дневной переход верблюда от 30-50 км., то это расстояние может быть равно почти 2.000 км. В таком случае ставка киргизского владыки приходится, примерно, в районе Енисея в месте впадения в Абакана. Путь, который описывают китайцы из уйгурской ставки в страну Хакас, пересекая реку Селенгу, проходил мимо озера Косогол с восточной стороны. "Здесь страна называлась Мума" (126). В стране Мума кочевало три тюркские племена - дубо, милигэ, эчжы. В названии первого ясно прослеживаются племена туба, - тувинцы (127). Эти племена показаны, как непосредственные соседи хакасов. Однако следует обратить внимание, что Таншу сообщает одну любопытную деталь. В Таншу говорится, что посланникам, идущим из Ордоса, пришлось пересекать реки, которые "минуя Хакас текут на север", ("после своего соединения"). Очевидно, что речь идет про бассейн р.Селенги. Орхон и Тола, соединившись с Селенгой, действительно текут на север. Видимо все же восточные пределы киргиз весьма близко подходили к Селенге, а следовательно и к Байкалу. О том, что какая-то часть Прибайкалья была в сфере владения киргиз, говорит и другой факт. Ли Лин, речь о котором была выше, получил в надел страну Хакас (128). Ли Лина посетил его друг Соу-у тогда, когда он жил на берегу "Северного моря" - Байкала. Очевидно, что Прибайкальские области входили в состав страны Хакас. Последнее документируется еще одним фактом. Таншу сообщает, что владения хакас простираются до гулигань (129). Гулигань, или курыкан древнетюркских источников, были прибайкальскими племенами, жившими в районе современного Иркутска. О них Таншу прямо заявляет, что "гулигань кочевало по северную сторону Байкала" (130). Таким образом все северные отроги Саянского хребта вплоть до китайских гольцов и Тункинских бедков в какой то мере входили во владения Хакас на востоке. Тогда становится понятным, что восточная дорога к хакасам шла восточней Косогола. Она явно старалась обогнуть трудно проходимые Саяны. Если это так, то тем самым прав

источник Таншу, когда сообщает, что реки, "минуя Хакас, текут на север" (131). Киргизы в районе Байкала (а быть может Косогола) находились в соседстве с рядом племен, часть из которых была этнически к ним близка. Среди них надо отметить племена Хусе. Племена Хусе жили от племен Доланга (теленгут) на север, среди племен увань. Племена видимо соответствуют племенам эвенки. В таком случае речь идет по всей вероятности про район Забайкалья. Здесь племена хусе, состоящие из подразделений гюньма, были и елочжи. О них китайские источники сообщают, что "часть дралась с хакасами. Обликом многие походили на хакасов, но говорили другим языком". О близости эвенков к хакасам говорит и другое место китайского текста: "Поколения Доханьи гюй/гюй - гувань - увань - эвенки) смежны с хакасами на берегах озера Гяньхай" (132). Южная граница киргиз соприкасалась с Восточным Туркестаном или Туфанью, как повествует Таншу, т.е. находилась в непосредственном соседстве с Семиречьем. Таким образом Алтай оказывается включенным в систему расселения киргизских племен. На это указывает и тот факт, что карлуки были юго-западными соседями киргиз (133). Для времени до второй половины VIII века карлуки были обитателями западного Алтая - Иртыша, Тарбагатая, Нарынского и Калбинского хребтов. Определить северную границу киргизов трудно, но она вряд ли была северной параллели Красноярска. Несомненно, что границы распространения киргиз не оставались неизменными, в данном случае они очерчены максимально. Вместе с тем, нельзя не считать с тем фактом, что отдельные киргизские племена проникали еще дальше на запад. К этому нас склоняют находки киргизского типа надписей в верховьях Таласа (134), киргизская эпиграфика на китайском зеркале, случайно найденном у С.Бахты в Восточном Казахстане (135). Не останавливаясь более на вопросе распространения киргизов в Семиречьи, т.к. к этому вопросу нам еще придется возвратиться, укажем еще на некоторые факты. В том же источнике Таншу указывается, что киргизы доходили из юг до гор Тяньшань (136). Горы Тяньшань обычно принято считать Саянами, но это была скорей юго-восточная граница киргиз (137). Это указание на южную границу не противоречит той, которую мы выше указали - Восточный Туркестан. Дело в том, что понятие стран света у китайцев было настолько общим, что они могли актически юго-восточную и юго-западную границы одинаково называть южными. Указанные границы являются границами распространения киргизских племен, но они не были границами киргизского государства. Когда китайская история выделяет в самостоятельную главу описание какого-либо народа, то она собирает все сведения об этих племенах, в каких бы контекстах они не фигурировали. Другими словами, район распространения племен киргиз автоматически включался китайскими источниками в состав государства киргизов. Этим объясняются и мнимые противоречия и "ложность" показаний китайских источников. Однако перечисленные выше акты весьма важны для понимания вопросов этногенеза, а в отношении киргиз они особенно важны для выяснения процесса населения киргизскими племенами Тянь-Шаня. Вопрос о киргизах на Тянь-Шане будет разобран особо, а сейчас мы возвращаемся к вопросу о сложении киргизского государства, центром которого являлась Минусинская котловина и территория современной Тувинской республики. Мы поэтому только относим эту территорию к основным владениям киргиз, что только в ней (даже исключая Алтай), находятся надгробия представителей киргизской аристократии, составлявших правящую корпорацию - эль. Надгробия киргизской аристократии дают возможность восстановить картину внутренней жизни, экономики, социального строя древне киргизского общества. Дополнения, которые можно извлечь по этому вопросу из китайских источников и археологического материала, дают возможность говорить о древне-киргизском обществе не в порядке гипотез, а довольно определенно. Для удобства изложения мы сначала остановимся на анализе древне-киргизских текстов. Рунических текстов Южной Сибири, имеем в виду Енисея и Тувы, фактически не очень много, немногим больше 2-х

десятков. Они были три раза изданы и один раз переведены В.Радловым (138). Кроме того имеются еще дополнительные переводы С.Малова (139) и С.Киселева (140). Палеография енисейских надписей резко отличается от палеографии орхонских надписей, особой графикой и наличием ряда букв, не имеющих себе аналогии в орхонских текстах. Палеографически с ними более сходны надписи на бытовых предметах Алтая и Семиречья (141), а со стелами Енисея перекликают надписи на камнях из Таласской долины. Впрочем, к этому факту мы еще возвратимся ниже. Енисейские надписи в основной своей массе относятся к VII веку. Об этом говорят упоминания в одном тексте о посольстве в Китай, а также <прощание> покойного с восточно-тюркским каганом Гудулу (142). На основании этих скудных указаний можно сделать заключение, что некоторые памятники относятся ко времени 650-683 гг. Большинство надписей сделано по определенному трафарету. Вначале говорится о всем том земном, от чего "отделяется" умерший, во второй части перечисляется все то, чем "не наслаждался" покойный. В этих перечислениях и указываются богатства, коими он владел, родственники и специальные корпорации, в системе которых он жил. Меньше всего данных сообщают о хозяйстве. Здесь мы отметим такие сообщения, как указание на владение 6.000 лошадами (Уюк Туран 143), а в другом случае отмечается, что покойный владел имуществом, состоящим из коней, рогатого скота, двух домов и т.д. (Элегеи) (144). Скот был тавренный, т.е. носил тамгу своего хозяина (Ачура) (145). Скот, видимо, составлял основное богатство киргизской аристократии. В одной из надписей указывается, что ради скота, он "ходил" (далее понятно) на войну или кочевья (Ачура) (146). На развитие скотоводства указывает и китайская летопись: "Лошади плотны и росли. Лучшими считаются те, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы, но более коров и овец. Богатые землепашцы водят их по несколько тысяч голов" (147). О скотоводстве говорит и тот факт, что киргизы живут в войлочных юртах, киргизы употребляли в качестве материала для одежды овчины, питались мясом и кобыльим молоком (кумысом) (148). Приведенное выше указание о 6.000 голов скота не является преувеличенным заявлением, поскольку и китайская летопись отмечает у богатых по несколько тысяч голов. В согласии с данными письменных источников, находятся и археологические материалы в Минусинском крае. К этому времени относятся каменные курганы с одиночными погребениями человека и рядом с ним скелета лошади. Инвентарь такого погребения состоит обычно из железных предметов, вооружения и конской сбруи (149). Ко времени VIII-X вв. относятся многочисленные поля курганов, которые содержат богатые погребения с конем и бедные без него. Весь инвентарь этих могил весьма наглядно свидетельствует о кочевом характере хозяйства обитателей Енисея и воинственном образе жизни. К предметам вооружения относится обложенный костяными пластинами лук, кованые из железа большие лопастные стрелы. Седло имеет железные стремяна, позволяющие воину твердо сидеть в седле. Набор седельных и сбруиных украшений богато отделяется сложными комбинациями растительного и звериного орнамента (150). По китайским источникам киргизы "горды и стойки", они "на войне употребляют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитиками; еще на плечи накладывают круглые щитики, которые могли бы защищать от острия стрел и сабель" (151). По закону, киргиз-воин испугавшийся перед сражением подвергался отсечению головы (152). Значительное место в их хозяйстве занимало земледелие, но о последнем в самих рунических текстах имеются лишь единичные указания о пашнях "тарлыг" (Улугкем Кули Кем) (153). Из приведенного выше китайского сообщения явствует, что и китайцы знали киргизских землепашцев, но кроме того имеется еще и такое сообщение: "Сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами, хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне (апрель и октябрь). Вино квасят из каши. Нет ни плодов древесных, ни овощей огородных" (154). Подтверждается земледелие и археологическими данными. На

смену ручной мотыге появилась уже соха с железным сошником, на которую тянуло впряженное животное, вероятно, бык или корова. Развивается тип серпа, так же из железа. Ручную зернотерку эпохи бронзы сменяет ручной жернов, о котором говорит китайский источник и находки археологов (155). Наблюдение над ареалом распространения железных сошников показывает, что начали осваиваться и засушливые районы, где урожай обеспечивался проведением воды в арыках (156). Археологом С.Киселевым прослежены такие каналы, которые берут воду высоко в горах и идут через встречные возвышенности и овраги по специально вырезанным в скалах лоткам и устроенным кладкам, нивелирующим падение канала (157). Наряду с этими двумя основными видами деятельности киргизов, широко была распространена охота, упомянутая в надписях Бегре и Алтун кол (158). Китайцы сообщают, что в стране киргиз водятся тарпаны, косули, сохатые и чернохвостые козы, а в реках рыбы до "семи футов гладкая и без костей, рот под носом" (вероятно осетр) (159). Находки железных гарпунов и крючков говорят о киргизском рыболовстве, а изображение сцен охоты неоднократно зафиксировано писанницами. Для более позднего времени (X-XI вв.) об охоте говорят и мусульманские источники (160). Характерно, что ясочные киргизы также вносят подать соболями и белкою (161).

Большое значение надписи придают непосредственной ценности золоту и серебру. Повышению ценности благородных металлов способствовала и развивающаяся торговля, в которой благородные металлы все более и более приобретали значение меновой ценности. В рунических текстах описанию их добычи уделяется большое внимание, и она имеет существенное значение для характеристики погребенного. В тексте Бегре оно выступает под термином "алгыдан" и в той же надписи указывается, что умерший "приобретал золото и серебро" (162). Речь идет, конечно, о золотых и серебрянных предметах. Прекрасной иллюстрацией последнему являются находки С.Киселева в Копенском Чаатасе (163).

В одном из больших курганов в 30 м. к западу от середины стенки могильной ямы был открыт тайничек, в котором оказалось золотое блюдо с четырьмя на нем золотыми сосудами в виде кувшинчиков, два из них были гладкие, на одном была надпись на дне, два были покрыты богатым растительным орнаментом. На одном из сосудов удалось прочесть надпись "беговский кувшин мы (этот) дали" говорит, что эпитет "беговский" должен свидетельствовать о ценности подношения, а сама надпись сообщает о приношении сосудов в порядке дани или подарка (164). Надпись на другом сосуде видимо подчеркивает золотой характер вещи. Ясно читается слово "Алтын" - золото, последующую часть надписи прочесть трудно (165). Огромный научный интерес представляют сосуды, сплошь покрытые орнаментом, несущим в себе явный отпечаток искусства сасанидского Ирана и Китая. Как указывает С.Киселев, здесь "приходится видеть изделия, тесно связанные с иранской художественной традицией сасанидской эпохи, но в то же время имеющие особый отпечаток фантазии и вкусов степного мастерства" (166). В другом кургане были найдены, завернутые в кошму, различные украшения сбруи, в виде бронзовых наременных накладок, больших блях из низкопробного серебра и золотые богато украшенные бляхи. Украшение последних сходно с орнаментацией вышеописанных сосудов. В растительной вязи дано изображение грифона, держащего в клюве рыбу. Впрочем, последние имеют также явные следы и китайских мотивов орнаментации (167).

Наконец, должны быть отмечены находки в других курганах четырех наборов богатых сбруйных и седельных накладок, представляющих собой многосложную композицию, состоящую из: всадника на лошади, на всем скаку стреляющего, обернувшись назад, в прыгающего на него тигра. Эти украшения, видимо, покрывали кожаный чепрак. Над всадником даны в китайской трактовке облака, внизу горы, покрытые лесом. Вокруг центральной сцены расположены изображения бегущих диких

зверей. Сюжеты этих сцен имеют себе полные аналогии также в сасанидском искусстве (168), хотя и отличаются несомненно-большой экспрессией, реализмом в трактовке фигур. Совершенно прав С.Киселев, который, подчеркивая стилистические особенности найденных изображений, пишет, что здесь "сохраняются традиции того прекрасного степного "звериного" искусства, которое господствовала у племен азиатско-европейских степей в предшествующую скифо-сарматскую эпоху и которое, как показывают рассмотренные выше ажурные бляхи, было еще действительно для художественных вкусов киргиз VII-IX вв." (169). Находки в Копенском Чаатасе, в совокупности с ранее сделанными археологией открытиями, показывают высокое мастерство енисейских киргиз в изделиях кузнечного и литейного дела. Еще китайская летопись говорит, что в их стране "есть золото, железо и олово" (170). Китайцы весьма высоко ценили сделанное киргизами оружие, способное пронзить шкуру носорога. Известны многочисленные рудники киргиз, их изделия, как-то: брони, кубки, стремена, сбруйные наборы и т.д. Это развитие ремесла порождает обмен между киргизами и другими странами, в частности, Китаем, Средней Азией и Тибетом. По сообщению Таншу "Из Даши (арабы, Средняя Азия) не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года" (171). Вещи китайского производства также неоднократно находились в Енисейском крае. Отсюда известны в большом количестве изделия китайских ремесленников и монеты Танской династии (172). По сообщению Таншу киргизские "женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Аньси, Бэй Тина и Дася" (173), т.е. из Восточного Туркестана и Средней Азии. В обмен на эти вещи киргизы вывозили пушнину, железные изделия, золото, поделочную кость и мускус (174). О широких торговых, а вместе с тем культурных связях, говорят, также, и вышеописанные вещи Копенского Чаатаса, в которых причудливо скрестилось на базе родного им искусства влияние Китая и сасанидского Ирана, в свою очередь воспринятые не в порядке механических заимствований, а сознательно преломленные в своих искусствоведческих требованиях. Те же вещи говорят и об изумительно разнообразной технике обработки металла - литье, чеканке, напайке, свидетельствующие о чрезвычайно высоком техническом уровне мастерства. В связи с культурными общениями следует поставить и происхождение киргизской письменности, о которой сообщает китайская летопись ("письмо их и язык совершенно одинаково с уйгурским" (175)).

Письменность киргиз является заимствованной, вероятно от восточных тюрков. В связи с письменностью и язык надгробных стен был принят официальный - не собственно киргизский, а древнетюркский. Произошло это в частности потому, что письменность руническая не способна была передавать своеобразие киргизского языка, да и потому, что несмотря на свою автономность, политическое и культурное влияние восточных тюрков было весьма большим. Верхушка киргизского общества, находясь в тесных взаимоотношениях со знатью восточно-тюркского каганата, естественно восприняла, особенно для таких памятников, как надгробия - официальный восточно-тюркский язык, рунического письма (176).

Приведенный выше материал в достаточной степени рисует факт имущественной дифференциации киргизского общества. Последняя однако не уничтожила всех явлений родового строя, сохранение которого было в интересах родовой знати. Это сплетение родовых и классовых явлений в структуре киргизского общества мы и постараемся сейчас проследить. Кочевое скотоводство пастушеского типа, которое мы наблюдаем у киргиз, предполагает разграничение кочевков и земельной площади между отдельными семьями и узурпацию земельной общинной собственности богами. Такие указания содержатся в киргизских текстах. Здесь неоднократные упоминания о "своей земле", принадлежности земельных участков тем или иным владельцем. В одном случае (Бегре)

говорится о том, что умерший "от стоянки тестя моего я отделился" (177). Здесь можно наблюдать прямое указание на отдельную стоянку свойственника, тестя, т.е. отца жены, на территории которой, возможно, жил умерший. Упоминания о пашнях (с суффиксом личного притяжения), также свидетельствует о некоторой парцелляризации земельной собственности у кыргызов. Логическим результатом неравномерного владения имуществом, в частности, скотом, является та же парцелляризация пастбищ. Китайские источники говорят о таких богатых скотоводах. Так, например, описывая брак кыргызов и калым, китайский текст заявляет, что "богатые дают по сто и по тысяче голов (лошадей и овец) в калым" (178).

Такие богатые хозяйства бега находились в системе общин, которая называлась "баг", этимологически значащий также "связка", "пучек". Племенная организация носит как и у восточных тюрков термин "будун" (179). Социальное окружение бега достаточно полно раскрывается руническими текстами. Приведем для примера текст одной надписи (Уюк Туран). "Двадцати трех лет я отделился. От земли моей Эгюк Катун я отделился, от небесного эля, моих приобретенных сыновей и собственных сыновей, от шести тысяч лошадей, от хана тульбар, черного народа, счастливых сообщников. В отношении Вас, эля, товарищей-мужей, всех мужчин, сыновей и зятей, невесток я не наслаждался". В другой части этой надписи говорится: "От кунчуй из Куй, от вас детей моих, также в отношении Вас я не наслаждался и отделился. От моих наложниц и сообщников также отделился" (180). Согласно этой надписи, семья такого бега состояла из его семьи, сыновей собственных и адоптированных, дочерей, невесток, свойственников и зятей. Наличие последних свидетельствует о большой патриархальной семье, в которую также входили и рабыни-наложницы. Наличие здесь и зятей говорит о матрилокальности, являющейся не пережитком древних отношений, а своеобразной клиентелой. Крупный владетель, каким был упомянутый здесь бег, стремился к максимальной мобилизации рабочих рук. Он предоставляет им место на территории своего хозяйства. О клиентеле говорит и упоминание адоптированных сыновей (181). Остальная социальная терминология раскрывается при параллельном изучении также рунических текстов. Здесь прежде всего должны быть упомянуты "кадаш" - сообщники, которые видимо стоят на одинаковой с ним ступени социальной лестницы. Простой народ, беднота фигурирует здесь под именем "кара будун", т.е. поостое, подвластное, возможно податное население. Свидетельства о клиентеле имеются в ряде других текстов. Клиентела могла быть руслом не только для адаптации, но и для обращения в рабство. Не случайны выражения "В отношении Вас, моих приобретенных людей я отделился" (182). Невольно напрашивается аналогия с китайским текстом, который гласит, что кыргызы ловят людей соседящего с ними племени дубо "и употребляют в работу", т.е. обращают в рабство (183). Бег и его семья подчиняется верховному владыке. Весьма спорно название этого владыки. Как правило, кыргызы не упоминают кагана (184). Наивысшим сюзереном был бег. Восточные тюрки их повелителя называют Барсбег (185). Употребляющийся изредка в текстах титул "хан" вероятней всего относится к тюркскому кагану. По китайским источникам верховным владыкой кыргыз считается "ажо" государь называется Ажо, почему и прозывается также Ажо. У него водружено знамя. Прочие именуется названиями поколений. Меха и собольи, и рысьи составляют богатое одеяние. Ажо зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые валяные шляпы (186). Рашид ад Дин упоминает у кыргыз титул верховного владыки "еди" (187). Возможно Ажо и является транскрипцией этого титула. Тем более, что восточные тюрки называют повелителя кыргыз титулом "адикут" (188).

Во всяком случае, как следует из рунических текстов, основную силу составляли беги, и сильной централизованной власти в древнекыргызском обществе все же не было. Эта разобщенность, своеобразная замкнутость отдельных общин стоит в согласии с

рабовладельческим характером общества древних кыргызов. На первом месте здесь выступает бег и окружающее население карабудун. С почетом относится умирающий к своим товарищам "эш", товарищам по общему социальному положению. Здесь он обращается как равный с равными, награждая их часто почетными титулами. Эти эши составляют вместе с ним господствующую корпорацию знати "эль". Эль имеет обычно два значения. Во первых это понятие всего объединения племен кыргыз и может пониматься, как синоним племенного союза или государства, во-вторых, это обозначает (и чаще всего) лишь корпорацию господствующей знати. Это перерастание значения термина эль понятно в связи с разложением родоплеменного строя, когда племенные интересы узурпировал бег, представляющий в племенном совете скорей свои, чем народные интересы. Эль в условиях кыргызского общества должен пониматься как совет, политическое объединение бегской знати. Особенность структуры кыргызского общества отличает его от типично феодального строя. В самом деле, китайцы, которые описывали чуждые им народы, всегда стремятся подогнать их общественный строй под свою государственную структуру. Так, описывая кыргыз, они пытаются у них наметить такую феодальную иерархию в следующих словах описания: "Ажо имеет пребывание у Черных гор. Стойбище его внесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками и называется Мидичжи. Начальники живут в малых палатках. Войско набирается из всех поколений. Ясачные вносят подать соболями и белкою. Чиновники разделяются на шесть разрядов, как-то: министры главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и дагаи (тарханы). Министров считают семь, главноначальствующих три, управителей десять. Все они заведывают войсками. Делоправителей считают пятнадцать; предводители и даганы не имеют чинов" (189). Несомненно, что это было не совсем так, а приведено в соответствие с представлениями о государственном аппарате у китайцев. В самом деле, почему тогда рунические надписи не фиксируют, хотя бы, и половины этих номенклатур? Видимо характер временных поручений, которые выполняла знать была принята китайцами за постоянные государственные должности. Не случайно, что сам источник оговаривается, что "предводители и даганы не имеют чинов". В условиях бюрократической феодальной иерархии это было бы невозможно. О том, что племенной совет лишь давал поручения, а не закреплял их за знатю, говорят и описываемые у кыргыз законы, напр., в отношении невыполнения посольских поручений и пр. Основной производительной силой древне-кыргызского общества являлось свободное население обедневших скотоводов - "кара будун". Кара будун противостоял корпорации аристократии, что так особенно ярко сквозит в надписи Чакул: "от моего черного, также в отношении Вас, моего эля, я отделился" (190). Под термином "кара будун" или просто "будун", следует понимать этих рядовых членов кыргызского народа. Несомненно связаны с понятием "кара будун" сообщники, выступающие в рунических текстах под именем "кадаши". Равные с бегом носят обычно почетные титулы "эш", "эр" буквально "муж" или "алп" - "герой, богатырь". Частые войны, который вели кыргызы, дали в их руки наряду с многими богатствами и военнопленных. Об употреблении последних в качестве рабов мы выше говорили. В текстах рабы отмечены также своей терминологией. Так, например, отмечаются рабыни "куни", видимо в отличие от наложниц-рабынь "кунчуй" (191). Рабы мужчины зафиксированы терминами "киши казгантым", т.е. "мои приобретенные люди" (192). Видимо под термином "киши", в несколько презрительной форме, обозначается челядь, рабы и слуги бега, ибо для его друзей бегов и родственников существовала иная, уже выше отмеченная, терминология. Такое значение термина киши устанавливается и по другим более поздним источникам. Сравнительно хорошо устанавливается по енисейским текстам структура рода кыргыз. Род у кыргыз носил название "тэги" (193). Тщательно была разработана и семейно-родовая терминология. Так, для младших сыновей был особый от старших братьев и дядей термин "ини". Связано это было со

стремлением выделить младшего сына, как наследника. Это свидетельствует о минорате, бытовавшем у енисейских киргизов. Термин <ачи> употреблялся для обозначения старшего сына и дяди. Такая общность терминов, характеризующая классификаторскую систему родства, была вызвана стремлением особо отметить родственников мужчин, находящихся за пределами данной патриархальной семьи. Термином „кан” назывался отец. Главная хозяйка дома носила титул "катун", "апа" - "дедушка", "ака" - тетка, "ачи" - старший брат (или сын) и дядька, "ини" - младший брат (или сын), "келин" - невестка, "кудугэ" - зять, "кадын" - тещь, "огул" и "улы" - сын, "киз" - дочь. Характерна слабая разработанность номенклатуры женского родства и более подробная для мужской. Последнее еще раз наглядно подтверждает патриархальный характер семейно-брачных отношений. Для женской части характерен собирательный характер терминологии. Для собственного родного потомства употреблялся термин "кыз оглы", для принятого в семью "келин-оглы". Видимо термин "келин" был связан с приемом в род женщин через калым и возможно, что келин и калым термины, родственные по своему происхождению. О калыме говорит китайский источник вообще описывающий брак киргизов, как типичный для всех тюркских кочевых народов, "При браках калым платится лошадьми и овцами" (194). В тесной связи с родовой организацией стоят и идеологические представления киргизов. Прежде всего следует указать на явления тотемизма, запечатленного рядом текстов. Так, в одном из них, уже неоднократно цитируемом памятнике Бегре, говорится, что покойный умертвил семь волков, но барса и оленя он не убивал (195), видимо, последние были табуированными животными его рода и, вероятно, рода жены. Волк был тотемом тюрков и, видимо, указания текста связаны с военными походами умершего против тюрков. О том, что тотемом некоторых киргизских племен был барс, об этом говорят и другие источники, когда они отмечают слово барс в именах с эпитетами "сильный барс", "именитый барс" (196), в одном случае и сам род назван барсом. Следует вспомнить в этой связи уже выше цитированное место китайского источника, в котором говорится, что "прочие именуется названиями поколений" (197). Род барса занимал среди киргиз выдающееся положение, о чем говорит, в частности, такой факт, что восточные тюрки имеют дипломатические отношения и выдают свою княжну замуж за киргизского Барсбега. Бытовали у киргиз и пережитки матриархата, воплощенные в образе хранительницы домашнего очага Умай (198). Интересно, что титул Умай носит один родоначальник мужчины, по социальному положению бег. Такой синкретизм в термине "Умайбег", наглядно свидетельствует об ассоциациях у киргиз с положением родоначальника имени Умай. Собранность таких идеологических представлений, как тотемизм, матриархат, несомненно говорит о живучести у киргиз родовых отношений. Это несколько не противоречит фактам имущественного расслоения и классовой дифференциации. У кочевников родовые отношения держатся чрезвычайно долго. В этом более всего была заинтересована знать, видевшая в родовых институтах возможность закабаления своих сородичей. Это в частности и служило средством к сохранению родовой организации. Живучестью последней можно объяснить и ряд указаний китайской летописи, когда оно отмечает, что "оба пола живут нераздельно, а поэтому много распутства" (199). Видимо в этих строках запечатлены явления группового брака или его пережитков. Несмотря на эти факты, следует все же признать, что патриархальная семья уже выступила здесь на первый план. Тесно связано с родовым строем и шаманство киргиз. Киргизы в полях приносили жертвы духам, а своих шаманов по свидетельству китайцев называли гань (200). Анимистические воззрения киргизов засвидетельствованы фактом положения в могилу инвентаря с покойником. О попытке воспроизвести у покойника атрибуты его земной жизни говорит, например, такой факт, что на бюстовых масках позднего таштыка Чаатаса наносилась татуировка, которую погребенные имели при жизни. Татуировку наносили храбрые мужчины на руки, а замужние женщины на шею. Видимо китайцы

были не совсем осведомлены о характере татуировки, т.к. на масках имеются и следы татуировки лица. К этой же серии явлений следует отнести и воздвигавшиеся кыргызами на могилах статуи убитых ими в сражениях врагов, сделанных в позе покорного преклонения с чашей в руке, положенной на пояс (201). Они обязаны были служить умершему в загробном мире. С той же целью иногда в могилу, где находились уже сожженные остатки знатного лица, клались без вещей убитые рабы. Возможно такую же функцию несли погребенные в малых могилах без инвентаря, принадлежащих бедным родовичам, которые располагались вокруг большого погребения знатного лица. Естественно, что такими убитыми не могла быть свободная, хотя и бедная часть кыргызского населения. В этом ритуале захоронения с рабами имеется попытка создать загробный мир по образцу земного, т.е. окружить богатого покойника его рабами.

Сделаем основные выводы из изложенного. К VI-X вв. н.э. кыргызы представляли собой сравнительно высокоразвитое общество кочевников, занимающихся также земледелием, охотой и рыболовством. Значительное развитие у них получило ремесло, среди которого металлургическое производство достигло наибольшего расцвета. Развитие ремесла и добывающей промышленности повлекло установление торговых и культурных связей с Китаем, Тибетом и Средней Азией, и способствовало, наряду с другими результатами обмена сложению высокого уровня искусства и культуры кыргыз. На базе имущественной дифференциации, обусловленной развитием скотоводства и земледелия, на базе войн, которые вели кыргызы, общество кыргыз VI-X вв. вступило в полосу классового расслоения. Наряду с рабами, эксплуатируемыми в хозяйстве бега, растет обеднение еще свободной массы рядовых кочевников, образующих плебо кыргызского общества - кара будун. Наряду с классовой дифференциацией сохраняются явления родового строя и его идеологии, к тому же искусственно поддерживаемые господствующей верхушкой кыргызского общества - бегами - объединенными в свою корпорацию эль. В родовой организации мы наблюдаем патриархальную семью, с сильными пережитками матриархального строя, матрилокальностью и тотемизмом. Сохранение пережитков материнского права содействовала известная отсталость кыргыз, связанная с их земледельческим укладом в системе скотоводческого хозяйства. Особенностью родовых отношений является сплетенность последней с общинной организацией территориального типа - багом. На основе родовых институтов развивается адаптация и клиентела как русло для образования рабов из числа не только военнопленных, но и сородичей. Эти типические черты социально-экономической структуры кыргыз позволяют трактовать их общественный строй, как появление рабовладельческого способа производства в условиях кочевого, соединенного земледелием общества.

Примечания

- 109 Grousset R. Histoire de l'Extrême Orient. Paris. 1929 г.
- 110 См. А.Бернштам, Из истории гуннов 1 в. до н.э., Советское Востоковедение 1, 1941 г., Ср. стр. 75, там же литературу вопроса.
- 111 Хоуханьшу, гл. 119; Бэй Шу гл. 102, л. 7 а; И.Бичурин, III, 163.
- 112 О жужанах см. Бернштам ИНС, ч. III-IV, стр. 87 и сл.; С.Толстов, Исторический сборник, III.
- 113 Бэйшу гл. 102; И.Бичурин, ч. 1, 209.
- 114 Бэйшу гл. 102; И.Бичурин, ч. 1, 219.
- 115 Впервые это выдвинуто Р.Pelliot, об этом см. W.Barthold. Vorlesungen uber die geschichte der Turken Mittelasiens стр. 13.
- 116 См. выше, гл. II.
- 117 См. статью Евтюховой Л. в сборнике по археологии СССР, ГИМ, 1940 г.
- 118 Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Тола, сб. Северная Монголия, в. II, Л. 1926 г.
- 119 Таньшу, гл. 140; И.Бичурин, т.1, 446.
- 120 В.Бартольд, Отчет, стр. 111.

- 121 Ср. напр. С.Киселев и Л.Евтюхова, Раскопки у села Копены чаатас, Труды ГИМ, в. XI, 1941 г.
- 122 Таншу 140, И.Бичурин, ч.1, 442-452; Schott ук. соч.; b The China Review см. статью Piton'a
- 123 Обзор сведений см. у В.Бартольда - Киргизы, Фрунзе, 1927 г.
- 124 Бернштам А.Н.Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII вв. н.э. 1941 г. Ср. W.Barthold. Vorlesungen стр. 14, о роли надписей для истории киргиз.
- 125 О названиях киргиз см. W.Barthold. Vorlesungen. стр. 34 и сл. ср. стр. 97.
- 126 F.Hirth. Nachworte и т.д.
- 127 Н.Козьмин, Туба, отд. отд.
- 128 Margonlies Le Kon-Wen Chinois. Paris. 1925. L.II-LN. ср. стр. В-100.
- 129 Гулигань китайская транскрипция имени курюкан.
- 130 Таншу, гл. 140; Бичурин, ч. 1, стр. 439.
- 131 Таншу, гл. 140; Бичурин, ч. 1, стр. 1, 447.
- 132 Таншу, Бичурин, ч. 1, 441-42. Гяньхай, видимо, Косогол.
- 133 Таншу, гл. 140, Бичурин, ч. 1, 448.
- 134 См. С.Малов в Известиях ИОН, 1929 г. и Материалы Узкомстариса, вып. 6-7.
- 135 Случайная находка геолога Летникова Б. в 1936. Хранится в Эрмитаже см. Казахстанская Правда.
- 136 Таншу, Бичурин, ч. 1, 443.
- 137 F.Hirth Nachwarte zur Ynschrift des Tonjuquq. АТИМ, zw. Folge, ср. В.Бартольд, Киргизы, стр. 9.
- 138 N.Radloff. Lie Alturkischen Ynschriften der Mongolei. III L., Спб. 1899.
- 139 С.Малов, Таласские эпиграфические памятники, материалы Узкомстариса, вып. 6-7, М.-Л., 1936 г., его же, Древне-турецкие надгробия бассейна р. Таласа, Известия АН СССР, 1929 г., его же "Новые памятники с турецкими руками", сб. Язык и Мышление, VIII-VII, М.Л. 1936.
- 140 С.Киселев, Неизданные надписи енисейских киргиз, ВДИ, 1939 г.; см. нашу рецензию в ж. ВДИ, № 3/4, 1940 г.
- 141 С.Киселев издал две небольшие надписи в ж. Советская Археология, № 1, 1937 г.142 АТ 1 М, 302
- 143 АТ 1 М, 307
- 144 АТ 1 М, 314
- 145 АТ 1 М, 329
- 146 АТ 1 М, 330
- 147 Таншу, И.Бичурин, т. 444
- 148 Там же, стр. 444-45.
- 149 С.Теплоухов, МЭ, IV, 2, стр. 55
- 150 С. Киселев и Л.Потапов, Киргизы, ИНС, ч. III-IV, стр. 495.
- 151 Таншу, И.Бичурин, ч. 1, 444.
- 152 Таншу
- 153 АТ 1 М, 317
- 154 Тан-шу, И.Бичурин, ч. 1, 444.
- 155 С.Киселев и Л.Потапов, ИНС, ч. III-IV, стр. 493.
- 156 Левашова, Из далекого прошлого южной части Красноярского края, Красноярск, 1939 г.
- 157 С.Киселев и Л.Потапов в ИНС, ч. III-IV. 493.
- 158 АТ 1 М, 314 и сл., 332 и сл.
- 159 Таншу, И.Бичурин, 444.
- 160 Худуд ал Алам, Гардизи, особенно Абу Долеф.
- 161 Таншу, И.Бичурин, ч. 1, 445.
- 162 АТ 1 М. 317.
- 163 А.Евтюхова и С.Киселев в Кратких сообщениях ИИМК, III; ВДИ, № 4, 1940 г.
- 164 У С.Киселева несколько иное чтение, см. КС, № 3, 1940 г.
- 165 См. С.Киселева, КС, № 3, 1940 г. ср. нашу рецензию ВДИ, 3-4, 1940 г.
- 166 ВДИ, № 4, 1940 г.
- 167 Подробное описание см. Труды ГИМ, XI, 1940 г.
- 168 См. указанные нами параллели в статье, Согдийская колонизация Семиречья, КС, VI. Этому памятнику мы посвящаем специальный раздел в подготавливаемой нами работе по истории киргизского искусства. Отметим, что мотив всадника, стреляющего из лука, весьма древен и восходит к ахеменидским барельефам. Наиболее близкая аналогия может быть показана в терракотовой статуэтке шарфянского или скифского стрелка эллинистической работы из Сирии. См. Sarte F. Die Kurst des Alten Persien. Berlin. 1925, табл. 54.
- 169 ВДИ, 3, 1939, стр. 163.
- 170 Таншу, И.Бичурин, ч. 1, стр. 144; А.Иессен и Г.Сосновский. К истории использования олова в Приенисейском крае, КС, № 5, 1940 г.
- 171 Таншу; И.Бичурин, ч. 1, 449.

- 172 Сообщения см. в вышецитированных работах С.Теплоухова, С.Киселева и т.п.
- 173 Таншу; И.Бичурин, ч. 1, 445
- 174 Об этом согласно говорят китайские и мусульманские авторы.
- 175 Таншу; И.Бичурин, ч. 1, 446.
- 176 Юдахин (Киргизско-русский словарь № 1. 1940) и Батманов И. (Северные диалекты киргизского языка, Фрунзе, 1938) склонны отрицать связь енисейских стел с кыргызами. Наши возражения по этому поводу мы привели в очерке о литературе по истории), археологии и этнографии кыргыз и Киргизстана, который предвывает специальную библиографию на эту тему Н.А.Винберг.
- 177 АТ 1 М, 316.
- 178 Таншу; И.Бичурин, ч.1, 446.
- 179 О терминологии см. наши работы: Возникновение классов и государства у турок V-III вв., сб.Ф.Энгельса Изд.Академии Наук; Социально-экономический строй Орхоно-енисейских тюрок и др.
- 180 АТ 1 М, 307
- 181 АТ 1 М, 307
- 182 АТ 1 М, 307
- 183 Таншу; И.Бичурин, ч.1, 448.
- 184 Упоминания о кагане или хане чрезвычайно редки, причем по тексту неясно, что собственно о киргизском кагане здесь идет речь.
- 185 ПКТ, ЗВО, т.ХII, в 2-3.
- 186 Таншу; И.Бичурин, ч.1, 445.
- 187 См. Рашид ад Дин в переводе Березина, ТВО, т.V/стр.130.
- 188 НКТ,ЗВО, т.ХII, 2-3.
- 189.Таншу; И.Бичурин, ч.1., 445.
- 190 АТ 1 М, 223
- 191 Р.Pelliot склонен связывать кунчуй с китайскими гунджу, т.е. девица из аристократической фамилии. Ср.его Као-Tch'ang,Hono Tchbv et Qara-holja.YA.Paris.1912, II.
- 192 АТ 1 М, 307
- 193 АТ 1 М, 369
- 194 Таншу; И.Бичурин, ч.1, 446
- 195 АТ 1 М, 317.
- 196 АТ 1 М, 320.
- 197 Таншу; И.Бичурин, ч. 1, 445.
- 198 АТ 1 М, 359.
- 199 Таншу; И.Бичурин, ч. 1, 444.
- 200 Таншу; И.Бичурин, 1, 446, О древних сообщениях китайцев о шаманстве у азиатских народов см. в нашей статье: Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке, КС У.
- 201 Ср. такие статуи на могилах китайских императоров Танского времени. Ср.Ел. _1. Charannes. Mission arche'ologique en Chine. Paris. 1909 г.

Глава IV.

Сложение киргизской народности

Настоящая глава представляет собой попытку наметить основные вехи в истории этногенеза кыргыз до IX в. включительно и выяснить самый процесс образования кыргызского народа с той поры, когда первые исторические свидетельства фиксируют нам тюркоязычные племена, вошедшие в его состав. В нашей исследовательской литературе еще слабо разработан вопрос этногонии народов Востока, вопрос, имеющий особое значение при построении истории народов СССР, в том числе истории кыргыз и Киргизстана. Надо отметить, что не только конкретные, но и общие вопросы этногонического процесса не получили еще должного освещения. Достаточно указать, что в нашей научной литературе, посвященной указанным вопросам, почти начисто отсутствует вопрос об этнических образованиях эпохи ранних классовых обществ. Однако, бесспорно, что этническое образование указанной эпохи отлично от предшествующего племени и даже союза племен, с одной стороны, и от нации, с другой. Эта этническая категория — народ — характерная единством территории и литературного языка, связана уже с образованием государства. Государство в эту эпоху существует наряду с сильнейшими переживаниями родового строя и межплеменных различий, еще бытующих, несмотря на развитие классовых противоположностей. Одним

словом, этническое образование «народ» является оборотной стороной возникновения государства, и с этой стороны оно включает наряду с этническими общностями и развитие классовых противоположностей. На такое определение народа, как особой этнической ступени, связанной с возникновением государства, наталкивает замечание Ф.Энгельса о реформе Тезея. По поводу последней Ф.Энгельс в частности писал: «афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из туземных народов Америки; вместо простого союза живущих рядом племен произошло их слияние в единый народ¹. Как следует из вышеприведенных слов Ф.Энгельса, понятие народ он в данном случае противопоставлял более механическому соединению племен типа ирокезского союза племен, отличая в свою очередь понятие «народ» от более позднего образования «нация». Очевидно, также, что появление народа связано со слиянием, скрещением ряда племен и формированием на этой основе каких-то общих явлений, характерных для всех племен. Эти общие явления и будут атрибутами нового этнического образования — народа. В то время, как племя является организацией кровно-родственной и эндогамной, народ основывается не на родственных связях, а племена, его составляющие, не эндогамны. В этих вопросах мы не имеем еще тех исследований, которые помогли бы разрешить поставленную перед нами проблему. Мы не пытаемся осветить всех вопросов, связанных с сложением кыргызского народа. Характерно, что термин «кыргыз» в VI—IX вв. выступает подобно термину «тюрк»; как термин «народный», в то время, как племена, составляющие кыргызское образование, носили другие названия. Напомню племена Ас, ВДlig, КДsdim, ТБlbДri и др². Этих вопросов, равно как анализ термина *guguz*, мы в настоящей главе производить не будем, считая, что это — задача дальнейших исследований³. Сейчас необходимо установить исходные моменты этногенеза и те основные вехи в социально-экономической и политической истории кыргыз, которые следует учитывать при решении вопроса об их этногенезе. История кыргызского народа тесно связана с двумя общественными образованиями древности: с гуннским племенным союзом и сяньбийцами II в. до х.э. у в. х.э. и тюркским каганатом VI—VIII вв. н.э. Не имея возможности развертывать сейчас всю аргументацию о том, что гуннское общество и сяньбийцы были обществами варварского типа, в то время, как тюркское общество VI—VIII вв. перешло уже грань доклассовых отношений (это уже доказано в ряде наших работ и в специальных выступлениях⁴) мы должны предупредить, что в данной главе также продолжаем исходить из этих положений. Согласно принятой нами периодизации, история и этнография кыргызского общества разбивается на два основных этапа — гуннско-сяньбийский и тюркский. Киргизы, как племенное образование гуннского периода, развиваются в тесных взаимоотношениях, во-первых, с гуннами и сяньби, во-вторых, с динлинами, и в-третьих, с усунями. Первые сведения о древних гэгунь-кыргызах, как мы показали выше относятся примерно к 209-201 г.г. до н.э. когда, по свидетельству китайской летописи, гуннский шаньюй Моде подчинил себе ряд племен, среди них динлинов и гэгунь⁵. В противоположность более поздним сообщениям Таншу о хакасах, в которых говорится, что хакасы (древние гэгунь) перемешались с динлинами⁶, в ранних упоминаниях о гэгунь и динлинах мы такого явления не наблюдаем. Характерно также, что динлины выступают всегда, как сравнительно автономные и мало связанные с гуннами племена, в то время, как владение хакас (Гэгунь), по сообщению тех же китайских источников, «составляло западные пределы Хуннов»⁷. Известно, что Ли-Лин, китайский полководец, взятый гуннским шаньюем Цзюй-ди-хэу в плен, получил во владение страну Хакас (I в. до х.э.)⁸. Имеются сведения о гэгунь и в первой половине I в. до н.э., когда шаньюй северной орды Чжи-Чжи снова разбивает гэгунь и динлинов⁹, а по сообщению Тан-Шу о хакасах Чжи-Чжи утвердил свою ставку у динлинов¹⁰. Согласно этим сообщениям следует, что гэгунь были тесно связаны с гуннами, представляя их северо-западный форпост, непосредственно соприкасаясь с

динлинами. Сведения о последних находятся всегда в связи с гэ-гунями. Однако, отдельные отрывчатые от них сообщения показывают, что сплошь и рядом они выступают вне связи с гэ-гунь, а в союзе с усунями и сяньбийцами против гуннов. Во время этих выступлений, так, например, в семидесятых годах первого века до х.э., они напали на хуннов, предводительствуемые Хуандж и Шаньюем (72 г.) и получили в добычу бошьюе количество скота и людей¹¹. Такого типа походы динлинов отмечаются и для 63 г. до н.э., когда они увели в плен несколько десятков тысяч человек¹². Согласно этим и подобным сообщениям историк может заключить, что динлины имели известную автономность, развивали у себя скотоводство и, в связи с столкновениями с гуннами, получали большое количество рабов из гуннской среды. Четкое территориальное противопоставление — динлинов на севере и гэ-гунь на западе (по соседству с динлинами) не позволяет отождествлять их¹³; Однако, как следует из исторических фактов письменных источников и археологического материала, развитие хозяйства динлинского общества шло по линии создания у них скотоводческого хозяйства, т.е. оно приближалось по типу к хозяйству гуннов¹⁴. Еще более западным (по отношению к гэ-гунь юго-западным) образованием были усунь¹⁵. Сведения о последних связываются опять с именем Модэ, который в 176 г. в письме к китайскому императору заявлял, что усунь после разгрома их гуннами вошли в состав гуннских войск и «составили один дом»¹⁶. Усунь и их история будут особо рассмотрены ниже (гл. VI), сейчас надо только указать, что из всех племен гэ-гунь, динлин и усунь, последние были наиболее тесно связаны с гуннами. Усунь, как и выше упомянутые племена, были скотоводы-кочевники и понимали язык гуннов. Согласно исследованиям К.Ширатори усунь, по всей вероятности, были тюркоязычны¹⁷. Тюркоязычными были и гэ-гунь (хакасы)¹⁸. Но усунь сами подчеркивали, что они не понимали языка динлинов. Белокурые усунь входили в группу динлинских племен. Изучение расового типа усуней показало, что они не могут быть отнесены к «нордической» северной расе, входят в т.н. группу памироферганского расового типа¹⁹. Из этого следует, что нельзя принимать термин динлин, как термин адекватный некоему этническому и расовому единству. Несомненно, что динлинская группа племен — это китайское представление о племенах, имеющих некоторые общий, стадиальные черты быта, хозяйства и культуры. Южно-сибирские динлины и усунь имели общие моменты политической истории, благодаря исторической связанности динлин и усуней с гуннами и сяньбийцами. Впоследствии усунь участвовали и в этногенезе кыргызов. Посему у енисейских кыргызов и кыргызов Тяньшаньских, известных по описанию источников XVI—XIX вв., остались черты динлинско-усуньской стадии, отмеченные еще и в X веке арабами и персами, как белокурость, светлые глаза и т.п. европеоидные признаки. В эту же категорию племен входят и племена бома, которые также являются представителями динлинского слоя и которые жили в бассейне Енисея. Гуннский язык, язык господствующей племенной знати, был еще языком не дифференцированным. Он включал в себя ряд элементов разных наречий и разнообразных диалектов племен, составлявших гуннский союз. Социальные условия гуннского племенного союза требовали создания какой-то единой лексики, которая могла бы и должна была обслужить общие задачи и требования их социального строя и хозяйства. Эта лексика согласно небольшим, фрагментарным, дошедшим до нас свидетельствам, запечатленным в китайских летописях, дала право ряду исследователей — Хирту, Панову, Ширатори и другим утверждать, что словарь гуннского языка в основном — древне-тюркский²⁰. Эта лексика, являющаяся результатом языковой «нивеллировки» отдельных наречий и диалектов, был известен усуням и гэ-гунь. Язык же динлинов был им непонятен. Этим опять подчеркивается резкое различие динлинов от остальных племен. В источнике III века х.э. Wei Lio о динлинах сообщается следующее. Старики из усуней рассказывали, что у восточных динлин язык походит на крик птиц или селезня²¹. Далее следует несколько

фантастическое описание их внешнего вида. Это сравнение их языка с криком птиц, или даже селезня, как будто совпадает с первым впечатлением, какое создается при восприятии языка яфетической стадии спирантной группы. Спирантная группа, одна из наиболее архаических в ряду яфетических языков, возможно и была представлена языком динлинов. Впрочем этому еще нужны доказательства, к разбору которых мы и перейдем. Древних динлинов обычно связывают, согласно историческим этнографическим и отчасти антропологическим данным, с современными енисей-остяцкими племенами, в частности, с кетами. Кеты — енисей-остяцкие племена пережитки древних племен динлинов²². Рамстедт и Кай Доннер, положившие не мало труда на установление связей енисей-остяцкого языка с индо-тибетским, в частности, языком Си-ся, показали генетическую связь енисей-остяков, с динлинами²³. В свете этих эмпирических нащупанных выводов становится крайне интересным заключение ак. Н.Я.Марра о том, что енисей-остяцкие племена стадияльно связаны с хеттами и шумерами, представляя собой островок яфетической группы языков²⁴. Вывод Н.Я.Марра об яфетидизме енисей-остяков крайне плодотворен, ибо он показывает, что енисей-остяки, ретроспективно динлины, стадияльно предшествуют образованиям тюркского типа, в частности кыргызам, подобно тому, как хетты стадияльно предшествуют анатолийским туркам. Сравнительный анализ енисей-остяцкой и кыргызской лексики подтверждает прогноз Н.Я.Марра, данный им в небольшой статье «От шумеров и хеттов к палеоазиатам». Приведем некоторые примеры. Согласно законам звуковых переходов, установленными Н.Я.Марров и суммированным еще в Бакинском курсе и в специальных тюркологических работах²⁵ языки стадияльно более развитые, чем спирантная группа яфетической стадии, имеют обычно закономерное исчезновение начального спиранта с заменой лабиализованных последующих гласных открытыми. Мы произвели исследование некоторых енисей-остяцких и кетских терминов по словарю Кастрена и нашли некоторым из них эквиваленты в лексике текстов кыргызских надгробий. Получается следующая картина: ен.-ост. и кет. терминам соответствуют кыргызские²⁶: ен.-ост. *xima kem.hima* бабушка ен.-ост. *xip kem.hira* дедушка кырг. ара кет. *haja* тетка кет. *hiji, hije* — «господин», «хозяин» *hjiio* (верховный владыка хакас именовался «ажо»), что вероятно древне-тюркский термин *idi* с закономерным перебоем *jlld*. Кет. *huj* лошадь кырг. *at*. Устанавливается и закономерность в словах *dix* — «гора», тюрк *taj*; кет. *sis* и ен.-ост. *tes* «камень» и кирг. *tas*; ен.-ост. *or* «отец» и кырг. *aba* кет. *dyl* — «девушка», кырг. *guz* и т.п. Из первых примеров явствует закономерное отпадение начального спиранта и замена лабиализованного гласного, открытым. Из последующих примеров видна также известная фонетическая закономерность и другого типа, установление которой должно появиться в результате дальнейших специальных лингвистических исследований. Необходимо отметить, что мы отбросили всю ту ен.-ост. и кет. терминологию, которая имеет абсолютный эквивалент в тюркских языках типа *altun* — «золото», *kumus* — «деньги» (по тюркски «серебро»), *gan* — «князь» (тюрк. «хан») и т.п. Так подобные слова по всей вероятности позднего заимствования. Однако, среди этих тождественных слов, есть такие, которые и не являются поздними заимствованиями типа бФрБ — «волк» и др. Многочисленный материал по этому поводу не позволяет пока еще сделать окончательные выводы и дает только возможность выдвинуть изложенное положение в качестве рабочей гипотезы. Древний пласт тюркского языка, как языка кочевников-скотоводов, был известен всем вышеперечисленным племенным образованиям благодаря: во-первых, политическим связям этих образований, во-вторых, наличие среди всех этих племен рабов из соседних племен, в-третьих единству глоттогонического процесса, обусловленному известным единством экономики и социального строя. В свете этого можно предполагать, что образование тюрко-язычного племени кыргызов началось еще в гуннскую эпоху и шло по двум линиям: по-первых, по линии автохтонного развития языка («тюркизация») в

силу единства развития экономики и социального строя и, во-вторых, в силу общности развития языка вообще на базе общих политических и экономических связей гуннского племенного союза и сяньбийцев с динлинами («Отюречивание»). Этот процесс имел свое завершение в т.н. тюркский период VI—IX вв.н.э., когда оформилась тюркоязычная группа племен и тюркский народ — кыргызов. Политические связи древне-тюркского каганата VI—VIII вв. с кыргызами приводят к созданию общего литературного языка, запечатленного в многочисленных надписях на надгробных памятниках киргизских бегов²⁷. Язык же массы древне-кыргызских племен следует искать в современных разнообразных диалектах тюркских племен Саяно-Алтая и Минусинской котловины. Исторические и этнографические данные показывают также связь кыргыз, с одной стороны, с племенами Минусинской котловины, с другой, с племенами Тянь-Шаня²⁸. Независимо от решения вопроса о дате первого переселения кыргыз на Тянь-Шань следует признать, что на ранних этапах этногенеза кыргыз - племена, населявшие современную территорию Киргизстана, были включены в киргизский этногенез — напр. усунь и отчасти примыкавшие к усуням племена кангюй. Вышесказанное о динлинах, усунях и гэ-гунь даст повод сделать следующий вывод, что:

- 1) Динлинский язык был отличен от гуннской тюркоязычной лексики.
- 2) С развитием хозяйства и социального строя динлинов, приходивших к типу социального строя, аналогичного общественной структуре гуннов, из динлинского языка начинает формироваться лексика, схожая с тюркской.
- 3) Так как гэ-гунь были их ближайшими соседями, непосредственно связанными с гуннским племенным союзом, то они являлись тем элементом, который способствовал формированию тюркоязычности динлинского языка, «тюркоподобное» формирование которого без соответственной сходной социальной и экономической базы, конечно, не увенчалось бы успехом. В связи с выдвинутой проблемой хотелось бы поставить и вопрос о расогенезе кыргыз. Вопреки мнениям современных фашистских ученых типа Эйкштедт и Гюнтер (и объективно примыкавшего к их установкам Грумм Гржимайло²⁹), ведущих свои теории от Абель Ремоза³⁰ и Ю.Клапрота³¹) о белокуром или «индо-германском» типе динлинов или позднейших кыргыз, а также, вопреки мнениям других исследователей, считавшим кыргыз родственными славянам, благодаря, якобы, имевшимся в древности связям (И.Маркварт³²) следует поставить вопрос о расогенезе кыргыз в историческом плане. Белокурая раса (*Homo Nordius*) динлинов и усуней, частично сохранившаяся) в кыргызах и вытесняемая т.н. восточно-сибирской расой, представляет собой закономерный процесс изменения расового типа на основе изменившихся исторических условий. Советские исследователи, изучавшие белокурую расу (Дебеч³³), базируются только на краниологическом материале и не учитывают изменчивости расового типа в связи с историческими судьбами племен. Изменение форм хозяйства — развитие кочевого скотоводства, создавшего иной характер труда, (который был связан с кочевничеством), вызвавшего, вероятно, по законам корреляционной связанности признаков, изменение структуры человеческого организма (рост, брахицефальность, пигментация), изменение пищи, бесспорно отразившееся на физиологических, может быть и морфологических особенностях человека, изменение социального строя, в частности, нарушение эндогамности и скрещивание с другими расовыми типами, вот та неразрывная сумма условий, которая должна учитываться при решении вопросов о смене белокурой расы восточно-сибирской. Работа Ф.Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» дает все основания особо подчеркнуть первые два пункта выдвинутые нами³⁴. Белокурый тип Азии связывается с определенным типом хозяйства — пастушеским скотоводством, охотой и земледелием и резко изменяется в связи с развитием кочевничества, сменяясь т.н. восточно-сибирской расой. В связи с поставленным вопросом о связи древних динлинов с киргизами и

частичном отторжении их, следует обратить внимание на некоторые указания древнетюркских текстов, позволяющих проследить взаимоотношения древних тюрков с динлинского типа племенами. В селенгинском памятнике, написанном от имени первого уйгурского кагана Моюн-Чура (1-я уйгурская династия) имеются указания следующего порядка: *sbars julqa cik tара jorudum ikinti aj tФрт jБгirmika kДmtД toqydum ol j (il)sicikdi*. В год тигра (750г.) я пошел в поход против Чик'ов 24-го числа второго месяца у реки Кем (Енисей)... я их там разбил³⁵»; или *Cik tара bina utum isi jДр tара az Др utum, kФрБ at dim, gurgyz gan КФgmДn jДrintД*. «Я послал против Чик'ов тысячный отряд, в страну их союзников я отправил аз'ского мужчину, смотрите, сказал я, киргизский хан в Когменской земле». В памятнике Могилян Хану текст следующий: *Alty otuz jasy ma cik budun gurgyz birД jaju boldu kДm kДcД. Cik tара sБДdim. ЩгрФxtД son Бstim sБsin sanctum*. «Когда было 36 лет народ чик и кыргыз вместе, врагами стали. Перейдя Кем я двинулся (войною) против Чиков и я сразился (с ними) на Орне и войско их зарубил»³⁶. Аналогичное указание и в тексте Кюль-Тагина: *Az budun jaju boldu. Qara КФlta sФnБstimiz. КБl ТДgin liz гуру jasajur Дрти. Alp Salig Дkin binip oplasy tДgdi. Az ДltДбДrig tutmadu. Ar buun anda jor boldu* «народ аз стал врагом. У Каракола мы сразились. Кюль Тегину было 41 год. Он сел на своего белого коня Алп Шалгы Эльтебера Аз-ов не взял (но) народ аз'ов там был истреблен». Укажу на упоминание в проводнике из племени «аз» в тексте Тоньюкука и т.п. Из приведенных сообщений древнетюркских памятников следует, что племена чики и азы были расположены по соседству с киргизами — Чики к востоку от Енисея, азы — к западу. Чиков трудно пока еще отождествить с какими-нибудь определенными племенами тюркскими или енисей-остяцкими, так как мы не располагаем еще достаточно большим материалом по этнонимике этих племен. Азов следует сопоставить с енисей-остяцкими племенами аринами, причем, переход конечного «г» в «з» термине «ag» и «az» вполне закономерен. Хочется указать, что возможно племенное название «чик» запечатлелось в собственных именах некоторых представителей знати киргизского общества. Такого типа имена *Cigsi* или *Cigsi* запечатлены текстами Чакул и Камчик-Кая-Баши³⁷. При дальнейшем развитии намечаемой проблематики следует, конечно, привлечь материал по этнографии не только кыргызов, но и , в первую очередь, тюркоязычных племен Минусинской котловины и Саяно-Алтая. Свидетельства древнетюркских текстов указывают также, что племена чики и азы, которых еще Кай Доннер отождествил с потомками динлинов³⁸, находились под тюркским влиянием (имеем в виду влияния восточно-тюркского каганата, через посредство кыргызов). Если гипотеза о родстве чиков и азов с динлинами и потому с енисей-остяками и кетами верна, то среди заимствованных слов в енисей-остяцкой и кетской лексике имеются следы тюркского влияния этого периода. Мы имеем в виду те слова, которые в основном идентичны с тюркскими, но подверглись некоторым изменениям, согласно фонетике енисей-остяцкого и кетского языков. Сюда хотелось бы отнести слова типа кет. *balbas* (изображение старухи) кырг.тюрк. *balbal* упомянутый выше кет. *boгу* кырг. *бФгБ* и др. Возможно, сюда же надо отнести и термин *altun*, ибо в позднетюркских языках этого района, мы, как-будто, такой формы не наблюдаем (скорей форма *altun*). Наряду с этими племенами киргизы участвуют как самостоятельная группа племен в этногенезе тюрков. Китайские летописи Бэйшу и Чжоушу содержат легенду о происхождении тюрков. Легенда эта была блестяще проанализирована Н.Аристовым³⁹, который показал, что среди родственных тюркских племен, образовавших восточно-тюркский каганат, были и кыргызы в транскрипции Цигу, жившие между р.р. Абаканом и Енисеем. Но этой легенде племена Цигу выступают уже как родственные племена тюрков по Енисею и Алтаю. Очевидно, что к VI веку, т.е. ко времени, когда относится легенда, — этнические связи племен Саяно-Алтая, Тяньшаня и Центральной Азии не только были свершившимся фактом, но приобрели характер легендарного повествования, в котором все эти племена якобы происходят от

одного и того же «прауродителя». Этим общим «праотцем», было единство их исторического формирования и политическая связанность, обеспеченная в прошлом ролью гуннов и сяньби. Исторические свидетельства о кыргызах, древних гэ-гунь или «Цзянь-кунь», позднейших «хакас» по китайским источникам и «кыргыз» по древне-тюркским, дают возможность обрисовать социальный строй и экономику кыргыз (гэ-гунь) гуннского периода. Это были полуоседлые племена скотоводов-пастухов, занимавшихся земледелием. Археологический материал является ярким этому подтверждением. Характеристика Гэ-гунь на основании могильников типа Таштык, данная Г.П.Сосновским, не вызывает возражений, за исключением того, что в области социальной нет оснований для этой эпохи предполагать генезис феодальных отношений⁴⁰. Отсутствие письменных данных и кыргызах первых веков н.э. должно компенсироваться изучением археологического материала этого периода (могильники типа Чаа-Тас), показывающего непрерывную линию развития в области экономики и социального строя, намечающего переход от пастушеских форм скотоводства к кочевым⁴¹. Несравненно более полны данные о кыргызах тюркского периода ⁴². Главным источником для этой эпохи следует считать кыргызские рунические надписи. Сравнение данных надписей с китайскими сведениями и археологическим материалом показывает идентичность сообщений разных групп источников ⁴³. Надо только отметить, как это следует из надписей, что главным в экономике кыргызов являлся скот (см. надписи Элегеш, Бегре и т.п.)⁴⁴, а земледелие, упоминаемое только в одной надписи) *tarlyp* — «пашня» надпись Улуг Кем Куликем ⁴⁵, занимало незначительное место в хозяйстве древних кыргызов. Отсюда следует, что в области экономической кыргызское общество шло, главным образом, по линии развития скотоводства, а не земледелия, т.е. приближалось по типу хозяйства к кочевникам-тюркам. Сохранение в какой-то части земледелия, т.е. наличие пастушеской формы скотоводства дало возможность укрепиться общинной организации соседского типа *baǰ* ⁴⁶. Термин *baǰ* характерен только для кыргызских надписей и неизвестен для ханских надписей Монголии. Община делилась на патриархальные семьи, состав которых устанавливается на основе анализа родственной номенклатуры текстов (напр., надписи Уюк Туран и т.п.)⁴⁷. Размер семьи определялся ее экономическим состоянием — более богатые семьи были наиболее крупными. Происходило это потому, что в экономически мощных семьях уже намечается развитие клиентелы (надписи Уюк Туран, Барлык и др)⁴⁸. Запечатлено текстами патриархальное рабство (*kBni*, *kisi*, надписи Барлык, Оя и др.)⁴⁹. Характер социального строя кыргыз определил и формы землевладения. Земля — пастбище, либо пашня, закреплялась за отдельными семьями. Парцелляризация в кыргызском обществе уже имела место. Так имеются указания на собственную пашню *tarluǰumv* надписи Улуг-Кем-Куликем «стоянка тестя моего» *ǰafda tBnBrimD* в надписи Бегре и т.п.⁵⁰. На основе этой парцелляризации и происходил процесс расслоения на богатых и бедных, что отмечено текстами сравнительно ярко и описательно в терминологии, которая четко дифференцирована для разных социальных групп населения. Таковы титулы *Dǰ*, *alp*, *bDǰ*, с одной стороны, и *kisi*, *qalas* т.п. с другой ⁵¹.

Расслоение запечатлено и тамгами, которые, отражая родовую связь, показывают и разное имущественное положение родовичей. Так тамги на надписях Барлык, сохраняя общеродовой знак в основе тамги, имеют большую или меньшую витиеватость, в зависимости от социального положения умершего. Несмотря на далеко зашедший рост классовых отношений, мы не можем фиксировать в киргизском обществе той ступени исторического развития, которую мы наблюдаем в восточно-тюркском каганате⁵². У кыргыз основную социальную роль играют беги. Собственно кыргызского каганата нет⁵³. В то время прослеживается автономность кыргызов (самостоятельное посольство в Китай, торговля с арабами и Тибетом, войны с тюрками и уйгурами, даты которых показывают, что собственно говоря, не было периода полного подчинения кыргызов

орхонским тюркам и уйгкам. Это не исключает уже имевшего место сращения господствующей части кыргызского общества с тюркским каганатом (напр. женитьба Барс-бега на сестре Могилян-хана)⁵⁴ и формирование кыргызского эля (Д) — государства ⁵⁵. Поскольку шел процесс создания эля, и имелись противоречия между богатыми, — с одной стороны, и бедными, и рабами — с другой, постольку были созданы условия для завершения этногенеза, для появления народа, а также, в частности, для формирования общего для ряда племен литературного языка кыргызских надгробных надписей. Анализ кыргызских текстов показывает более низкий уровень его развития по сравнению с тюркским. Наиболее ярким пережитком архаических отношений является тотемизм. Тотемом кыргыз был барс⁵⁶. Несмотря на развитие отношений соседского типа, большую роль имел еще род — tDgi (надпись Алтун Коль)⁵⁷. Прimitивней тюркского и письмо кыргызов ⁵⁸. Политическая история кыргызов VII—VIII вв. показывает усиление классовобразующих процессов, и к IX в. н.э. намечается резкий скачок в изменении социального строя кыргызов. Свидетельством этому является разгром кыргызами уйгур и завоевание Монголии в 840 г. ⁵⁹. Экспансия кыргызов в Монголию вызвана была, по аналогии с такими же явлениями в других кочевых обществах, бурным ростом классовых противоречий ⁶⁰. Описанный выше исторический процесс общества кыргыз показывает, что сложение кыргызского народа следует относить к периоду не ранее VI-IX вв. н.э., когда окончательно складываются классовые отношения. В гуннскую эпоху имело место сложение тюркоязычных племен, вошедших впоследствии в состав кыргызского народа. Указанный процесс базировался в области экономической, на переходе от скотоводства пастушеского вида к кочевому, в области социальной — на основе слагающегося государства феодального типа. Таким образом кыргызский народ формировался в условиях генезиса феодализма из варварского и примитивно-рабовладельческого состояния кочевых обществ.

Примечания

- 1 К.Маркс и Ф.Энгельс, Собр.соч., т. XVI, ч.1, стр.89.
- 2 Radloff W. Die Altirkischen Inschriften der Mongjlei, III, Z. стр. 424 и сл.
- 3 Ligeti Z. Die Herkunft des Volksnamens Kirghis, КФрФс: Csoma Archiv. т.1, в.5, 1925.
- 4 С. напр. К вопросу о социальном строе гуннов, Проблемы истории докапиталистических обществ, 5-6, 1935 г., Социально-экономический строй древне-тюркского общества VI-VIII вв. н.э. ГАИМК 1935 (Тезисы кандидатской диссертации), Гуннский могильник Ноин Ула и его историко-археологическое значение, Известия ОН, № 4, 1937 г. Очерк истории гуннов (печ.); Из истории гуннов I в. до н.э. Советское Востоковедение, 1.
- 5 И.Бичурин, Сведения о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, Сиб, 1851, т.1, стр. 17. Упоминания эти находятся у Сы-ма-Цяня и затем были включены Баньгу в его Цянь-Хань-шу. De Groot. Y.Y.M. Die Hunnen christlichen Zeit, Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. Berlin und Leipzig. 1921, стр. 61.
- 6 И.Бичурин, ук.соч. т.1, стр.443; Schott. Ueber die Ochten gisen. Abhandlungen KAW zu Berlin, 1864, Berlin 1865, стр. 432.
- 7 И.Бичурин, ук.соч., т.1, стр.443.
- 8 О Ли Лину см. Margonlies. Le Kon-Wen Chinois. Paris 1925, стр.93-100, ср. также De Groot ук.соч., стр.172.
- 9 И.Бичурин, ук.соч., т.1, стр.77. См. Marguar I. Ueber das Volkstum der Komanen стр. 65, Marguar I. пользуется переводом De Groot' а и считал, что это древнейшее сообщение о гэгунь De Groot, ук.соч., стр. 221.
- 10 И.Бичурин, ук.соч., стр.443.
- 11 И.Бичурин, ук.соч., т.1, стр.3; ук.соч., стр.199-200.
- 12 И.Бичурин, ук.соч., стр. 66; De Groot ук.соч., стр.202.
- 13 См. Chavannes E. Les pays d'Occident d'apres Wei-Lio. T'oung Pao сер. II, т. VI, стр. 560, прим. I; Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq стр.41.
- 14 С.Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, Материалы по этнографии, т. VI, в.2, Л.1929; С.Киселев, Разложение рода и феодализма на Енисее, Известия ГАИМК, в.65, 1933.
- 15 De Groot т. II, стр.7, Ср. В.Бартольд, рецензия на I том. De Groot'а в «Русском историческом журнале», № 7.

- 16 И.Бичурин, ук.соч., т.1, стр.23. ук.соч., стр.76-77.
- 17 См. K.Schiratori; Ёber der Wusun Stamme, стр. 134 и сл.
- 18 См. I.Marguart. Ёber das Volkstum der Komanen стр.67, Ср.В.Бартольд, рец. на труд Ж.Маркварта, Русский исторический журнал №7; P.Pelliot. A propos des Comans, стр.15., F.Hirth Nach warte zur Inschrift des Tonjuquq стр.41.
- 19 Т.Трофимова, Краниологический очерк татар Золотой Орды, Антропологический журнал, 1936, № 2, стр. 183-185.
- 20 K.Schiratori. Ёber die Sprache der Hiang-na und Tunghu Stamme. Tokio , 1900, перепечатана в Известиях АН, 1902, т. № 2, см. рец. В.Munkachi. Revne Orientule, 1903, IV, стр. 240-253, Панов, К истории народов Средней Азии Сюнну (Хюнну). Турецкое происхождение народов Сюнну (Хунну) китайских летописей, Владивосток, 1916; См. так же К.Иностранцев, Хунну, Гунны, ЛИЖВЯ, 1926 г., послесловие.
- 21 ВСТК, из 339, л.56, Chovannes Ed., ук.соч., стр.560.
- 22 Г.Грум Гржимайло, Белокурая раса в Средней Азии, Сборник в честь семидесятилетия Г.Н.Потанина, Зап. ИРГО, по отд. этнографии т. XXXIV , Сиб. 1909; В.Богораз, К стран-исследователь палеазиатов, сб. Памяти М.А.Кострена, Л.1927, стр. 94 и сл.
- 23 Ramstedt G. Ёber der Ursprung der Sog. Jenissei-Ostjaken Journal S.F. Oug. XXIV, 1907; Kai Donner. Beitrage zur Frage dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken S F Oug XXXVII.
- 24 Н.Я.Март, От шумеров и хеттов к палеоазиатам (по енисейско-остяцким материалам И.С.Анучина) ДАН-В-1926.
- 25 Н.Я.Март. Яфетическая теория, Баку, 1927, стр.70. его-же Чуваши яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926 г.
- 26 A.Gastren. Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und Gottischen Sprachlehre 1858. Приложены небольшие словари, из которых мы брали приводимые здесь примеры, далеко не исчерпывающие данные словаря и возможные лингвистические аналогии Ен.-Ост. — енисейско-остяцкое, кет. — кетские, кырг. — кыргызские термины. Под кыргызскими мы подразумеваем термины древне-кыргызских надгробий.
- 27 Имеем в виду т.н. енисейские рунические надгробия см. финляндские и русские атласы с изданием надписей.
- 28 В.Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1927.
- 29 Грум Грижимайло, ук.соч. Ср. его, Когда произошло и кем было вызвано расселение монголов», Известия ГГО, т. XV в.2. Еще J.Klaproth. Tableaux стр. 168, отнес древних кыргыз к расе блондинов.
- 30 Abel-RBmusat. Recherches sur les langues tartarst.1, стр.306, Ср.Ч.Валиханов, сочинения, стр.50-51.
- 31 J.Klaproth. Tableaux historignes de l'Asie. Paris. 1826, стр. 162. См.его же Asia Polyglotta. Paris 1823, стр.237.
- 32 Marquart Y. Ук.соч., стр. 67, Ср.рец.В.Бартольда, стр.155.
- 33 Г.Дебец, Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии, Советская Азия, 5-6, М.1931 г.
- 34 Обращаю внимание на то, как Ф.Энгельс подробно разбирает роль труда и пищи в создании и развитии человеческого организма. Не случаен и заголовок его статьи. Странно, что наши исследователи абсолютно не ставят перед собой этого положения при разрешении вопросов, связанных с изменением расового типа человека.
- 35 Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Mongolei Journal SFOug. 1913, XXX, строка 7 восточной стороны. 2 Ук.соч.
- 36 В.Радлов и П.Мелиоранский, Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Сиб. 1897 г., стр. 25. 4 Ук.соч., стр.31. 5 AT 1 M, Zweite Folge.
- 37 AT 1 M, стр. 326. Племена Азы находились в какой-то связи с тюркешами. См.сообщение Худуд-ал Алам о племенах азы и тухси.
- 38 К.Доннер ук.соч., стр.17
- 39 Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПб, 1897 г.
- 40 В настоящей главе предельно сжато излагает раздел об истории кыргыз VI—X вв. в виду того, что развернутую характеристику древне-кыргызского общества VI—IX века читатель найдет в гл. гл. III и IV , а также в работе автора «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков», 1941 г. См.Г.Сосновский «Об Оглахтинском могильнике», Проблемы Истории Материальной Культуры, № 7-8, 1933 г.
- 41 См. С.Киселев. Разложение рода и феодализма на Енисее, ИГАИМК, 65.
- 42 AT 1 M, III, стр. 299-346.
- 43 Имею в виду китайские сообщения о хакасах, киргизские рунические надписи и археологический материал по истории древних кыргыз. Совпадение показаний всех видов источников указывает на известную достоверность каждого из них.
- 44 AT 1 M, III, стр.311 и сл.314 и сл.
- 45 AT 1 M, стр.317.
- 46 См. AT 1 M, III, стр.304, — «Altu baj budunqa Drdim».

47 АТ 1 М,Ш, стр.305.

48 АТ 1 М,Ш, стр.305 и 307.

49 АТ 1 М, Ш, стр.307 и 331.

50 АТ 1 М, Ш, стр. 316.

51 АТ 1 М,Ш, См.словарь, приложенный к цитируемому выпуску.

52 АТ 1 М,Ш, Стр.326. Одно указание на «кыргызского хана» в разбираемых подписях крайне сомнительно, так как собственно определения «кыргызский» в тексте не сохранилось. Употребление в других древне-тюркских текстах титула «хан» или «каган» для обозначения верховного владыки кыргызов вызвано по всей вероятности не аналогичной титулатурой, а социальным положением именуемого. Вместо термина «каган» китайцы сообщают титул «ажо», по всей вероятности, как мы выше указывали, тюркский термин «хозяин».

53 АТ 1 М, Ш, стр. 317. Имеется указание на посольство в Китай. Основные сведения по данному вопросу следует искать в китайских источниках. См. вышецитированные работы Шотта и Бичурина.

54 П.Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВО, т.ХII в.II—III.

55 АТ 1 М, Ш, см.словарь.

56 АТ 1 М,Ш. стр.317.

57 АТ 1 М,Ш. стр.332.

58 Вообще палеография древне-тюркского письма крайне плохо разработана, поэтому точных суждений о дате того или иного типа письма высказывать не приходится. Очевидно только что относительная примитивность кыргызского письма не говорит за его древность.

59 В.Бартольд, Киргизы, ук.соч., стр.16.

60 См. нашу статью — О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса. Проблемы истории материальной культуры, №3-4, 1933 г

Глава V.

Борьба кыргызского государства за свою независимость

В надгробных стелах Восточно-тюркских каганов, в памятнике Кюль-Тегина и Могилян-Кагана, в числе соболезнующих племен, в связи со смертью основателя тюркского царства кагана Бумына или Тумыня — упоминаются кыргызы 61. Событие это относится к 60-м годам VI века, скорее всего к 553 году. Среди пришедших были племена, не являвшиеся тогда данниками восточных тюрков и вообще не бывшие им покоренными 62. Вскоре после этого кыргызы упоминаются в качестве побежденных восточно-тюркским каганом Кигинем (другие имена этого кагана Муюй и Яньду), причем, территория кыргыз фигурирует как северная граница побед восточнотюркского кагана 63. Были ли еще в VI веке кыргызы под властью восточных тюрков или нет, остается неясным, но во всяком случае военные столкновения здесь имели место. В таком же положении находится и другое сообщение китайского источника, когда он говорит, что племена кыргыз были подведены под власть западно-тюркского кагана Иби Дулу (вступил на престол в 638 г., умер в 653) 64. Здесь совершенно очевидно речь идет о западных кыргазах — тяньшанских, почему нам придется к этому факту вернуться несколько ниже. Видимо к первой половине VII в. относится подчинение кыргыз племенам сиртардуш (сеяньто по китайски), жившим в районе Хангая 65. Во всяком случае ко времени между 628—638 г. относится расширение власти тардушей 66. По всей вероятности, это расширение власти тардушей относится к периоду после 630-х годов, когда восточно-тюркский каганат, в лице его кагана Хели, был вынужден войти под протекторат Китая 67. К этому времени относится усиление Инаня, хана тардушей, занявшего все бывшие земли гуннов и на севере доходившего до Байкала 68. В данном случае указание на Байкал является трафаретной формулой, указывающей северные границы владения. Поскольку в этих областях, к западу от Байкала (но на его параллели) находились кыргызы, то естественно полагать, что они вошли в государство тардушей. Во всяком случае, в сообщении о кыргазах китайская история отмечает подчинение кыргыз племенному союзу тардушей до 648 г. 69 Тардуши имели у кыргыз своего наместника — сылфу, что соответствует тюркскому титулу эльтебер. Термином эльберт обычно отмечались в тюркских текстах те народы, которые не имели своего кагана и

управлялись наместниками — эльтеберами — сылифа⁷⁰. Кыргызы еще представляли собой группы отдельных племен, над которыми стояли их местные правители — беги. Таковы, видимо, были геси, гуйшабо и ами беги, на которых опирался тардушский сылифа⁷¹; в 645—646 г.г. тардуши были разбиты китайцами и это дало возможность кыргызам отправить первое самостоятельное посольство в Китай. Об этих первых посольствах говорит и одна руническая надпись Бегре⁷². Создание восточно-тюркского каганата имело огромное значение для кыргыз. Это выразилось прежде всего во влиянии кочевников тюрков на культуру, а быть может и экономику кыргыз. Происходил процесс проникновения тюркской речи, несомненно в это время уже проникает и письменность. Происходит втягивание кыргыз в тюркский этногенетический процесс, бурно развивающийся в степях Центральной Азии. Наряду с этим, наличие восточно-тюркского каганата в Центральной Азии и западного каганата в Семиречьи, привело к известной оторванности кыргыз от великих цивилизаций, и непосредственного общения с такими странами, как, например, Китай, кыргызы не имели. В 630г. падает первая династия восточно-тюркского каганата, разгромленная китайцами⁷³. Усилившийся Китай проникает далеко в степи, в частности, в Южную Сибирь. Старейшина (сылыфа) кыргыз по имени Шибокюй Ачжань отправился в Китай для личного установления связей с императорским двором⁷⁴. Китайский император Тайдзун пожаловал Шибокюй⁷⁵ титулом китайского военного чиновника, и он был поставлен главноначальствующим над кыргызскими племенами, с подчинением его китайскому наместнику над северными областями, носившими название Яньчжаньское наместничество. Надо отметить, что царствующий в это время китайский императорский дом происходил от потомков Ли Лина, с последним китайцы связывали и кыргыз. В виду этих обстоятельств китайский двор относился к кыргызам несколько лучше, по сравнению с другими кочевыми народами. Летопись отмечает, что один из китайских императоров — Чжун-цзун — подозвал однажды посланника кыргыз и сказал ему: «Ваш царствующий дом происходит из одного со мною рода и я отличаю его от прочих вассалов»⁷⁵. Несмотря на эти родственные связи, кыргызы сравнительно редко приезжают к китайскому двору. За тридцать три года (с 650—683 г.) они приехали только два раза, а затем снова не появлялись 13 лет у стен Китая. Дело в том, что с 683 года снова возвращает себе былую мощь восточнотюркский каганат. Восстанавливает каганат некто Гудулукаган, находящийся еще в хороших отношениях с кыргызами. Во всяком случае в кыргызских надписях (уйбат) имеется дружественное прощание с Гудулу каганом (под именем Тачам), и неясные указания на какую-то военную связь умершего кыргыз с воинами Гудулу, с которыми он ходил против ряда тюркских племен, где ему удалось убить одного тюркского хана и поставить себе на могилу балбал с его изображением⁷⁶. Возможно, что кыргызы принимали участие в войнах Гудулу против тюркшей. В Центральной Азии в конце VII века идут бесчисленные войны тюрков по всем четырем странам света, с Китаем, киданями, Средней Азией и киргизами.⁷⁷ Начало VIII века является временем борьбы кыргыз с окружающими его восточными тюрками. Эта война происходила зимой 710-711 г.г. и ей посвящен ряд пассажей в древнетюркских стелах⁷⁸. Наиболее подробно поход описан в надгробной стеле одного знатного тюрка по имени Тоньюкук, который был советником тюркских каганов⁷⁹. Из его рассказа явствует, что одновременно врагами тюркского кагана были китайский император, «десятистрельные тюрки» (речь идет о поздних тюрках, см.гл.VIII) и «преимущественно кыргызский сильный каган врагом нашим был»⁸⁰. Основной удар тюрки решили нанести кыргызам и текст подробно излагает этот поход. Приведем описание этого похода в интерпретации В.Бартольда. «Повидимому, эта война произошла зимой 710-711 г.г.; надпись только в кратких словах говорит о битве и победе над кыргызами; более подробно говорится о трудностях перехода через горы Когмен, т.е. через Саянский хребет. Через эти горы был только один путь, в то время закрытый

снегом; от одного человека из народа Азов Тоньюкук узнал, что есть еще узкая дорога, где одна лошадь должна была идти за другой, вдоль реки Аны. Тоньюкук решил идти этим путем; войско собралось за местностью Ак Термель, откуда пешком продолжило себе путь через снег. Люди шли сначала верхами, потом вверх по реке пешком, таща лошадей за собой и держась за деревья (или, что более вероятно, за деревянные палки). Передовой отряд протапывал дорогу в снегу, за ним шло войско; так был пройден перевал после этого еще десять суток с таким же трудом и по такому же глубокому снегу совершался спуск; проводник был признан обманщиком и был убит. Дойдя до реки Аны, войско село на коней и быстро отправилось в сторону киргиз; ему удалось застигнуть врага врасплох⁸¹. Об этой битве более подробно чем о самом походе говорит другая надпись в честь Кюль Тегина, который сам непосредственно принимал участие в этом сражении. Надпись гласит следующее: «Когда Кюль Тегину было двадцать шесть лет мы воевали с кыргызами. Проложив дорогу через снег глубиной в копьё и поднявшись в Когменскую чернь, мы разбили и обратили в бегство киргизский народ. С их каганом мы сражались в черни Сунга. Кюль Тегин сел на белого жеребца Байыркуна, бросился в атаку. Одного мужа он поразил стрелой, двух мужей он зарубил в схватке. При этой атаке он так бил белого жеребца Байыркуна, что сломал ему бедро. Кыргызского кагана убили и племенной союз (эль) его покорили»⁸². Причину войны с кыргызами текст отмечает в другом, к сожалению частично испорченном месте... «был Барс-бег. Мы в то время дали ему имя, титул кагана и дали мы ему младшую сестру — княжну. Сам он (Барс бег) изменил. Кагана умертвили. Народ его стал рабом (попал в рабство). Когменская вода и земля пусть не останется без хозяина, сказали мы, и завели порядок в немногочисленном народе кыргызов»⁸³. Из приведенных мест рунического текста следует, что военная операция тюрок против кыргыз 710—11 г.г. кончилась поражением кыргыз и установлением власти над ними, правда, на весьма непродолжительное время. Да и саму власть тюрок над кыргызами нельзя признать достаточно основательной. В результате успешной битвы тюркскому кагану Мочжо (так он известен по китайским источникам, он же носит имя Капаган), правившему с 693г.—716г. на его могиле поставили балбал кыргызского кагана. Балбал представлял собой изображение вождя племени, с которым воевал погребенный. Важность борьбы с кыргызами обусловило то обстоятельство, что балбал кыргызского кагана был поставлен первым в ряду балбалов у могилы Мачжо. Показание древне-тюркских текстов не связано с описанием одной и той же войны тюрок с кыргызами. Однако в источниках нет указаний сколь долго кыргызские племена находились под властью тюрок. В 732 году во время похорон тюркского знаменитого воина Кюль Тегина, в качестве соболезнующего от кыргызского кагана пришел некто Чур Тардуш Инанчу⁸⁴. Здесь любопытно, во-первых, указание, что еще в 732 году кыргызы имели своего кагана, во-вторых, представляет интерес и имя посла. Оно состоит из кыргызского титула Ынанчу и Тардушского Чур; что говорит о племенных связях кыргыз с тардушами, на которые мы выше уже указывали. Заслуживают внимания и сообщения китайцев, говорящие о том, что кыргызы в царствование китайского императора Сюань Цзуна (713—755) отправляют в Китай четыре посольства с их продуктами производства⁸⁵. Очевидно, что в какие-то годы этого периода кыргызы были достаточно самостоятельны для того, чтобы отправлять посольства в Китай. Видимо эти посольства были к концу жизни Сюань Цзуна, ибо до начала сороковых годов тюрки были еще политически сильны и их кочевья преграждали путь кыргызам в Китай⁸⁶. В Селенгинском тексте, относящемся к 746 году, как раз упоминается о могущественном кыргызском хане, проживающем в Когменских горах и посылающем свои отряды⁸⁷. С 758 года кончаются посольства кыргыз в Китай. Китайские источники объясняют это тем, что «уйгуры завоевали это государство и после этого кыргызские посольства уже не могли проникнуть в срединное государство (Китай)»⁸⁸. Событие это связано с действиями уйгурского кагана Гэле Маянджо (745—

759)89. Об этом поражении кыргызы уйгурами говорит и китайская надпись на стеле уйгурского кагана, происходящая из Кара Корума. В этом тексте говорится: «В начале было Гянь-Гуньское государство), считавшее 400 слишком натягивающих луки, т.е. носящих оружие. Оно (восстало и проч.), но каган был умный, мужественный, чудесно воинственный, (ему стоило только) раз выстрелить, как и попало. Гяньгуньский каган пал, в соответствии тетивы (т.е. под ударом его стрелы); коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами, государственные дела (владения — гяньгунь) прекратились; на их земле (не стало) живых людей»90. Памятник этот относился ко времени 808—821 гг. Очевидно, что в это время кыргызы как будто прекратили свое самостоятельное существование, однако дело обстояло не совсем так. Во-первых, Таншу указывает, что после завоевания кыргызы во второй половине VIII века кыргызский каган получил от уйгурского кагана титул — Цицьсе Тунге Гинь91, значит кыргызы не только не были уничтожены, но получили из рук уйгурского кагана какую-то форму самоуправления. Во-вторых, воспользовавшись некоторым ослаблением уйгур, кыргызский владетель Ажо «сам объявил себя каганом»92, мать свою, происходящую из рода тюркешей (племен Чуйской долины) объявил вдовствующей ханшею93, а жену свою, являющуюся дочерью карлукского предводителя ябгу — объявил ханшею94. Эти действия кыргызского кагана вызвали опасение у уйгур в том, что кыргызы стали опять могущественными и отправили к ним войска, которым однако не удалось разбить кыргызы. В течение двадцати лет продолжалась эта борьба, не давая положительных результатов для уйгур. Наоборот, в известной мере истощенные этой борьбой, они в 840 году были окончательно разгромлены кыргызами. Не случайно предводитель кыргыз говорил: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед ней моего коня, водружу свое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи; если не можешь, то скорее уходи»95. Борьба кыргыз с уйгурами окончилась благополучно для первых. Этому помогла измена со стороны уйгурского полководца Гюйлубага (Гюйля Мохэ), который провел кыргызские войска в ставку уйгурского кагана96. Уйгурский каган был убит, его наследники — тегины разбежались, ставка кагана была сожжена. Кыргызский каган получил богатую добычу и забрал в плен жену уйгурского кагана по имени Тай-хо, бывшую китайскую царевну дома Тан. Она была отправлена обратно в Китай, но по дороге кыргызский посланник был убит уйгурским Угэ ханом и царевна попала в Китай лишь в 843 г.97 Указанные события говорят о том, что надпись на стеле уйгурского кагана, относящаяся ко времени 808—821 гг., не отвечает действительности. Полного разгрома кыргыз уйгуры не достигли. Наоборот, кыргызы, в силу своей изолированности, сумели даже накопить силы и успешно выступить против уйгур, разгромив их окончательно в 840 г. на их основной территории — в Монголии, где кыргызы берут их ставку на Орхоне (развалины Хары-бамаз). Успеху операции кыргыз способствовали внутренние раздоры среди уйгур, у которых один из представителей знати по имени Гюйлофу в союзе с тюркскими племенами шато восстал в 839 г. против уйгурского кагана Чжан Синь98. Уйгурский каган предал себя смерти и правителем был поставлен его малолетний сын Кэси-тегин. В довершение к этим междоусобицам прошла очень тяжелая зима с большим падежом скота овец и лошадей, что сильно ослабило уйгур. Обстановка, создавшаяся в уйгурской орде благоприятствовала кыргызам, которые и не замедлили наступить против уйгур. Часть уйгур бежала к карлукам, часть — в Тибет и Китай. Оставшиеся — тринадцать родов уйгур — объявили Уге — в марте 841 г. каганом тегина, который продолжал еще борьбу с кыргызами до своей смерти, последовавшей в августе 846 г.99 После этого кыргызский каган выносит свою ставку в область Думань (Танну-ола) поближе к Селенге и снова восстанавливает дипломатические и торговые взаимоотношения с Китаем. Китайским императором У-цзуном посольства кыргыз были приняты с большим почетом, причем кыргызский посол был посажен выше представителя царства Бохай.

Вслед за этим последовали распоряжения китайского императора отправить ответное посольство с дарами в страну кыргызов и оставить подробное описание их страны, даже было предложено написать портрет кыргызского государства, а имя кыргызского кагана, как происходящего от уже упоминавшегося выше Ли Лина¹⁰⁰, внести в царскую родословную. Перенос ставок киргизов к югу и юго-востоку от Енисея, в частности на р. Селенгу, после разгрома уйгуров асвидетельствован не только сообщениями китайской летописи, но руническим кыргызским текстом, кстати, сообщающим имя кыргызского кагана, завоевателя уйгурского каганства. Приведем этот интересный текст полностью¹⁰¹.

«В земле уйгуров отец (мой) Яглакар-хан пришел
Я сын кыргызский. Я Бойля, счастливый и спокойный
Я знаменитый Бага Таркан, высокий Буюрук, Моя слава и репутация касались захода и восхода солнца Богатым был я. У меня было десять загонов (для скота) и табунов в них без числа. У меня было моих младших братьев семь, сыновей три, дочери три было, я усыновил моего огула, Я дал свою дочь для калыма. Моему учителю дал я сто людей и место (для) стоянки. Детей моих, дочерей и сыновей, я видел. Теперь я умираю. Потомство мое по (заветам) учителя будьте, хану служите отважно. Мой великий сын (старший) ушел (к войску) Не видел я (мужественного) сына».

Приведенный текст имеет для истории кыргызов исключительно большой интерес. Текст в первой строчке содержит совершенно ясное указание на имя кыргызского кагана, который завоевал земли уйгуров. Имя его Яглакар¹⁰². Выше мы указывали, что кыргызы, после своих удачных войн с уйгурами, перенесли свои политические центры в бассейн р. Селенги. Разбираемый нами текст был обнаружен в местности Суджи, недалеко от памятника, поставленного в честь первого уйгурского кагана. Видимо для увековечения такого события, как разгром уйгуров, и был воздвигнут памятник. Наряду с теми мероприятиями, которые предпринял китайский император, не отставали в своей деятельности и кыргызы. В этом памятнике более всего чувствуется резьба китайских мастеров, высекавших соответствующие тексты, как на стелах восточно-тюркских каганов, как уйгуров и кыргызов. Сын кыргызского кагана имел, видимо, большое политическое значение и владел большими богатствами. В его титулах Бага Таркан, Буюрук содержится указание на его высокое положение и принадлежность к военному сословию. Весьма любопытно указание на его славу, идущую от захода до восхода солнца. Совершенно ясно, что эта метафора связана с его широкой военной деятельностью. Указание об этих странах, где идет о нем слава, заставляет связать цитированные строки с китайским текстом, описывающим один из походов кыргызов 843 г. Дело в том, что в 847 г., в правление уйгурского кагана Энянь тегина, уйгуры окончательно ослабели. По сообщению Таншу: «оставалось именитых князей и высоких чиновников до 500 человек»¹⁰³, искавших поддержку у племен Шивэй, живших по верхнему Амуру¹⁰⁴. Китай потребовал у Шивэй выдачи уйгурского кагана, что заставило последнего спастись бегством со своей родней, женой Галу и сыном тегинем Дуса и девятью сопровождающими, на запад. Оставшихся уйгуров семь шивайских родов разделили (на поселение) между собой. В связи с этим кыргызский каган со своим министром, что в тюркском тексте обычно передается термином Буюрук, по имени Або (Бойля?) и 70000 войск «напал на шивэйи забрав остальных уйгуров возвратился на северную сторону Песчаной степи (Гоби)»¹⁰⁵. Видимо этот поход и доставил в руки Бойля большие богатства и те десять загонов для скота, о которых он говорит. В войне он и получил пленных уйгуров, превращенных им в рабов, часть которых он передает в количестве 100 человек своему учителю. Кстати сказать, «учитель» в надписи назван сирийским словом «мар», что свидетельствует о его манихействе¹⁰⁶. Характерно и то, что текст надгробной стелы Бойля вырезан буквами, имеющими характерную уйгурскую палеографию букв, т.е. такими очертаниями, которые можно наблюдать на стеле уйгурского кагана Моюн Чура¹⁰⁷. Само местоположение памятника на Селенге, т.е. территории, которая была подвластна киргизам лишь с 841 г., говорит о том, что

памятник поставлен не раньше этой даты. С другой стороны, он не может быть и позже начала X века, когда кыргызы вынуждены были покинуть эти места. Яглакар хан пытался в 843 г. еще преследовать Угекагана, обосновавшегося среди племен Манчжурии и помогал китайскому двору в борьбе против кочевников уйгур, достаточно сильно изнуривших восемнадцать пограничных округов Китая. За оказанную помощь киргизский каган получает грамоту и почетный китайский титул Цзун-ин-Сюн-у Чен-Мин Каган¹⁰⁸. Однако после смерти У-цзуна в 846 г. все те почести, которые он собирался оказать киргизам при новом китайском императоре Сюань-Цзуне были отклонены на совещании министров Китая, не высоко ценивших силы кыргызов и не желавших помощью со стороны Китая их усилить. В 847 г. кыргизский каган Яглакар скончался, а новому кыргизскому кагану был опять дан лишь почетный титул Ин-у-Чен-Мин¹⁰⁹. Кратко очерченный круг событий нашел свое легендарное оформление в эпосе Манас. В самом деле, в описании «Великого похода» указаны действия кыргызов против китайцев и походы богатырей Манаса против города Бейджина. Соратником Манаса является некто Алмамбет, не кыргыз по происхождению, но верный делу Манаса. Из второстепенных персонажей характерна личность Бурулчу, дочери Эсенхана, т.е. тоже не кыргызки. В походах Манаса фигурирует наряду с рекой Иртышем и реке Орхон (Монголия). Рассматривая события, запечатленные в эпосе, и сравнивая с известными историческими событиями, нельзя не прийти к выводу, что основа эпического сказа восходит в своих главных чертах к реальным историческим событиям. Описание пути похода в Бейджин и его сравнительно одинокое положение заставляют понимать под этим названием не китайский Бейпин, а именно город Бей-тин, т.е. древне-тюркский город Бешбалык.

Если это так, то понятно в упоминании реки Орхон, близ которой находился древний город Бешбалык. Но из китайских источников нам известно, что сподвижником Яглакара-хана был, так же как и у Манаса, не кыргыз, очевидно и здесь совпадение реки Гюйлу Бага и Алмамбета. Наконец, напрашивается аналогия между китайской царевной Тайхо и эпической Бурулчу. Логически из сказанного вытекает, что исторический Яглакар должен быть отождествлен с легендарным Манасом. Это отождествление подсказывают не только вышеразобранные сюжеты. Героический эпос Манас мог возникнуть только в эпоху наибольшего политического и экономического подъема народности. Совершенно очевидно, что в истории киргизов только этот период мог явиться временем оформления отдельных сказаний и былин в первоначальную завязь грандиозного эпоса, каковым является Манас. Позднейшие сказители, потерявшие связь с реальными образами первоначальных сюжетов, изменили собственные имена, характеристику быта, обстановки, географической среды. Так появились имена эпоса Алмамбет, Бурулчу и другие взамен ранее упомянутых и в памяти сказителей утраченных. Также исчезло из памяти имя Яглакара, выступившего позднее под именем (самим киргизам непонятным) Манас. Не только хан Яглакар, имя которого случайно сохранилось в одной киргизской надписи, происходящей из Монголии, мог явиться первообразом эпического героя, ибо только с ним связаны особенно блистательные страницы из героического прошлого киргизского народа.

Эпос впоследствии рос и развивался, обрастая новыми сюжетами, но память о времени Яглакара хана оставалась стержнем эпического сказания¹¹⁰. К сожалению, китайские источники почти не дают сведений о политической истории киргизов после 847 г. Они только отмечают, что в промежуток времени, 860—873 г. от киргизов в Китай было еще три посольства¹¹¹. Видимо с 873 года киргизы начинают утрачивать свое влияние на территории Центральной Азии в силу возобновляющегося могущества уйгуров живших в районе Лян чжоу и Дун Хуана. Их главный старшина Цзунь из уйгурского племени Бугу, живший в Бешбалыке завладел городами Карашар и Бугюр в Восточном Туркестане и получил от китайского императора титул хана в 874 г.¹¹² Увеличение

рода киданей, пришедших с востока, заставляет киргиз перенести свою сферу деятельности ближе к Восточному Туркестану.¹¹³ Однако часть их под давлением киданей, занявших Монголию в 924 году, ушла на север, вторая еще в последней трети X века (вероятно в 70-80 годах) владела городом Пенчулом (Учь Турфан)¹¹⁴. В районе Кашгара, по сообщению рукописи Худуд-ал Алам проходила граница между народами Ягма, Тибетом, Китаем и кыргызами¹¹⁵. О связи с Тибетом говорит кыргызская надпись (Чакул), в которой сообщается, что «Ради доблести я ходил к тибетскому хану, в качестве посла я ходил и проводил (?). В другом тексте Алтун Коль также упоминается тибетский хан, причем, покойный вообще о себе заявляет, как о торговце, который «в четырех углах света я был»¹¹⁶. Очевидно, что временное возвышение уйгур и усиление киданей заставило изменить границу кыргызов на юге, в сторону запада, приблизив их к Тянь-шаню. Не случайно они становятся соседями не только племен карлуков (Семиречье), но и чигилей (Иссык-Куль) и тухси (Чуйская долина)¹¹⁷. Эти факты заставляют пересмотреть вопрос о появлении кыргызов на Тяньшане. Письменные свидетельства дают основание полагать, что в период VIII—X вв. происходило передвижение кыргызов на Тяньшань. Перейдем к разбору этого положения, имеющего огромное значение для истории кыргызов и Киргизстана. Уже разбирая вопрос о хакасах, мы указывали, что западная граница хакасов была весьма далеко от Енисея. Если это еще не говорит о сплошном расселении хакасов от Енисея до Средней Азии, то во всяком случае свидетельствует о тесных связях с последней¹¹⁸. Здесь нас более всего интересует указание, что хакасы граничили «на юге до Тибета, на юго-западе до Гэлолу»¹¹⁹. К сожалению это место не датировано, но видимо такое положение было характерно для всей Танской эпохи, как об этом сообщает несколько ниже китайский источник, когда он говорит, что хакасы всегда находились в дружественных связях с Даши, Туфань и Гэлолу¹²⁰. Но Гэлолу-карлуки населяли территорию Семиречья, во всяком случае тогда, когда они упоминаются, как состоящие в дружественных связях с хакасами. Указание это находится после 758 г. и сочетается с ссылкой на дружественные отношения с арабами, которые появились в Семиречьи лишь с июня 751 г.¹²¹ В таком случае владения хакасов-кыргызов подходили непосредственно к Тянь-Шаню. Здесь мы только и допускаем их торговые связи с арабами-даши. Торговый путь арабов VIII века (и вплоть до X во всяком случае), шел от Испиджаба на Тараз к Суябу, откуда поворачивал на юг в Восточный Туркестан из Верхнего Барсхана (Иссык-Куль)¹²². В таком случае в восточной части Семиречья и был стык между карлуками, торговым путем арабов и Восточным Туркестаном. Сюда проникали кыргызы. Не случайно, что в целях закрепления своих позиций на этой территории хакасский владетель с титулом Пицьсе Тунге Гинь, происходивший из семиреченского племени тюргешей, вследствие упадка могущества уйгуров объявил себя каганом, а жену, урожденную из карлуков, назвал катун¹²³. Эта родственная связь владетелей хакасов с племенами Семиречья конца VIII начала IX века, несомненно свидетельствует, в сочетании с вышеприведенными фактами, о непосредственной связи кыргызов с Притяньшаньем. В свете этих сообщений китайских источников начинает разъясняться и указание Истахри (1951 г.) о том, что в Семиречье, конкретнее на Тяньшане (в соседстве с рудниками Ферганы, Илака и Шельджи), находились и киргизы¹²⁴. Комментируя это место В.Бартольд писал: «Возможно, что теперь (X век—AB) киргизы выступили в качестве союзников карлуков против тогуз-огузов и заняли часть Семиречья, своей теперешней родины»¹²⁵. Отсутствие указания других мусульманских источников о существовании киргизов на Тяньшане показывает лишь то, что они не составляли еще значительной массы населения и что собственно название кыргызов применялось к енисейской территории, в то время, как тяньшаньские киргизы выступают здесь под другими именами, здесь мы возвращаемся к гипотезе Н.Аристовой, который предполагал, что киргизы на Тяньшане представлены были их ветвью усунями — позднее нушиби¹²⁶. Признать усуней в

качестве ветви киргизов мы не можем. Уже было показано выше, что западная ветвь киргизов мы не можем. Уже было показано выше, что западная ветвь киргизов выступала как самостоятельная и враждебная по отношению к усуням группа племен. Тот факт, что усунь, некогда могущественные, должны были существовать и, якобы, существовали под именем нушиби никак не следует из письменных источников, приведенных Аристовым Н. Большого внимания заслуживает попытка Н.Аристова связать племена, составляющие союз нушиби, с именем киргизских племен. Здесь прежде всего важно отметить упомянутые им киргизские племена ассык и кушу или кушук, которые он связывает с племенами «асиги» и «гэшу» китайских источников. Действительно Таншу, перечисляя пять родов нушиби, отмечает род Асиге и Гэшу¹²⁷. Таким образом между племенами нушиби и киргизами устанавливается какая-то этногенетическая связь. Локализуются племена нушиби по северному Тяньшаню и, в частности, в междуречьи Чу-Талас. Но племена нушиби имеют связь не только с позднейшими киргизами, но и с предшествующими усунями. Доказательством этого служат не построения Н.Аристова, а факты письменных источников, которые мы сейчас приведем. В надписи тоньюкука говорится: *Usyn bundatu jurtta jaldy qalur arti*¹²⁸, т.е. «в юртах усуньского союза мы остановились»: В.Радлов искал объяснения этому союзу на территории Китая, о котором в предшествующей строчке памятника шла речь¹²⁹. Однако это неправильно. Построение фразы — памятника совершенно логичное. Тоньюкук сообщает о том, что тюркский каган (речь идет об Ильтереесе) дошел до моря до Шандуна, где разбил 33 города, дошел до юрта Усуньского союза, где и остался, а посему китайский каган стал врагом тюрков и каган «десятистрельных» (западных) тюрков стал врагом тюркского кагана¹³⁰. Совершенно ясна чередующаяся конструкция стиха. Очевидно, что захват юрта усуньского союза, сделал врагом кагана западных тюрков совершенно также как разгром 33 китайских городов привел в возмущение китайского императора. Но время этих походов относится к концу VII, вероятно, к началу VIII века, когда на территории западно-тюркского кагана господствовали племена нушиби, сохранившие еще после похода китайского полководца Судинфана свою автономию. Этот союз племен нушиби и назван в тюркском источнике юртом усуньского союза. Посему известная связанность племен нушиби с усунями может быть признана. Тот факт, что еще в V веке усунь сохраняли свою автономию и даже отправляли посольства в Фергану и давали проводников и переводчиков китайским послам¹³¹, говорит о том, что их имя не могло быть забыто, особенно среди кочевых народов. Но усунь — то не киргизы. Однако если еще в первом веке до н.э. в состав усуней вошли племена западных цзянькунь, то цзянькунь могли просуществовать и до VII века, когда усунь влились в племенной союз нушиби, где древнекиргизские племена отложились в названиях асиги и гэшу. Если в период усуней узанькунь еще были автономны, составляя вместе с северными гуннами буфер между усунями и кангюй, то в VI веке они являлись лишь отдельными частями племен нушиби, а в состав современного киргизского народа дошли лишь в качестве подразделений родов костей (соек) ассык и кушу. Вместе с тем, не исключена возможность и дальнейшего проникновения племен в Семиречье в эпоху VII века. Для этого рассмотрим свидетельства китайских источников в связи с биографией западно-тюркского кагана Иби Дулу. В Таншу говорится, что Иби Дулу долго воевал с каганом Хилиши и, наконец, на р. Или в 638 г. они разделили сферы своего влияния. Иби Дулу остался на западе — Чу-Талас, на восток простирались владения Хилиши.¹³² Однако, вскоре Иби Дулу покорил племена Сяси (неизвестный народ) и Гегу. Последнее слово является транскрипцией имени киргиз. Видимо здесь речь про тяньшаньских киргиз. Дело в том, что между владениями Дулу и енисейскими киргизами были владения Хилиши. Покорение киргиз Дулу каганом произошло без столкновения с племенами Хилиши. Только после того как тяньшаньские киргизы были покорены, сылифа (военный предводитель) Дулу кагана произвел нападение на Хилиши,

который был вынужден бежать в Фергану, где и умер. Активная деятельность Дулу кагана все расширялась — он покорил ряд владений в Восточном Туркестане, забрал большую добычу и много военнопленных, в частности, из Согдианы. По сообщению китайской истории он «всех пленных взял себе, а не уделил подчиненным»¹³³, чем вызвал оппозицию к себе со стороны рабовладельческой знати кочевников. Воспользовавшись этими раздорами, против него выступает предводитель племени ассиго, которое, как мы выше показали, являлось частью кыргызов, живших на Тянь-Шане. Деятельностью Иби Дулу и сменивших его каганов, одновременно властвовавших на территории Северной Киргизии, была прекращена походом китайского полководца Су Дин Фана через год после смерти Дулу в 654 г.¹³⁴ Су Дин Фан разгромил тюрок на Или и Чу и достиг Таласа. Бывшие области кочевников были разделены на префектуры¹³⁵. Однако, китайское господство здесь оставалось в значительном смысле номинальным и племена продолжали сохранять свою культуру и даже управление. В это время, как известно, под китайским господством находился и восточнотюркский каганат, хотя за 47 лет (с 657-704 гг.) здесь сменилось 9 основных и десятки малых правителей. В этой калейдоскопической смене правителей и непрерывной борьбе племен, не всегда удается проследить год за годом роль кыргызских племен на Тянь-Шане, но приведенное выше с достаточной убедительностью гласит о том, что кыргызские племена были частью населения Тяньшаня и принимали в его политических судьбах значительное участие. Их влияние заметно и в памятниках культуры. В верхнем Таласе Каллауром были открыты четыре камня с надписями древнетюркским руническим шрифтом. Палеография этих надгробных стел и структура эпитафий-типично кыргызская, знакома нам по енисейским надгробиям и резко отличается от известной нам орхонской руники. Такими же палеографическими чертами отличаются письма деревянной палочки, найденной в одном из ущелий в той же Таласской долине, на перевале Киргизского Алатау¹³⁶. Наконец, к этому мы можем присовокупить и находку китайского зеркала у с.Бахты с надписью, несущий характерные черты кыргызской палеографии. Все эти данные заставляют полагать, что в Северный Тяньшань проникли кыргызские племена и их культурой, известной в полном объеме на Енисее. Языком надписей был древне-тюркский, отличающийся от кыргызского, но он, видимо, как мы уже указывали, был принят для всевозможных официальных надписей. Указанные выше факты говорят нам о том, что в эпоху VIII—X вв. кыргызы были на Тяньшане относительно в значительном количестве и являлись субъектами исторического процесса не только Енисей и Центральной Азии, но и Северной Киргизии. Тяньшанские кыргызы растворялись в массе местных племен и фактически не составляли большой политической силы. Поэтому мусульманские авторы не считали важным давать описания Тяньшанских кыргызских родов. Тем более, что им было известно об основной массе кыргыз, обитавших по Енисею. Поэтому в китайских описаниях фигурируют главным образом сведения о кыргазах Енисея. Вот так выглядят кыргызы X века по рукописи Худуд Ал Алам¹³⁷. Но Худуд ал Алам «из страны кыргыз вывозилось много мускуса и мехов (о кыргызском мускусе говорят и другие источники), также березовое дерево (вероятно, кора) и рог хуту, употреблявшийся для выделки рукоятки ножей, как доказывают теперь, имеются в виду привозившиеся с отдаленного севера клыки моржей и нарвалов. Киргизский царь назывался киргиз-хаганом (хаганом). По описанию того же автора, киргизы по нравам несколько походят на диких зверей: наружность у них грубая, мало волос, нет справедливости, мало милосердия. Они отличаются воинственностью: со всеми соседями у них война и вражда. У них есть повозки (или лодки), бараны, коровы, лошади; они кочуют, ища воды, травы (благоприятной) погоды и лугов. Они почитают огонь и сжигают мертвых, живут в палатках и шатрах, занимаются охотой. Есть народ фура, также из киргиз, к востоку от них; они с другими киргизами не смешиваются, они людоеды, безжалостные, язык их

другие киргизы не понимают, они подобны диким зверям. Город, где живет киргизский хакан, называется Кемиджкет. Есть народ Кесим из киргиз в горах, у них есть шатры; они добывают меха, мускус, хуту и т.п. Есть другой народ из киргиз, язык которого ближе к языку карлуков, а одежда сходна с одеждой кимаков. Ни у одной ветви киргиз нет совсем ни деревень, ни городов, все они живут в шатрах, за исключением того места, где живет хакан¹³⁸. Повторяет в основном это описание киргиз и автор XI в. Гардизи, который пополняет приведенное сообщение сведениями легендарного порядка о происхождении киргиз (см. гл. IV) и описанием торгового пути из страны Тогуз-огузов, т.е. Восточного Туркестана.¹³⁹ Приведем эту наиболее интересную часть текста Гардизи: «путь к киргизам ведет из страны тогузогузов, именно из Чиньджкета в Хасан; из Хасана в Нухбек до Кемиз-арта один или два месяца пути среди лугов и 5 дней по пустыне. От Кемиза до Манбек-Лу два дня идут по горам, потом приходят в лес: начинается степь, источники, место охоты, до горы, которую называют Манбек-Лу; гора высока; на ней много соболей, белок и доставляющих мускус антилоп, много деревьев и обильная охота; гора хорошо населена. После Манбек-Лу приходят к Когменту; по дороге встречаются пастбища, хорошие источники и много дичи; четыре дня идут по такой местности до горы Когмен. Гора высока; на ней много деревьев, дорога узка. От Когмена до киргизского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда, вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место (в стране); туда ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собой деревьями. Из трех дорог одна ведет к тогуз-огузам на юг; другая — к кимакам и халлухам на запад; третья в степь; надо идти 3 месяца, пока не придешь к большому племени фури». Далее текст Гардизи сообщает: «Из страны киргизов привозят мускус, меха и рог хуту. Киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь — самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грезов». Некоторые из киргизов поклоняются корове, другие — ветру, третьи — ежу, четвертые — сороке, пятые — соколу, шестые — красивым деревьям. Среди них есть люди, которых называют фагинунами (?); каждый год они приходят в определенный день, приводят всех музыкантов и приготавливают все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в этом году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает, и большею частью бывает так, как он сказал»¹⁴⁰. Явно легендарно указание Гардизи на то, что киргизы имели своим предком славянского вельможу, причем, Гардизи прямо заявляет: «признаки славянского происхождения (еще) заметны в наружности киргизов, именно красные волосы и белая кожа»¹⁴¹. Явно древние свидетельства из Гардизи говорят о том, что киргизы XI века в значительной степени сохраняли еще свои динлинские черты, характерные в частности и для древних славян. В связи с этим местом В.Бартольд делает замечание, что «по китайским известиям киргизы отличались высоким ростом, рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами (Иакинф, Собрание сведений, 1, 443). Все это указывает на то, что киргизы первоначально не были тюркским народом. Ср. Radloff. Die Altirkischen Ynschriften p. 425»¹⁴². Как и в рунических текстах страна киргиз называется Когмен. Весьма любопытны указания Гардизи о тотемизме киргизов, которые по его данным поклоняются корове, ветру, ежу, сороке, соколу, деревьям и т.д. Указание Гардизи на шаманство киргиз, подтверждается как китайскими сведениями, так и сообщениями Абу Дулефа (Автор X в.). Племя фури, которое упоминается текстами Худуд ал Алам и Гардизи является ни чем иным, как племенем «кури», т.е. курыканы древнетюркских текстов и «гулигань» китайских. Жили эти племена к западу от Байкала. О киргизах Абу Долеф сообщает (даем также в

изложении В.Бартольда), что «они едят просо, рис и всякое мясо, кроме верблюжьего; у них есть дом богослужения и свое письмо; они отличаются благоразумием и осмотрительностью; не гасят светильника, и дают ему погаснуть самому. У них есть мерная речь, которой они пользуются во время молитвы. Есть мускус. Есть три годовых праздника. Их знамена зеленые. Во время молитвы они обращаются к югу, из планет почитают Сатурн и Венеру; на Марса смотрят как на звезду, предвещающую дурное. Много хищных зверей. Есть камень, светящийся по ногам, так что они обходятся без освещения; из этого камня выделываются вещи только у них. Их царь заботится об их благосостоянии и они ему повинуются; в его присутствии может садиться только человек старше сорока лет»¹⁴³. Кстати, сообщения Абу Долефа и земледелии и скотоводстве кыргызы достаточно ясно говорят о том, что кыргызы X—XI века внешне мало чем отличались от предшествующего периода. Вызвано это тем, что поздние авторы пересказывают сообщения предшественников, а также тем, что с внешнебытовой стороны кыргызы мало чем отличались от предшествующей стадии хозяйственного развития. В этом сказался их традиционный кочевой быт и социальный строй, вскрываемыми вышеразобранными текстами и надгробных эпитафий. Кыргызы были последним тюркским народом, которые господствовали в Монголии. Уход их на Енисей и Тяньшань повлек за собой то положение, что о них почти нет сведений в последующую эпоху в ряде источников. Вызвано это было тем обстоятельством, что на Тяньшане они были растворены в политических образованиях имевших там место. В силу своей незначительности, по сравнению с местными племенами, они не приобрели на Тяньшане самостоятельного политического имени. На территории Енисея, куда они вернулись после блестящих страниц своей истории, они были отрезаны от остального мира мощными центральноазиатскими образованиями киданей, чжурженей и монгол. В это время они соседствовали еще с племенами ягма, карлуками на западе и кимаками на северо-западе, что свидетельствует о сохранении кыргызами своих юго-западных связей. Не выступая на территорию Центральной Азии, они все же имеют достаточно силы для сохранения своей автономности, о чем гласит тот факт, что западные кидани, попробовавшие прорваться на их территорию (первой половины XII в. между 1120—1124 г.) вынуждены были уйти дальше на запад в бассейн р. Эмиль¹⁴⁴. Исключение кыргызы с первой трети X века из активного участия в историческом процессе Центральной Азии, не могло не сказаться на развитии их социально-экономического строя. Родовой строй, который еще не был разрушен бурными событиями VI—IX вв., в условиях изолированного положения кыргызы, вновь обретает силу. Развитие производства в городах Средней Азии и появление огромного количества продуктов ремесленного производства феодальных городов Средней Азии, Семиречья, Восточного Туркестана и Китая исключило возможность спроса на ремесленное производство киргиз. Их страна становится местом ввоза ремесленной продукции и вывоза только сырья, о чем повествует уже для X века Худуд ал Алам, Ибы Хаукаль и ряд других авторов. Это изменение в соответствии технических возможностей киргиз по сравнению с окружающими странами (а вследствие этого и изменение характера торговли, сократило характер их производства, привело его к известному отмиранию. Сокращение базы ремесленного производства и увеличением роли охоты, как средства добычи тех материалов, которые требовал новый рынок, подорвало и возможную базу для широкого применения рабского труда. Да и последние уже стали в значительно меньшей степени попадать к кыргызам вследствие условия вместе взятые привели к консервации общественных отношений кыргызы и надолго задержали их поступательное движение вперед. Совершенно естественно, что в недрах кыргызского общества продолжался процесс социального развития, приведший к начальным формам феодального строя, но рассмотрение этого вопроса не входит в тематику настоящего тома.

- 61 Ср. Памятник могилы Хану.
- 62 Ср., например, племена Тибета, Китая и др.
- 63 Суйшу, гл. 89; И.Бичурин, ч. 1, 267.
- 64 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 351.
- 65 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 448.
- 66 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 427 и сл.
- 67 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 293 и сл.
- 68 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 427.
- 69 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 448.
- 70 В соответствии термина сылифа-эльтебер, см. у Hirth'a Nachworte.
- 71 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 448.
- 72 АТ 1 М, 317, ср. стр. 302; Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 448.
- 73 ИНС, ч. III—IV, стр. 99.
- 74 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 448.
- 75 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449.
- 76 АТ 1 М, 243 и сл.
- 77 ИНС, ч. III—IV, стр. 480 и сл.
- 78 Прежде всего в стелах Могилян хана, Кюльтегина и Тоньюкука.
- 79 Текст Тоньюкука издан Radloff'ым в АТ 1 М zw. Folge.
- 80 Текст Тоньюкука
- 81 Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1927 г., стр. 13
- 82 Памятник Кюль Тегину.
- 83 Памятник Кюль Тегину
- 84 Памятник Кюль Тегину
- 85 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449.
- 86 Имеем в виду восточно-тюркский каганат.
- 87 Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord Mongolei Yournoe. F.Oud xxx, 1913, стр. 24.
- 88 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449.
- 89 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 384—393
- 90 В.Васильев, в Сборнике трудов Орхонской экспедиции, III.
- 91 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449.
- 92 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449.
- 93 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449.
- 94 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449.
- 95 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449
- 96 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 450.
- 97 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 450.
- 98 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 418—419.
- 99 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 419—423. С этими событиями связано начало уйгурской культуры в Восточном Туркестане.
- 100 Таншу, гл. 140 б.; И.Бичурин, ч. 1, 143.
- 101 Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften стр. 6.
- 102 Об имени Яглакар см. С.Малов, Новые памятники с турецкими руками, Сб. Язык и мышление, т. VI—VII, стр. 276.
- 103 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 424.
- 104 Этническая принадлежность шивэй не ясна, всего вероятней тунгусо-маньчжурские племена.
- 105 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 424.
- 106 О манихействе тюрок см.
- 107 Об уйгурской палеографии см. нашу статью: Руническая надпись в уйгурской рукописи, заметки ИВАН, № 7.
- 108 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 451.
- 109 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 462.
- 110 Наша точка зрения была поддержана К.Рахматуллиным в его работе «Улу патриот укмуштуу Манас, Фрунзе, 1942 г. (Великий патриот легендарный Манас).
- 111 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 452.
- 112 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 426.
- 113 Движение киданей и могло способствовать переселению части кыргызов на Тяньшань.
- 114 V.Minorsky. Hudud al Alam.
- 115 V.Minorsky. Hudud al Alam. В.Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 92—93.
- 116 АТ 1 М, 318 и 332 и сл.

- 117 V.Minorsky. Hudud al Alam.
 118 В.Бартольд, Очерк истории Семиречья, 93.
 119 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, ч. 1, 449.
 120 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, 449, Даши-арабы или вообще жители Средней Азии (даши-таджик), туфан — жители Турфана и Тибета, гэлолу-карлуки.
 121 Бартольд придавал огромное значение этой борьбе, которая по его словам, решила вопрос о том, какая культура арабская или китайская будет господствовать в Средней Азии.
 122 А.Бернштам — Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941 г., стр. 66 и сл.
 123 Таншу, гл. 140 б; Бичурин 449.
 124 Истахри в переводе С.Волина
 125 Бартольд, Очерк, 20
 126 Аристов, ук. соч., стр. 24
 127 Таншу, гл. 140-б, л. 11-б. И.Бичурин, 356.
 128 W.Radloff, АТМ. zweife Folge. стр. 10—11.
 129 Ук. соч., стр. 49.
 130 Sandun (balyqqa) talui u (gurk) a tagurtum, ur atur balyq sanidy Usyn bundatu jurtla jalty qabur arti. Tabʼae gafan jaʼumyz arti Onoq qany jaʼumyz arti”, Radloff. ук. соч. стр. 11, как показал F.Hirth под Шандуном следует понимать не совр. пров. Шандун, а Чжили. Ср. В.Бартольд «Новые исследования об орхонских надписях», МНБ, 1899, 10, стр. 236.
 131 Вой-шу, гл. 102, л. 7-а, И.Бичурин, ч. II, 138.
 132 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, 1, 331
 133 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, 1, 353
 134 Таншу, гл. 140 б; И.Бичурин, 1, 358
 135 ИНС, ч. III—IV, стр. 800
 136 См. ст. С.Малова и М.Массона в «Материалах Узкомстариса», вып. 6—7, М.Л., 1936 г.
 137 X.Minorsky. Hudud al Alam.
 138 В.Бартольд, Киргизы, Фрунзе, 1927, стр. 21.
 139 Текст Гардизи см. в русском переводе у В.Бартольда. Отчет стр. 109—110.
 140 В.Бартольд, Отчет, стр. 110—111.
 141 В.Бартольд, Отчет, стр. 109.
 142 В.Бартольд, Отчет, стр. 109.
 143 В.Бартольд, Киргизы, стр. 21—22.
 144 В.Бартольд, Очерк, стр. 102—103

Глава VI.

Киргизстан до сложения усуньского племенного союза

Слабая изученность территории Киргизии в археологическом отношении по древним эпохам является причиной того, что до сих пор нельзя отразить ее историю в последовательном освещении периодов от глубокой древности до современности. Так еще до сих пор история не располагает данными по каменному веку на территории Киргизии. Отсутствие таких находок не исключает возможности предполагать, что Тяньшань был заселен еще в глубокой древности и быть может в эпоху среднего палеолита. Доказательством этому служат наблюдения над распространением памятников древне-каменного века на сопредельных с Киргизией территориях. В 1938 г. была открыта, впервые в Средней Азии, стоянка мустьерского человека в Узбекистане в гроте Тешик Таш на отрогах Гиссарского хребта. Там же были обнаружены остатки неандертальского человека — ребенка 7—8 лет, принадлежащего к виду ископаемого человека, предшествующего современному типу человека. Характер находок, совершенных в гроте Тешик Таш, — орудий труда из камня в виде ножей, остроконечников и мустьерских рубил позволяли восстановить охотничий образ жизни неандертальца, который жил на Гиссарском хребте¹⁴⁵. Кстати, объект охоты неандертальца — горная коза — была достаточно ярко здесь представлена находками ее костей и рогов. Аналогичные стоянки были вслед затем открыты и в других пунктах этого района, например, в гроте Амир-Темир¹⁴⁶. В 1940 году были найдены такого же типа орудия древнего человека эпохи мустье (300—50 т. лет тому назад) в лессовых отложениях р. Зерафшан, в центре города Самарканда¹⁴⁷. Несмотря на количественную

незначительность, всего одно орудие и один отщеп, находка имеет большую научную ценность, поскольку она, во-первых, указывает новую географическую среду — долину, где бытовал мустьерский человек, во-вторых, захватывает более северный по сравнению с Южным Узбекистаном район. В Семиречьи находки палеолита представлены лишь случайными находками. К таковым относится находка нуклеуса и каменных отщепов на Курдайском перевале при прокладке Турксиба, а затем они встречаются только в районе Иртыша, у г. Семипалатинска¹⁴⁸. На Алтае, по Оби и далее как на Восток, так и на север известен ряд верхнепалеолетических стоянок¹⁴⁹. Таким образом, если к югу от Киргизии известны палеолетические памятники эпохи мустье, то по мере продвижения на север эти памятники становятся все более и более молодыми и представлены на севере лишь памятниками верхнего палеолита. Этот характер распространения палеолетических памятников, говорит о пути движения древнего человека с юга на север. Несомненно, что в сферу этого движения человека была включена и территории Киргизии, как южной, так и северной. Дальнейшие археологические исследования этих мест откроют памятники древне-каменного века и дадут возможность уже с определенностью судить о характере древнейшей жизни человека. В аналогичном положении находятся памятники и новокаменного века. С территории Киргизии мы, правда, имеем лишь небольшое количество кремневых отщепов, найденных у гор. Фрунзе¹⁵⁰. Имеются и случайные находки кремневых орудий микролитического типа. К таковым относятся сделанные из кварца или чаще из кремня мелкие орудия, как-то: наконечники стрел, режущие лезвия, проколки, скребки. Обычно эти орудия укреплялись в деревянной рукоятке, насаживались на дротики и стрелы. Измельчение форм оружия было вызвано изобретением лука и метательных приспособлений. Поэтому необходимо было до минимума сократить объем и вес ударной и пронзающей части орудия, чем и вызвана была к жизни т.н. микролитическая индустрия. Памятники этого типа в сравнительно большом количестве были найдены в местностях примыкающих к Кирг. ССР¹⁵¹. Так микролитические орудия были найдены на территории Ферганы, по Сыр-Дарье, на склонах Кара-Тау, в пустыне Бетпак дала и далее¹⁵². Характерной чертой распространения этих орудий является то, что они начинают встречаться в сравнительно пустынных степных местах, часть находок известна из долин рек. Связано это с тем, что человек, вооруженный теперь более совершенным орудием, каким является лук и стрела, а также метательным копьем, — мог теперь заниматься охотой на быстро бегущего степного зверя, а этим самым он расширил базу для своего пропитания. Богатые ущелья и горные долины Тяньшаня, изобиловавшие в прошлом дичью, могли быть местом, где с успехом развивалась охота на зверя, где человек мог найти все условия для своего существования. Памятники микролитической индустрии — характерное явление от левого берега Днепра вплоть до Северного Китая. Их развитие связано со степных горными районами, где в древности не знали земледелия. Возможно, что горная Киргизия принадлежала к этому же ареалу развития культуры человека, и здесь будут найдены памятники микролитического типа. Не исключена возможность, что в долинах рек, как например, р. Чу встретятся и классические памятники неолита с его шлифованными каменными орудиями. Аналогичное положение с памятниками энеолита, т.е. переходными от камня к металлу.

Наиболее старыми предметами, открытыми в Киргизии, являются изделия из бронзы. К ним относятся случайные находки на оз. Иссык-Куль¹⁵³ и клад бронзовых вещей, обнаруженных зимой 1938—39 гг. на право берегу р. Сукулук, в Фрунзенской области¹⁵⁴. Вещи бронзового клада на р. Сукулук принадлежат к т.н. андроновскому типу культуры, известной нам уже по истории племен Енисея (см. гл. 1). Клад состоял из 17 предметов, как-то: массивных литых бронзовых топоров характерной формы с вислым обухом, массивных долот, шилья, сверла и трех бронзовых зеркал. Техника выделки предметов говорит о высоком искусстве литья мастеров их изготовлявших.

Такие вещи, как игла, имеют следы еще горячей проковки. Рубящие края топоров затуплены и свидетельствуют, что они уже употреблялись в работе Обух одного топора украшен штриховым орнаментом в елочку. Обследование места их находки показало, что клад не связан с местом поселения того же времени. Нет ни землянок, ни, даже, следов зольных прослоек временного стойбища¹⁵⁵. Андроновского типа вещи находились и на Иссык-Куле в виде бронзовых ножей¹⁵⁶. Кроме того, известен ряд находок и из других мест. Так из верховий реки Талас происходит один вислообушный топор сукулукского типа. В ущелье Аларча был найден литовидной формы наконечник копья с длинным черенком и ребристым пером по центру лезвия. В г. Фрунзе на строительных работах были найдены очень своеобразные бронзовые кельты в виде плоских топориков прямоугольной формы, в средней части которых имеется втулка. Кельты имеют обычно сквозное отверстие около втулки и тамгообразные знаки в виде косых линий (аналогичные знаки нами наблюдались на тыльной части вислообушных топоров) или крестиков. Известны нам случайные находки бронзовых орудий и с Тяньшаня, например, в Нарыне, где они были обнаружены по берегам рек (Малый Нарын) и в местах древних рудных разработок¹⁵⁷. Большое количество памятников эпохи бронзы было найдено при строительстве Большого Чуйского канала. Наиболее ценными и бесспорными памятниками, открытыми на трассе канала, являются находки, относящиеся к эпохе бронзы, которые можно датировать II-тысячелетием до н.э. Находки эти предоставлены фрагментами грубой лепной керамики, сделанной без гончарного круга. В тесто керамики замешана известковая масса. Горшки сравнительно крупные, в основном плоскодонные, шейка сосуда короткая, часто не имеет венчика или шейка очень слабо выраженная. По шейке сосуда и плечикам располагается орнамент, сделанный палочкой или гребенкой и представляющий собой сочетание ямочек, косых насечек, елочек и т.п. Узоры имели в то время определенное смысловое, культурное значение. Часть этих черепков имеет весьма архаичный облик, напоминающий собой характерный «ямочно-гребенчатый» орнамент, свойственный классическому неолиту Восточной Европы, и который может быть датирован даже IV тысячелетием до н.э. Весьма вероятно, что этот тип керамики живет в пережитках довольно долго и существовал в эпоху бронзы. Основная часть материала несомненно относится ко II-му тысячелетию до н.э. и принадлежит к т.н. андроновскому этапу развития бронзы. Памятники этого типа широко распространены от Енисея до Казахстанских степей включительно. Среди этой керамики может быть выделена сравнительно немногочисленная группа фрагментов, явно отличающаяся от только что описанной. Это фрагменты от тонкостенных более изящно профилированных сосудов. Видимо вся поверхность сосуда была до предела насыщена геометрическим орнаментом в виде ромбов, прямоугольников и зигзагов, который наносился накалыванием гребенкой или резьбой острой палочкой. Иногда поверхность сосуда украшена параллельными поясами ребристых выступов. Эти сосуды имеют прекрасное черное лощение, тесто ровного обжига. Сосуды этого типа находят себе ближайšie аналогии в памятниках т.н. карасукского типа развития бронзы, хорошо изученного археологами по находкам на Енисее. Этот комплекс датируется временем 1200—800 лет до н.э. В соответствии с этими двумя комплексами керамики расчленяются и находки бронзовых орудий. К первому андроновскому этапу мы относим грубые серповидные ножи с дыркой на одном конце, несущие на себе явные следы проковки. К этому же времени относятся и гладкие прямые ножи с тупой спинкой, где рукоять и лезвие ничем не отличаются друг от друга, причем, рукоять лишь затупленная (вернее, незаостренная) часть пластины ножа. Возможно, что к этому времени относятся четырехгранные в сечении шила, иногда с ажурной головкой, а также своеобразные топорики в виде лопатки размером 10x8 см. с втулкой диам. 2 см. Эти топорики-кельты имеют обычно одно отверстие около втулки, иногда несут на себе украшения (тамгы?) в виде крестиков или косых линий. Неясна

принадлежность к тому или иному этапу развития бронзы вислообушного топора, обух которого украшен тремя рядами косых насечек. Несомненно к карасукскому этапу относятся бронзовые изделия технически высокого литья. Прежде всего характерны ножи с обособленной рукоятью, отделенной от листовидного лезвия уступчиком, ножи слегка искривленные, т.е. как бы воспроизводящие форму карасукских коленчатых ножей. Особо интересен нож, верхняя часть рукоятки которого расплющена в кружок, что также напоминает собой монетовидные ножи чжоуского Китая или аналогичные ножи карасукского типа из Енисея. Вторую группу составляют листовидные симметричные наконечники копий со стержнем для насада и кинжаловидные пластины с тонким черенком. Быть может к этому времени относятся и пальставы (плоские боевые топоры), форма для отливки которых также была найдена на строительстве. Форма сделана из песчаника и состоит из двух половинок. Одна — более массивная, содержит в себе изложницы для двух пальставов с отверстиями для выпора металла. На ней имеются маленькие отверстия для крепления шпенок от замка формы. Вторая часть формы — плоская плитка, которая накладывалась сверху. Кроме отпечатков от литья, на крышке имеются такие же отверстия, куда входили шпенки замка формы. Памятники эпохи бронзы, собранные на трассе, весьма выразительны. Сопоставление их с предметами, изученными в других районах сопредельных с Киргизией, дадут много данных для восстановления древней истории Киргизии. Однако сейчас следует отметить одну характерную черту. Все находки на трассе локализуются в основном в районах, ныне заболоченных. Несомненно, что прежде это были небольшие озерные водоемы и небольшие речушки, берущие свое начало из родников («карасуки»). На небольших увалах, разделяющих карасуки, образовывались временные стоянки пастухов-скотоводов. Об интенсивном характере скотоводства говорит находка серпов, которыми накашивалось сено для скота. Озерные водоемы могли доставлять охотнику водоплавающую дичь и занятия для рыболова. На сезонность стоянок в этих местах указывает малочисленность находок в одном месте, отсутствие культурных слоев характерных для постоянных или долговременных жилищ. Видимо основные места стоянок находились ближе к горам. Возможно, что к этому этапу развития древних обществ Северной Киргизии относятся и отдельные находки каменных орудий. К таковым принадлежат: зернотерки, большинство которых связано с более поздними этапами развития общества, а также отдельные поделки из камня. Из последних отметим мотыгообразное орудие, подтреугольной формы, полированное с отверстием для насада на рукоять, молот полированный, с желобками и выемками на одном конце, удобными для привязывания, каменная поделка в виде круглого полированного камня с отверстием, служившего вероятно грузилом для сетей. Находки эпохи бронзы встречены были по всей трассе, однако, наибольшая их концентрация, (а главное керамика) была обнаружена главным образом на 11-12 стройучастках. В этих местах (к северу от п.п. Карабалты-Каинда) рельеф местности в древности более всего был удобен для сезонных перекочевок пастухов — скотоводов. Находки на трассе БЧК памятников эпохи бронзы показали повсеместность обитания человека этой эпохи в Северной Киргизии. Они дали нам право внести в археологию понятие о северо-киргизской бронзе и дать первую характеристику ее двух этапов. Северо-киргизская бронза выступает со своими локальными отличиями, характеризующимися архаическими чертами керамики, сосуществование полированных каменных орудий с бронзовыми орудиями, своеобразным типом кельтов и ножей и особенностями комплексного хозяйства (интенсивное скотоводство, охота и рыболовство). Хронологическое членение северо-киргизской бронзы мы склонны называть принятой в археологии терминологией (андроновский, карасукский этапы), ибо у нас нет еще данных для выделения на местном материале, изученном археологической методикой таких опорных комплектов (стоянки, могильники).

Находки памятников андроновской культуры, относящихся ко времени 1500—1000 лет тому назад, совершенно аналогичные памятники в районах Казахстана и Сибири, показывают, что древние племена Киргизии входили в какие-то связи с племенными союзами андроновцев, населявших в древности огромную территорию от Енисея до Аральского моря¹⁵⁸. Находки этих вещей в Киргизии показывают южную границу распространения этой культуры, до сих пор известной лишь по Казахстану. Обнаруженные памятники андроновской культуры говорят о древнейших культурных связях племен Киргизии с теми племенами, в среде которых развивались древние киргизы. Это не значит, конечно, что Сукулукский клад, Иссыккульские находки и находки на трассе Большого Чуйского канала достаточны для утверждения о единстве исторического развития племен Киргизии и Енисея. Как мы показали в гл. 1 в последующую за андроном стадию, карасукскую, наблюдается как раз оторванность культуры Енисея от западных областей¹⁵⁹. Памятники карасукского типа Центрального Казахстана и Киргизии отличны от Енисея¹⁶⁰. Более того, северокиргизская бронза имеет свои локальные черты. Видимо к памятникам переходного типа от бронзы к железу относится могильник под Алма-Атой, т.н. Каргалинский могильник¹⁶¹.

Он представляет собой цепочку курганов с насыпью из камней и земли, в виде сегмента шара, под которой на глубине свыше 2,5 метров находилось погребальное сооружение. Оно было сделано из хорошо отесанных каменных плит, поставленных на ребро, образующих узкий продолговатый ящик ориентированный на оси СВ-ЮЗ. В таком ящике находилось труположение покойника, лежащего на спине, с чрезвычайно бедным инвентарем. Так в одном погребении были: небольшой с круглым дном бомбовидный сосудик, в высокой лейке которого были проделаны два отверстия для продевания веревочки. Сосуд был сделан из хорошего теста и хорошо обожжен. Кроме сосуда рядом с покойным находился маленький листовидный бронзовый нож, бронзовое шило и обломок железного украшения в виде проколки с шляпкой. В других курганах каменный ящик делался из валунов, которыми обкладывались стенки и края могильной ямы. Этот тип погребения, относящийся к эпохе, переходной от бронзы к железу, находит себе аналогии и в погребениях Киргизии. В урочище Айритам, Таласской долины Кирг. ССР, было раскопано еще в 90-х годах XIX в. одно погребение скифского времени¹⁶². Оно заключено в могильной яме, обложенной валунами, ориентированной восток-запад труположение покойника. Рядом с ним были найдены бронзовый нож, железные пряжки и типично скифская керамика. По характеру устройства могильной ямы и предметам здесь найденным, захоронение весьма близко к типу погребений, раскопанных в Каргалинском курганнике. Для сакского времени весьма любопытно появление круглодонных, сферических сосудов со слегка выдающимся, но тупым носиком и небольшой петлеобразной ручкой, сосуды эти грубые, лепные без шаблона со следами вмятия, поверхность — сероватая, слегка затертая, излом керамики розовый, говорящий о сравнительно высокой температуре обжига. Для саков характерно еще существование еще бронзовых орудий — ножи и наконечники стрел о копий. Так в одном разрушенном погребении сакского времени (около Джиека) могильная яма которого была впущена в гравийную прослойку, под суглинком, рядом с костяком был раздавленный сосуд вышеописанного типа, остатки углей и бронзовый наконечник копья. Курганы саков, обычно с земляными, высокими (до 3-х метр.) насыпями. В районе Норуса были найдены заготовки плоских бронзовых стрел также этого типа. Стрелы выливались в форме, лентой, затем рассекались на части. Заготовки имеют вид заостренного овала, на который, видимо, напайвалась втулка с пером, так как никаких следов черенков эти стрелы не имеют. Из случайных находок следует отметить ажурную цурку на ременный узел сбруи; подобные находки известны с Иссык-Куля (Тюпский залив). Явно к культуре саков должна быть отнесена исключительно интересная бронзовая бляха, покрытая сложным барельефным орнаментом. Пряжка почти овальной

формы имеет размеры 7,5 см. на 5,5: Она представляет выпуклую, к наружи литую бронзовую бляху, слегка врезанную в верхней части. Ее закраину образует гладкая полка, заканчивающаяся наверху двумя головами хищников (барс или тигр), геральдически обращенных друг к другу. Окаймляющая пряжку полоса является как бы стилизованным изображением туловища общим для обоих голов. Размер голов 1,5 x 1,2. Центр пряжки заполняет геральдическое изображение пары львов, переданных здесь весьма рельефно и с большой экспрессией. Особенно выпукло переданы бедра львов. Хвосты у них загнуты к туловищу, идут до середины спинного хребта и лишь пушистые кончики хвостов подняты прямо вверх. Левая передняя лапа одного льва и правая другого приподняты кверху и опираются на стержень (?), проходящий между ними. Другие передние лапы упираются в расширяющееся основание этого стержня. Пасти львов открыты, хорошо сохранилась передача гривы, ушей, хвосты — глаз, головы львов подходят вплотную к нижним челюстям барсов. Максимальные размеры львов 2,5 x 2,5 см. Пространство между хвостами львов и бордюром пряжки заполнены также барельефным изображением, видимо, виноградного листа с отрезком лозы. Львы опираются на реалистическую вязь подобных листьев, образующих лозы с четырьмя листьями. В центре листья лозы разделены друг от друга непонятным барельефом в виде вертикального отрезка прямой, с расширяющимися концами и в свою очередь разделенными на три части. Описанная выше бляха была найдена на Сукулукском городище, вне современного ей культурного слоя. Дело в том, что она позднее была использована в качестве основы пряжки для пояса. В верхней части между головами барсов была грубо наклепана на двух шпеньках небольшая бронзовая пряжка (длина 2,7 см.) с овальной рамкой и подвижным язычком. Ниже ее была сделана не точно по центру прорезь (1,5 x 0,3 см.) для протягивания ремешка пояса. Судя по форме наклепанной пряжки «реконструкция» скифской бляхи была произведена не раньше VI в. н.э. Несомненно, что основной интерес представляет не переделка бляхи в пряжку, а ее скифская основа. Попутно отметим и дериват только что описанной бляхи возможно более позднего времени, найденную на Большом Чуйском канале, пикете 134. Она представляет ту же форму, лишь несколько иных размеров (6,5 x 5,5 см.). Бляха упрощенная, литая из бронзы с ажурным рисунком, кое где дополненная подрисовкой резцом. Композиция также геральдическая. Верхняя часть, являющаяся окончанием внешнего бордюра, представляет явную стилизацию лошадиных морд, в которых легко различимы контуры морды, уши и равно подрезанные челки. Середина бляхи представляет вертикально поставленный ствол с тремя рядами расходящихся в стороны отростков, причудливо переплетающихся, с линиями, идущими от закраины и быть может представляющих собой стилизованные изображения ног лошадей. По телу бляхи имеются круглые отверстия для нашивки. Ограниченность распространения памятников сакской культуры в открытых долинах все более убеждает о расселении саков в горных ущельях Тяньшаня, а затем они были вытеснены усунями и юечжами в район Памира. К вещам скифского времени относится также группа вещей случайного происхождения из Тюпского залива Иссык-Куля¹⁶³. Здесь, среди набора конской упряжи, обращают на себя внимание круглые бронзовые бляхи с изображением зверей. Антилопы, в характерной трактовке стремительного бега этого животного, и изображения львов. Большое количество вещей такого типа, найденное в других местностях, не оставляет сомнения в том, что вещи принадлежат к кругу памятников VII—IV вв. до н.э. и относятся к скифам-кочевникам. Представляют интерес и найденные здесь удила, свидетельствующие об использовании коня под всадничеством. К группе скифских вещей должны быть отнесены бронзовые жертвенники в виде столиков на низких ножках, светильники на прорезных ножках в виде срезанного конуса с круглой или четырехугольной площадкой наверху и большие бронзовые котлы, найденные в урочище Кырчин, на северном берегу Иссык-Куля¹⁶⁴. Часть этих предметов богато

украшена литыми фигурками зверей львиц и козлов, причем, на одном из светильников они изображены попарно (львы и козлы) в сценах борьбы. К группе этих вещей принадлежит, так же, и фигурка лежачего быка. Найденные вещи свидетельствуют о весьма высокой технике литья, но большую ценность эти вещи имеют не для изучения техники, а идеологии общества, оставившего эти памятники. Сцены борьбы зверей, имеющихся на этих памятниках, аналогичны большому кругу предметов так называемого сибирского звериного стиля. С другой стороны, тип жертвенников и в частности фигура лежачего быка не имеет себе аналогий в памятниках скифскосибирского круга. Более того, сочетание жертвенников с бронзовыми котлами является специфической особенностью Семиреченских находок. Эти комплексы представляют собой атрибуты зороастрийского культа, чем вызвана такая своеобразная форма столов и фигурка лежачего быка. Зороастризм к сакам мог проникнуть во время их войн с ахеменидскими войсками, во времена Кира I, Дария I и Ксеркса, а до образования персидской монархии саки вели войну с мидянами (см. ниже). Этот зороастризм, преломленный идеологическими представлениями кочевников, какими были саки, получает на их культурных предметах свое выражение в зверином пантеоне, вообще говоря не свойственном классическим памятникам ни Ахеменидского Ирана (VI—IV вв. до н.э.), ни более позднего Сасанидского (III—VIII вв. н.э.). Говоря о зороастризме саков, следует указать, что этот зороастризм не совпадает с теми представлениями о среднеазиатском и иранском зороастризме, которыми располагает современная наука. Несомненно, что у саков мы имеем дело с шаманистским культом, в котором не последнее место занимает культ огня и созданся соответствующий ритуал. Впоследствии, благодаря взаимоотношению саков с Средней Азией и даже Ираном обрядная сторона зороастрийцев повлияла на культовые обряды саков. Очевидно, что «зороастрийские» вещи саков следует рассматривать в этом плане. Зороастризм саков — это синкретизм сакского шаманизма и его культа огня с зороастрийскими обрядами племен Средней Азии и Ирана в середине I-го тысячелетия до н.э. Для того, чтобы познакомиться с культурой и общественным строем кочевых племен Киргизстана в VII—IV вв. до н.э. следует обратиться к письменным свидетельствам античных авторов, на основании которых можно составить впечатление хотя бы об отдельных характерных чертах саков. На более твердую почву вступает исследователь Киргизстана, когда он подходит к периоду с середины I тысячелетия до н.э., т.е. когда он сталкивается со сложением обществ ранних кочевников. Здесь встает проблема заселения Киргизстана, вернее, Тяньшаня и прилегающих к нему предгорий. Античные авторы упоминают для этого района, равным образом для этого времени, союз племен саков. К выяснению роли и значения саков в южном Семиречьи нам и надлежит сейчас обратиться. Литература о саках на много превышает количество древних авторов, которые говорят или только упоминают о саках. Уже в 70-х годах XIX века русский ученый В.В. Григорьев написал специальную монографию о саках¹⁶⁵, причем, его ссылки на литературу вопроса занимают весьма внушительное место в его работе. Достоинство монографии В. Григорьева заключается в том, что он исчерпал почти все сведения древних авторов известных науке того времени, от ахеменидских клинописей до китайских источников, касающихся сакской проблемы. Его выводы об этнической принадлежности саков, равно как и оценка политического и социального строя естественно устарели, а порой просто тенденциозны. За истекшие семьдесят лет литература о саках неуклонно нарастала при том же, почти неизменном состоянии источников. Лишь ахеменидская клинопись ввела еще некоторые данные, впрочем, мало помогающие делу. Сводкой, и с нашей точки зрения лучшей интерпретацией за пятьдесят лет после работы В.В. Григорьева, следует считать работу Hermann'a¹⁶⁶, а также работу Tarn'a, рассматривающего проблемы саков в связи с грекобактрийским завоеванием Средней Азии¹⁶⁷.

В частности, работа последнего представляет собою ценность, ибо она попыталась ввести в решение проблемы нумизматический материал, а также использовать, правда в качестве косвенных данных, многочисленные материалы по сакам, и, главным образом, по их языку, собранные в основном в XX веке экспедициями в Восточном Туркестане и Северной Индии. Решающие проблему археологические материалы слабо поступают в научный обиход и еще не сказали своего последнего слова. Блестящую критику письменных источников (античных) по сакам дал Yulius Yunge¹⁶⁸. Мы не собираемся давать специального обзора литературы по сакам, но для того, чтобы закончить нашу краткую библиографическую справку отметим имена Томсена и Франке, которые своими сопоставлениями данных античных и вообще западных источников с китайскими не мало способствовали выяснению настоящей проблемы¹⁶⁹. Если Ктесий и Геродот не дают определенных указаний о местоположении саков, то с эпохи Александровых историков Арриана и Квинта Курция, становится ясно, что саки жили к востоку от Согдианы и за Сыр-Дарьей. Последнее положение следует из ахеменидских текстов, если принимать во внимание перечисление народов в выспренных речах ахеменидских правителей, как строившиеся по определенному плану. Однако только Арриан и Квинт Курций, описывая поход Александра Македонского, дают неоспоримые доказательства тому, что саки жили за Сыр-Дарьей. Известно, что Александр со своим войском на плотах переправился через Сыр-Дарью и лично углубился в страну саков на 80 стадий, т.е. немного более 12 км., а его войска до поздней ночи преследовали саков. Однако это было наиболее глубинное проникновение античных войск в сторону саков, и оно вряд ли превышало 30—50 км. Ни Арриан, ни Квинт Курций, описывая этот поход, не упоминают, чтобы войска Александра столкнулись с селениями саков, разрушили их или осаждали. Это вызывает сомнения в том, что во всяком случае в тех местах, где Александр перешел Сыр-Дарью были постоянные места обитаний саков, всего вероятней, что здесь были лишь районы их кочевания, а коренные места жительства находились восточней Сыр-Дарьи. Впрочем этим не снимается вопрос о заселенности правобережья Сыр-Дарьи саками, как это уже достаточно ясно указал Tomaschek¹⁷⁰. Историки Александра уточнили, таким образом, местоположение саков, в частности, указания древних авторов о том, что понятие «за Согдианой», равнозначно понятию «за Сыр-Дарьей». С другой стороны, становится ясно, что последовательное перечисление народов древних источников, преследовало определенный порядок, т.е. с юго-запада на северо-восток. Для более поздней эпохи, например, с. Птоломея, а быть может и Страбона, т.е. когда связь с Китаем стала постоянной, это перечисление народов снова спускалось к юго-востоку (или югу). В таком случае саки оставались крайним северо-восточным углом этой линии перечисления народов. Но так как саки, напомним, жили за Яксартом, причем основные их кочевья были от Сыр-Дарьи на относительно значительном расстоянии, то центр их расположения попадает на северные отроги Тяньшаня. В самом деле — от саков путь шел к серам. Серы, как согласно говорят исследователи античных известий по этому вопросу, были обитателями Восточного Туркестана. Связь саков с серами могла осуществляться через горные перевалы. Но такие перевалы, удобные для регулярных торговых отношений исключены для Памирской части и наличествуют только в Восточном Тяньшане, где во все времена истории сохранялись торговые пути. Таковы перевалы Бедель, Музаарт и др. Исходя из этого (не уточняя дальнейшей локализации саков, к чему нам не дают права сведения античных авторов), следует признать, что Семиречье являлось центром распространения саков. Непосредственная их близость с серами Восточного Туркестана, а также сведения китайских источников о том, что усунь заняли места саков, заставляет помещать их скорей в южной части Семиречья, т.е. в основном на территории Киргизстана. К этому нас склоняет и ареал распространения памятников, которые мы приписываем сакам и о чем мы говорили выше — бронзовые котлы, украшенные фигурками животных и

жертвенники, также украшенные скульптурными изображениями животных. Если принимать эти данные, то можно еще несколько уточнить районы, которые занимали саки, т.е. включить в указанный выше район и территорию современной Алмаатинской области, ее горную и предгорную часть (отроги Заилийского и Джунгарского Алатау). Оставляя на время вопрос о расселении саков (к этому нам придется возвращаться еще неоднократно), перейдем к характеристике саков как общественного образования. Чем более древни сведения о саках, тем более общим и собирательным выступает их имя. Так Геродот уже отмечает, что «саки, скифское племя»¹⁷¹. Этим самым Геродот включал саков как часть массы кочевников-скифов, господствовавших во второй половине первого тысячелетия на территории от Алтая до Днепра. Добавление Геродота в том, что «саками называли собственно амюргийских скифов»¹⁷² позволяет думать, что Геродот здесь описывает ту часть саков, которая жила за Яксартом и которая, по определению А. Неггманна, населяла к рубежу н.э., главным образом, горный Тяньшань и Памир¹⁷³. Видимо эти саки, как следует из того же текста Геродота, были известны Ахеменидам. В клинописи ахеменидов саки упоминаются в числе покоренных народов, в частности, в надписях Накш-и-Рустемской, где они выступают как те же Геродотовские саки аморгийцы¹⁷⁴. В такой же связи указаны саки в надписях персепольской, Бехистунской и на западной доске из Хамадана¹⁷⁵. С нашей точки зрения, саки, упоминаемые в ахеменидской клинописи являются именно той частью саков, которые жили за Яксартом, т.е. саки аморгийские. Во-первых, потому, что эти саки, по свидетельству Геродота, были подчинены ахеменидам и входили в состав XV сатрапии¹⁷⁶, во-вторых, собственно эти саки, которые входили в состав армии ахеменидов, назывались аморгийскими саками. В том случае, когда эти саки упоминаются с более или менее точной локализацией, тогда они без определения «аморгийские». В-третьих, аморгийские саки довольно определенно описаны Геродотом, а именно, они «имели остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо, одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи, наконец, секиры-сагарии»¹⁷⁷. Однако с этим описанием вполне точно совпадает изображение сака в числе побежденных Дарием Гистаспом. Гинц доказал, что V столбец Бехистунской надписи говорит не о походе 513 г. против причерноморских саков, а против саков «тиграхуда» 518—517 гг.¹⁷⁸ Очевидно, что все основные упоминания саков в ахеменидских надписях относятся к сакам аморгийцам и только в том случае, когда следует их отличить от других, то появляются новые определения «саки тьяии тародарая (или парадарая)», «сака тиграхуда». О том, что «сака гаумаварга» равнозначно «саки аморгийские» это еще давно показал Опперт¹⁷⁹ и поддержано в последующее время Herzfeld'om и Julius Yunge¹⁸⁰. Описанные выше саки выступают главным образом как скотоводы. Таковы описания Хэрила «И саки, пастыри овечьи, скифского рода, но обитатели богатой пшеницею Азии, высланцы тех кочевых, что самые между людей справедливые»¹⁸¹. В согласии с Хэрилом находятся описания Геродота и изображение сака на Бехистунском рельефе. Однако уже данные письменных источников заставляют пересмотреть вопрос о саках как только о кочевниках. На это обратил внимание еще Г.В. Григорьев, который отметил такие факты, как указания античных авторов о том, что в ахеменидских войсках саки составляли не конницу, а пехоту¹⁸². Таковы факты об участии саков в качестве пехоты в армии у Геродота¹⁸³ в 490 г., Марафонском сражении, в битве при фермопилах 480 г.¹⁸⁴, факты о том, что саки жили в городах по левому берегу реки Яксарта¹⁸⁵. Конечно, сами по себе эти факты еще ничего не говорят. Тем более, что в 479 г. известно участие конницы в битве при Платеях. Принять в свою армию завоеванных саков в качестве конницы Ксеркс не мог, ибо тогда саки в любую минуту могли бы откочевать и это лишнее раз показывает, что завоеванный и покоренный кочевник должен быть лишен своего превосходства над земледельцем-всадничеством. То, что саки возмутились в городах по левому берегу Яксарта, это лишь

свидетельствует, что какая-то часть саков оседала вблизи земледельческих оазисов и вероятно незначительная, ибо не сохраняли бы древние авторы общей характеристики саков как кочевников. Значит ли отсюда, что сакам не была известна оседлость? Отнюдь нет. Но в этом вопросе решают не известия древних авторов, а археологические свидетельства. Раскопки Г. Григорьева Каунчи-Тепа и курганов с катакомбами сакского времени в Янгиюльском районе Ташкентского оазиса с несомненностью показали пастушеские формы хозяйства Яксартских саков¹⁸⁶. Это скорей всего «Хэрилские» обитатели «пшеничной» Азии, «овечьи пастухи». Возможно (и скорей всего из них) вербовалась пехота Ксеркса. Они ближе всего были к Согду и к фактическим границам завоеваний Дария. Только они, связанные с оседлостью, пастушеские скотоводы могли составлять XV сатрапию, ибо кочевники — скотоводы вряд ли могли быть настолько крепко покорены ахеменидами, чтобы вносить ежегодно 250 талантов дани. Они могли спокойно откочевать на восток и север и выйти из подчинений ахеменидам. Не случайно, что Александр более активно, видимо, развернувший войну против саков, так фактически и не смог заяксартских саков привести под свою власть. К утверждению о том, что саков надо делить на две группы, сообразно степени их оседлости приводит и другое положение. На территории верхнего Таласа в местности Айритама были раскопаны погребения VII—V вв. до н.э. (о них мы упоминали выше), т.е. относящиеся к сакам. Однако, в этих погребениях мы наблюдаем все те черты, которые характерны и для более поздних кочевников, населяющих эту территорию уже во II—I в. до н.э. Это типичные погребения кочевников, генетически развивающиеся в Чуйские погребения усуней III—I в. до н.э., кагуйские погребения на нижнем Таласе (Берккаринский могильник). Культура этих погребений отлична от Янгиюльских катакомб сакского времени, хорошо связанных с оседлыми поселениями типа Каунчи, обитатели которых кроме скотоводства знали и земледелие. Эти факты в сопоставлении с данными дальнейшей истории этих племен показывают, что в одном случае продолжает развиваться кочевое скотоводство, в другом — пастушеское скотоводство, соединенное с земледелием. Эти наблюдения над ареалами распространения памятников эпохи VII—IV вв. на территории, занятой в это время кочевниками саками, позволяют пока локализовать две группы саков, различных по своей экономике (и как мы покажем дальше и не только в экономике). Первую пастушескую группу саков мы условно называем «Прияксартские саки»¹⁸⁷, вторую кочевую группу «Северо-Тяньшаньские саки». Как будет показано ниже, вторая группа саков, населявшая Северный Киргизстан и юго-восточный угол Казахстана, до их исчезновения, сохраняли все время кочевой характер скотоводства, явилась основой возникновения кочевников рубежа н.э. известных уже науке под именами отложившимися в китайских источниках. Раскопки Г.В. Григорьева показали, что прияксартские саки были пастухами-скотоводами, имевшими более или менее устойчивое жилье. В хозяйстве яксартов были уже известны все основные виды домашних животных, но скотоводство не исключило еще широкого использования охоты, как подсобного промысла. Обработка продуктов скотоводства и охоты, резьба по кости, маховички для веретен и мн. др. достаточно убедительно об этом свидетельствует. В области идеологии имеются свидетельства о тотемистических представлениях, достаточно подтверждаемых археологическими находками. Отдельные роды яксартов заселяли укрепленные городища, воздвигаемые в непосредственной близости от рек на холмистых возвышенностях, каковыми является в частности Каунчи тепа. Эти поселения послужили основой для возникновения оседлых поселений земледельцев на Сыр-Дарье, времени рубежа и н.э. Группа прияксартских саков все более и более ассимилируется земледельцами, входит в состав Согдианы (понимаемой в широком смысле этого слова), которая еще с глубокой (до ахеменидской древности) получила от них свое географическое название. Термин «sak», судя по китайской

передаче, звучавший с узкогласным «saok», с суффиксом множественного числа «в», характерными для термина «soyd» 188

Переходя к вопросу о характеристике северотяньшаньских саков мы должны прежде всего указать, что в их истории, несмотря на скудность материала, явно прослеживаются два периода. Первый период захватывает собой отрезок времени от первых письменных известий (VI в.) о саках и может быть датирован даже раньше датированных письменных известий, т.е. с VII века (по аналогии с периодизациями сопредельных областей, в частности Алтаем) и тянется вплоть до конца походов Александра Македонского, т.е. до IV века. Он характеризуется известной самостоятельностью саков и преобладающей их ролью в Семиречьи. Он может быть назван собственно сакским периодом. С III века до н.э. по I в. н.э., т.е. до окончательной ликвидации роли саков в Семиречьи мы отмечаем II-й период в истории саков, ассимиляции их другими племенами. Поскольку этот период связан с господством, в конечном счете племен усуней, то мы считаем возможным называть этот период усуньским. Оба эти периода являются стадиями единого развития ранних кочевых обществ Семиречья. Письменные известия, касающиеся первого периода исчерпаны выше при рассмотрении вопроса о расселении саков. Эти источники представлены Геродотом, Ктесием, Полиэном и другими, более мелкими, по значению, сведениями, относящимся к сакам, — имеем в виду Ксенофонта и Эфера. К этой группе источников мы относим и более поздних авторов, но явно отражающих события этого времени, типа, напр., Арриана и Квинта Курция. Сюда же относится ахеменидская клинопись, выше нами отмеченная. Второй период начинается со Страбона, причем Страбон и Птоломей из античных авторов и китайские источники составляют основные данные для этого периода. Исключив из образца саков первого периода прияксартских саков, несомненно выделившихся по своему экономическому особому положению из всей массы саков, что следует из археологического материала, мы остановимся лишь на саках северотяньшаньских. Тот факт, что древние авторы резко не отличают оседлых и кочевых саков, характеризуя саков вообще как кочевников, а также то обстоятельство, что в свою очередь они даже объединяют саков со скифами, позволяют думать, что саки первого периода в культурном отношении к ним родственны, но не идентичны, кочевникам Евразии. Эта общность культуры отнюдь не является свидетельством единого этнического состава кочевых племен, а характеризует общую для них стадию и условия социально-экономического развития. К вопросам этнического различия мы вернемся ниже. В то же самое время, в этом сходном характере культуры, судя по археологическому материалу, — мы можем выделить большую связанность северотяньшаньских саков с восточными (Алтайскими) и северными (Сибирскими) кочевниками, чем с западными. Это положение прежде всего доказывается сходством звериных украшений на Иссык-Кульских жертвенниках и тюпских находок с алтайским и вообще южно-сибирским кругом памятников. Общественный строй саков находился на стадии разложения первобытного коммунизма, причем, сакский союз объединял ряд кочевых племен, возглавлявшихся вождями. Активную роль в жизни сакских племен играли женщины. Иногда они стояли в центре объединений и руководили войной саков. Так античные авторы упоминают о сакских царевнах Зарине и Спаретре. Эти пережитки материнского права свидетельствуют о том, что патриархальный род саков находился лишь на стадии своего утверждения. Сообщение о войнах саков с мидянами источниками не датировано. Возможно это относится к VI веку до н.э. В правление ахеменидского царя Кира был взят в плен «царь» саков Аморг¹⁸⁹, выреченный его женой Спаретрой, разбившей войска Кира. Позднее сам Аморг выступает вместе с Киром в 546 г. против Лидийского царя Креза и племен даев. При Дарии I был взят в плен предводитель саков Саук, и тогда же была образована XV сатрапия, куда входили саки. С этого времени саки принимают участие в походах Дария. Дальнейшая политическая история саков не

запечатлена письменными источниками. Сведения античных авторов о саках, нас интересующих, настолько скудны, что трудно составить себе точное впечатление об их истории. Мы уже указали выше, что нет никаких оснований считать, что в период ахеменидов и Александра, Тяньшаньские саки органически входили в состав этих двух империй. Однако это не исключает возможности проникновения к ним культурных влияний западного происхождения, причем, из этих влияний может быть отмечено влияние зороастризма, культовые обрядности которого были близки к миру идеологических шаманистских представлений номадов.

Автономность, которую сохранили саки, послужила причиной того, что в целом их культура развивалась скорее в более тесном контакте с восточными соседями, чем с западными¹⁹⁰. Лишь с эпохи грекобактров начинается движение западных правителей вглубь страны саков, причем, и здесь наука не располагает точными данными. Известным доказательством в пользу предположения В.Тарна о том, что в частности Эфтидем (III—II в. до н.э.) проник в глубь сакских владений, захватив своими походами Тяньшань, а быть может Восточный Туркестан и Монголию, может явиться то, что с этой поры встречаются явления культуры, принадлежащие грекобактрийскому кругу памятников¹⁹¹. Таковы находки в Северной Киргизии в Чуйской долине¹⁹²; грекобактрийское влияние в искусстве Восточного Туркестана, в тканях из гуннских погребений¹⁹³. Однако такого типа влияния, не обязательно связаны с «физическим» проникновением грекобактров. Быть может более доказательным является то обстоятельство, что античные авторы уже знают более подробно географию этих местностей и более осведомлены в названиях тех племен, которые населяют эти территории. К таковым можно отнести Страбона и особенно Птоломея. Однако, и последние не вносят существенных подробностей в топо и этнонимы. Существенное значение для нас имеют для этого времени лишь указания Птоломея о том, что горы «Аска-тагас» являются местом пребывания саков. По весьма правдоподобной догадке Berthelot под этим названием надо понимать хребты Каратау, Таласский и Терской¹⁹⁴. В самом слове Аскатагас мы видим сокращенное название. «Аска» вероятно перебой термина «сака», вторая часть тюркского слова таг — «гора» и греческое окончание «кас» «кос». Птоломей не дифференцирует в названиях сако-скифские племена, населяющие эту территорию, но указывает их непосредственными соседями, как восточную часть скифов — скифских исседонов, противопоставляя им другую группу исседонов серских или восточно-туркестанских¹⁹⁵. Среди других названий племен у Птоломея обращают на себя внимание названия саков «Каратай», в котором не трудно усмотреть этноним каратарских саков, живших по отрогам гор Каратау. Характерно, что у групп саков, которые населяют Северный Тяньшань, проскальзывают тюркские слова, что дает возможность отделить их от восточно-туркестанских саков, язык которых стал разъясняться в последующее время и отнюдь не принадлежит к группе тюркских языков¹⁹⁶. Нельзя из этого делать выводы, что все саки были тюркоязычны. Ведь в изученных сакских документах Восточного Туркестана мы также имеем целый ряд диалектов. Выше мы отметили, что непосредственным соседом северотяньшаньских саков являлись исседоны. Античные авторы не сообщают подробностей об этих племенах¹⁹⁷. Нам кажется, что именно в этих исседонах и заключена разгадка смены саков другими племенами. Это завоевание в традиционных представлениях известно как завоевание сакской северной Киргизии усунями. Китайцы знают термин сак. Судя по тому, что китайцы называли обитателей Северной Киргизии термином сак (сэ, сэн), становится ясно, что этноним сак является собственным племенным термином номадов, а не принесен с запада. Предположение о том, что их так окрестили персы — отпадает¹⁹⁸. Однако, чем ближе к рубежу н. эры, этот термин все более и более исчезает и на его место выступает новый этноним в китайской транскрипции — усунь. Происходит как бы смена одного общества другим: сакское общество сменяется усуньским, вторгнувшимся,

по версии китайских источников, из Восточного Туркестана, где усунь были разбиты гуннскими полководцами Модэ, а затем Лаошанем. Однако, почему ни античные источники, ни археологический материал, не говорят об этой катастрофе? Птоломей и Страбон, характеризуя саков, не говорят о вторжении усуней из Восточного Туркестана. Археологический материал показывает общую линию развития кочевников от саков к усуням. Лишь в одном случае китайские источники говорят о племенах сэ-саков, якобы вытесненных усунями и удалившихся через Висячий проход на Памир¹⁹⁹. Встает вопрос, если усунь проникли из Восточного Туркестана и в течение трех столетий господствовали на территории Северного Притяньшанья, неужели они не изменили бы характер сакской культуры, тем более, что они вышли из мест, где характер культуры был совсем иной? Естественно, что в археологическом материале эти изменения были бы прослежены. Таких изменений мы не наблюдаем, очевидно, процесс этот протекал несколько иначе. Ответом на этот вопрос является следующее. Поскольку между сакским и усуньским периодом в археологическом материале нет принципиальных различий, поскольку памятники второго периода являются логическим продолжением и развитием культуры первого периода, постольку мы склонны рассматривать усуньский период как этап господства над номадами нового племени из той-же сакской среды, распространившим свой этноним на всю массу номадов Северного Притяньшанья. Таким племенем являлись скифские исседоны. В самых терминах «усунь» и «исседон» наблюдается фонетическое сходство. Далее мы уже указали, что исседоны состояли из двух групп скифских и восточно-туркестанских. В связи с господством первых скифских исседонов, возможно была объединена с ними и вторая группа — серских исседонов, особенно в связи с поражением серских исседонов гуннами. Это соединение исседонских (усуньских) племен, из которых первые определенно являлись частью сакских племен и образовался новый племенной союз-усуньский. Вот почему античные авторы не отметили этого процесса, потому что для них этот процесс явился лишь перемещением внутри саков господствующих племен и не был связан с представлением о вытеснении одного племени другим, да еще таким далеким от этих мест, как это рисуют китайцы. Вот почему археологический материал не отразил (фактически и не могущих быть) принципиальных изменений в культурном развитии северного Притяньшанья. VIII—IV вв. и III в. до н.э. — I в. н.э. Присоединение части восточно-туркестанских усуней — исседонов к скифским исседонам китайцы рассматривали как всеобъясняющую причину процесса образования усуньского племенного союза, в то время, как это было лишь маленьким эпизодом в формировании усуньского племенного союза. Птоломеевские указания о двух группах исседонов, в сочетании с наблюдениями над археологическим материалом, с нашей точки зрения, решают вопрос об истории возникновения усуней. Вот почему выше мы указали, что история саков может быть разбита на два периода, причем, второй период должен быть назван усуньским. Дело не только в названиях. История номадов Северного Притяньшанья во второй период есть вместе с тем принципиальное изменение и в структуре самого кочевого общества и в их международных взаимоотношениях. С этого времени начинается окончательное крушение старых порядков родового строя и усуньский племенной союз знаменует собой формирование нового типа военной демократии и рабовладельческих отношений на территории Северного Притяньшанья, непосредственно выросших из старой сакской среды. Саки, так же как и усунь, были господствующими племенами на Тяньшане. Кроме них, Страбон упоминает племена асси, пасианы, тохары и сакараулов, а Трог Помпей говорит о пассианах, тохарах и сакарауках²⁰⁰. Несомненно, что Трог Помпей свои сведения заимствует у Страбона и по сравнению с первым сокращает количество названий (три вместо четырех). Эти племена и составили ту живую силу, которая под давлением юечжей обрушилась на государство грекобактров. Сокращение термина пасианы в тексте Трга по видимому не случайно. Дело в том, что в этнониме пасси мы

видим тот же термин асси, видимо данный в придыхательной форме. Разновидностью термина асси ряд ученых указывал племена «арси»²⁰¹. Видимо все три формы пассива-арси-асси варианты одного и того же этнонима, а исходная усеченная форма давно уже была сопоставлена с усунями²⁰². Не исключена возможность, что наряду с саками были разнообразные племена, этнонимы которых восходили к основе «ус», «ис», «ас», которые у разных авторов даны в разных редакциях, восходящих к трем основным вариантам усунь-исседон-асси. Сакарауки часть племен саков. Они были еще Франке сопоставлены с племенами Сайвана и обычно помещались на берегах Иссык-Куля²⁰³. Упомянутые выше походы саков в Среднюю Азию и разгром Грекобактрии, не что иное, как появление больших юечжей, которые в 180-170 г. вторгнулись на Тяньшань из Восточного Туркестана и увлекли на запад саков. О всех этих племенах наука не располагает сколько нибудь подробными данными, за исключением исседонов. По Геродоту, который, повторяем, заимствовал свои данные об исседонах у Аристеев²⁰⁴, об исседонах мы знаем следующее: «земля к востоку от лысых (мифические племена южного Урала АБ) населена исседонами, тогда как ничего неизвестно о землях к северу от лысых и от исседонов, разве только то, что сами они говорят об этих землях. Рассказывают, что у исседонов существуют следующие обычаи: если у кого умрет отец, все родственники пригоняют скот, приносят в жертву животных, разрезают мясо на куски вместе с покойным родителем хозяина, все мясо мешают вместе и устраивают пиршество. Голову покойника обнажают от волос, вычищают ее внутри и покрывают золотом, потом пользуются ею как священным сосудом при совершении торжественных годовичных жертвоприношений. Празднество устраивает у них сын в честь отца, как у эллинов праздник поминания покойников. Вообще же этот народ считается справедливым. Женщины у них пользуются одинаковым положением с мужчинами. Таким образом, этот народ известен еще, а выше его, по рассказам исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов исседонов повторяют это скифы, а от скифов знаем мы, почему и называем их по скифски аримаспами: словом, арима скифы называют «один», а «оспу» значит на их языке «глаз»²⁰⁵. Не трудно видеть из этого описания, что знания Аристеев об исседонах более реальные, чем об аримаспах и золото стерегущих грифах. Однако и в последних названиях чувствуются отзвуки реальной основы. Речь идет видимо о кочевниках Алтая, откуда в скифский мир шло золото. Слова Геродота «конная рать аримаспов» свидетельствует о том, что они были кочевниками. Но если все же об алтайских племенах сведения весьма фантастичны, то об исседонах у греков были более конкретные знания и от фантастических грифов и аримаспов они жили к югу, т.е. на территории Семиречья. Исседоны-кочевники, что следует из Аристеевского описания. Высокое положение женщины говорит о сильных еще пережитках материнского строя (ведь сведения относятся ко времени не позже VI в. до н.э.). Обычай делать сосуды для питья из черепа известен для кочевников Центральной Азии, например, для гуннов. Так Лаошан Шаньюй, убив юечжийского вождя, из его черепа сделал чашу для питья²⁰⁶. Древние усунь, как говорят китайские источники, были под властью у гуннов и возможно от усуней-исседонов гунны переняли этот обычай, распространенный вообще среди скифских племен раньше, чем у гуннов. Связь исседонов Семиречья с сибирско-алтайскими племенами, документируется и вещественными памятниками, которые для этой поры имеют много общих черт, особенно в предметах украшения. Имеем в виду звериные изображения, типы серег из золотой проволоки и мн. другое. Впрочем эти вопросы будут разобраны в следующей главе.

Примечания

145 А.Окладников, Мустьерская стоянка в гроте Тешик Таш в Узбекистане, КС, № 2, см. более полное описание в изданиях Уз. ФАН.

- 146 А.Окладников, Амир Темир, новый памятник каменного века в горах Байсун Тау, КС, № 6.
 147 Г.Григорьев в КС, № 8
 148 Сосновский, О поисках палеолита в Казахстане, Известия Каз.ФАН, № 2.
 149 Сб. Палеолит и неолит. Издание ИИМК АН СССР.
 150 Об этом сообщает А.Тереножкин в ж. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 5-6, 1935 г.
 151 Нам известен неопубликованный материал из Бетпак Дала, например, наконечник дротика или копья удлиненной формы, сплошь покрытой фасетками от сколов и с боковым выемом — черенком.
 152 Материалы не опубликованы и находятся в музейных хранилищах, главным образом, в г.Алма-Ата. Богатая коллекция с левого берега Иртыша, собранная Н.А.Чеканинским, хранится в историко-археологическом отделе Киргизского Государственного Музея в г.Фрунзе. Типологически находки по Иртышу, в районе Семипалатинска, идентичны с типами орудий, находимых в вышеперечисленных районах.
 153 Воспроизведения хранятся в Архиве ИИМК.
 154 Б.Зимма. Сукулукский клад (печ.)
 155 Место находки было обследовано нами в 1940 г. См. Бернштам А., Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 20.
 156 Об этом упоминает также М.Грязнов, Казахстанский очаг бронзовой культуры.
 157 Большинство перечисленных вещей хранится в Музее Краеведения в г.Фрунзе. Находки из Верхнего Таласа — в Ташкенте.
 158 Ср. вышецитированную работу М.Грязнова. Для установления сходства находок на территории Киргизии с Енисейскими памятниками достаточно сравнить их с изображениями бронзовых вещей, напр., в работе Клеменца-Древности Минусинского Музея.
 159 О связях Карасука и более поздних культур с Северным Китаем, ср. например, кроме работ указанных в гл. 1 работы Arne, Andersson'a и др.
 160 Кроме упомянутого погребения на р. Нуре, ср. также раскопки О.Граковой в Северном Казахстане.
 161 Раскопан нами во время экспедиции КФАН и ИИМК 1940 г.
 162 Heikel. Altert-mer aus der Tale des Talas in Turkishan Travaux Etnograbiques. Helsinki VII, 1918 г., табл П.
 163 Воспроизведения этих вещей имеются в Архиве ИИМК. Вещи хранятся в Гос. Ист. Музее в г. Москва.
 164 Б.Зимма, Иссык-Кульские жертвенники, Фрунзе, 1941 г. Вещи хранятся в Гос. эрмитаже.
 165 В.Григорьев, О скифском народе саках, СПб, 1871 г.
 166 Hermann. Sakai. Paulys Real - Encyclop-die der Classischen alter-tums -Wissenschaft, т. I a, 1770.
 167 W.Tarn. The Greeks in Bactria and Yndia. Cambridge af the University Press. 1938. См. рецензию С.Толстова в ВДИ, 3—4, 1940.
 168 Saka-Studien. Der ferne Nardasten in Welfbild der Antike, «Klio», Beiheft XVI (Nene Folge, H. 28), Zeipzig, 1939. Ср. рецензию С.Волина в ВДИ, 1, 1941 г.
 169 Tomaschek. Zentralasiatische Studien: Sogdiana, Wien, 1877. Franke O. Beitr-ge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der T+rkvLlker und Skythen Zentralasiens. Abhandlungen d. PAW, 104 Auhang.
 170 Thomaschek, ук. соч. стр. 120; Herrmann. P.W. 1786 и сл.
 171 Геродот, VII, 64
 172 Там же.
 173 Herrmann, Sakai, PW 1795. Herrmann указывает, что они доходили с одной стороны до Сырыкола, с другой -до Аму-Дарьи.
 174 См. E.Herzfeld. Alt persischen Ynschriften. Berlin, 1938 г. стр. 34. Надпись Кеоркса из Персеполиса № 14, строчка III.
 175 Herzfeld, ук. соч., стр. 19. Первое сообщение на русском языке см. А.Семенов, Бюллетень САГУ, вып. 17, Ташкент, 1925 г., стр. 59 и сл.
 176 Геродот, III, 93. Ср. последнюю надпись из Персаполя публикация ВДИ, 2, 1940 г., стр. 169.
 177, 178 W.Hinz. ZDMY 93, 1939. Ср. рецензию Снегирева в ВДИ.
 179 XDMY XI, 135.
 180 Yulius Yunge отождествляет их с сака хаумаварга ср. его Saka Studien.
 181 Страбон, VII, 3.
 182 Г.В.Григорьев, Келесская степь в археологическом отношении (домусульманский период), Известия, КФАН, № 2.
 183 Геродат, VII, 96.
 184 Геродат, VII, 184
 185 Арриан, кн. IV.
 186 Мы несколько расходимся с датировками Каунчи Тепа, данными Г.В.Григорьевым в его работах (Отчеты о раскопках в Ташкентском оазисе см. в изданиях Узкомстариса и Уз. ФАН Каунчи Тепа

1 видимо не старше V-IV века до н.э. Не согласны мы и с критикой А.Тереножкина который слишком омолаживает Каунчи (Ср. Известия УзФАН № 6, 1940 г.). Вообще вопрос о датировке памятника Ташкентского оазиса заслуживает особого рассмотрения.

187 Характерно, что Птоломей прямо называет часть скифов «Яксартами», «близ реки того же названия». География, VI, 14.

188 Н.Мэпп. Топонимика Средней Азии (рукоп.) Архив ак. Н.Я. Марра в ИИМК⁷е.
189 Имя Аморг связано с письменным названием «саки аморгийские».

190 Укажем, например, что жертвенники найдут себе аналогии в китайских предметах типа «фу», а котлы на трех ножках с китайскими же котлами «дин». Ср. В.Karlgren. Zin and Chon in Chinese Branzes. The Museum of Eastern Antiquitis. Bull. VIII. табл. XXV.

191 W.Tarn. The Greek in Vactria and Yndia. Этой же точки зрения придерживается К.Тревер, Памятники грекобактрийского искусства. Гос. Эрмитаж, 1940 г.

192 М.Воеводский и М.Грязнов. Усуньские могильники на территории Кирг. ССР, ВДИ, 2,3. Ср. рецензию А.Тереножкина в известиях Уз ФАН, № 2, 1941 г.

193 Ср. G.Boroffka. Griechische Stickereien aus der Mongolei, Antike III; К.Тревер. Памятники грекобактрийского искусства, Л. 1940.

194 Berthelot. Z'Asie Ancienne Centrall et Sud — Orientale d'apres Ptolomee, Paris 1930 г., стр. 199.

195 Литературу вопроса и разъяснение вопроса об исседонах см. в нашей статье «Исседоны-усуни» (рукоп.)

196 Запутанному вопросу о характере языков Древнего Восточного Туркестана посвящена огромная литература вопроса. См. краткий обзор этой литературы на русском языке в обстоятельной статье И.Умякова «Тохарская проблема», ВДИ, 3-4 1940.

197 Первые реальные сообщения об исседонах вероятно VI века и несходят к «Аримаспи» Аристея Проконийского. См. Ynlius Ynge Saka Studien.

198 Herrmann. Yssedoi, PW т. IX, стр. 2235

199 См. напр. O.Franke ук. соч., стр. 46.

200 Последнюю сводку о всех этих вопросах см. G.Haloun. Zureti. ZDMG 9A, ч. 2 1939 г. См. рецензию Умякова в ВДИ 3-4, 1940 г.

201 P.Pelliot. Y AccXXIV (1934), стр. 25, 29-31. Термин ursi еще W. Thomsen сопоставлял с тюркским термином -rsin см. ZDMG 78, 1924, стр. 114).

202 Kingsmill T. The Yntercovrse of China with Eastern Turkestan and the Adjacent countries in the second Century YRAS. New series т. XIV. 1882.

203 См. литературу вопроса G.Haloun. Zur +e tzi Frage ZDMG 91, ч. 2 Zeipzig 1939 г., стр. 251 и сл.

204 См. A.Herrmann, Yssedoi, PW, т. IX, стр. 2235; Yulius Yunge. Saka Studien.

205 Геродот, История, IV, 25-27.

206 Цзянь Ханьшу, Гл. 94 л. 6; Бичурин, ч. 1, стр. 78

Глава VII.

Усуни и царство Давань III в.до н.э. – V в.н.э.

В предшествующей главе мы пытались показать, что возникновение усуньского племенного союза есть автохтонный процесс развития кочевых сакских племен, вызванный разложением родового строя. Политическому возвышению усуней способствовало также то обстоятельство, что часть сакских племен ушла с Тянь-Шаня и в союзе с другими племенами обрушилась на грекобактрийское царство в 140 г. до н.э. 1. По китайским сообщениям усуня ранее находились под властью гуннов 2. Как мы уже показали выше, речь может идти лишь о части усуней — серских исседонах. О территории, которую усуня занимали в III—II веках до н.э. китайцы пишут, что она принадлежала народу «Сэ» 3. Китайский термин СЭ является транскрипцией этнонима «сак» 4. «Большой юечжи — говорит китайская летопись на западе разбил и выгнал сакского владетеля. Сакский владетель перешел на юг за Висячий проход (через Гиндукуш — АБ); большой юечжи удалился на запад и покорил Дася, (Грекобактрию): усуньский гуньмо остался на его землях, поэтому между усуньцами находятся части саков и юечжей» 5. Этот отрывок весьма богат содержанием. Речь идет о том, что саки, разбитые кушанами — юечжами, частью ушли с Тянь-Шаня, частью здесь остались. Из западных источников, лучше осведомленных о Средней Азии того периода, когда здесь еще не было китайцев, мы знаем, что в числе кочевого ополчения, идущего под эгидой

кушан, были саки. Если бы последние представлены были в незначительном количестве, то вряд ли это бы отметили античные авторы 6. Очевидно, что этого просто не знали китайцы. Выражение «усуни здесь остались», говорит о том, что они не принимали участия в походе на запад, что соответствует действительности. Остатки саков и юечжей растворились в массе усуней, первые видимо на Тяньшане, а вторые — на югозападе, в районе Ферганы. Новая трактовка Толстова, о связи юеджей с массагетами еще больше нас убеждает в том, что юеджи были южнее саков⁷. В V в. до н.э., когда их описывает Геродот, они жили западней саков и Яксарт был их границей на востоке⁸. Когда юеджи-массагетские племена образовали Кушанскую империю, они естественно из степей Казахстана двинулись на оседлые оазисы на юг и в этом порыве увлекли с собой западную ветвь саков. Частью юеджи задержались в Фергане, где с ними связано образование царства Давань⁹. Характерно, что памятников ранне-кушанского типа почти не найдено на территории Киргизии и крайней на востоке (в Средней Азии) границей распространения кушанского типа вещей является та же Фергана¹⁰. Исседоны-усуни, жившие на востоке сакского союза, в связи с этими обстоятельствами, распространили свою власть к западу и страна вся стала известна под именем усунь. На западных границах естественно временно были включены в состав усуньского племенного союза и юеджи и племена Ташкентского оазиса так, например, в Фергане и под Ташкентом в последние годы была обнаружена культура усуньского типа¹¹. В этом положении о развитии усуньского союза убеждают нас не только соображения, основанные на скудных данных письменных источников, но и археологический материал. Последний не только не имеет сходства с Восточно-Туркестанскими памятниками этого времени, но наоборот, весьма аналогичен кругу степных памятников сопредельных стран, за исключением оседлых культур Восточного Туркестана¹². Усуньская культура обнаруживает ряд черт, сходных с культурой Алтая, Минусинского края, не говоря уже о Казахстане. Страна усуней на востоке была смежна с гуннами, на северо-западе — с племенами кангюй, на западе — с Даванью, на юге — с разными оседлыми владениями Восточного Туркестана¹³. Племена кангюй доходили до Таласа и Сыр-Дарьи¹⁴. Давань соответствует Фергане, владения гуннов подходили к Джунгарии, а южные оседлые владения — это общества, жившие к югу от Тянь-Шаня в Восточном Туркестане. Северная граница усуней не была известна китайцам, видимо потому, что она далеко простиралась на север. Археологическое исследование Семиречья показало, что граница усуньских погребений проходит в районе Джунгарского Алатау¹⁵. Ставка усуней была на Иссык-Куле, и ее название было известно китайцам, которые называли столицу усуней Чи-Гу¹⁶. По описаниям китайских источников и археологическому материалу можно представить характер социального строя и экономики усуней. Это был обширный союз кочевых племен. Китайцы указывают, что усуни имели 120.000 кибиток, в которых жило 630.000 человек. Одного войска усуни могли выставить 183.000 чел.¹⁷ Усуни были среднего роста, светлой окраски кожи, с голубыми глазами и рыжими волосами¹⁸. Их расовый тип антропологи определяют, как памироферганский, т.е. характерный для значительного количества народов этого времени.¹⁹ Эта расовая близость ряда племен Средней Азии, дает возможность еще раз утверждать о принадлежности их к части обширного сакского союза, во всяком случае к племенам среднеазиатского происхождения. Стремясь охарактеризовать занятие усуней как скотоводов, китайские авторы употребляют обычный для такого случая трафарет описания: «Не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обычаях одинаковы с гуннами»²⁰. Последние же описаны китайцами как типичные кочевники. Кочевнический образ жизни усуней засвидетельствован и другими данными. «В их владении много лошадей и богатые содержат их от 4.000 до 5.000 голов»²¹. Китайская царица, описывая свою жизнь во владениях усуней, говорит, что «усуньский

царь живет в круглой хижине, обтянутой войлоками, питается мясом и пьет молоко» 22. В даях, которые отправляли усунь китайскому императору, фигурирует главным образом скот (лошади, верблюды, бараны). Кочевой характер образа жизни усуней подтверждает и археологический материал 23. В могилах усуней обнаружены кости барана, мясо которого клали в могилу с покойным. Посуда представлена шаровидными сосудами кочевнического типа. При костяках находят предметы конской упряжи. Характерно и расположение могильников, не только в долинах, где возможно было и земледелие, но и в горных пастбищах, джайляу. Скотоводство усуней было, по всей вероятности, кочевым 24, с сезонными перекочевками, о чем говорит география усуньских памятников. В местах зимовок основывались могильники усуней, достигающие здесь весьма значительных размеров. Зимовка располагалась около горных ущелий под горами, т.е. там, где она могла быть обеспечена водой и защитой от ветров. В горах или местностях, неудобных для долговременного прибывания, обнаруживаются небольшие курганчики, или даже единичные курганы, свидетельствующие о кратковременном здесь пребывании усуней. Скотоводство составляло основу производства усуней. Наличие земледелия у усуней до сих пор не является окончательно доказанным. Можно лишь говорить об известной оседлости усуней, хотя бы на зимовках. Об этом свидетельствует, например, умение усуней делать срубы (накаты в могилах). В известной мере на оседлость усуней указывает и гончарство. В одной могиле была найдена шелуха зерен, прилипших к сосуду и жернов. Правда, все это еще не свидетельствует определенно о земледелии усуней, — так, до сих пор не известны орудия земледельческого труда. Зерна они могли получить из Китая и лишь размалывать их на жерновах. Все же характер кочевков усуней при наличии более или менее продолжительного пребывания на зимовках, способствовавшего развитию гончарства, мог служить и развитию земледелия, первоначально родившегося из заготовки фуража для скота. Земледельческим навыкам могли обучить усуней и китайцы, приезжавшие к ним особенно в большом количестве со свитой китайских царевен, вышедших замуж за усуньских повелителей. Китайцы видимо существенно способствовали и развитию техники ремесла усуней. Усунь выделывали изделия из глины сравнительно хорошего качества, хотя и в примитивной лепной технике. Поверхность сосудов ложила красным ангобом, а иные расписывались также красной краской²⁵. Сосуды весьма однообразны по форме и в основном представлены либо открытыми чашами, либо кувшинообразными формами, со слегка сужающимся горлом. Определенного прогресса усунь достигли в выделке шерстяной ткани. Отпечатки ткани, сохранившиеся на внутренних стенках сосудов (ткань употреблялась при лепке таких сосудов), показывают, что усунь делали два типа шерстяных тканей — более толстые и более тонкие. Значительное место занимало изготовление украшений из золота в виде вырезанных пластинок из листового золота, а также штампованных бляшек. Часть этих бляшек имеет грекобактрийские сюжеты (Сатир, Силен). Бляшки сделаны, видимо, усунями, но на штампах, привезенных издалека. Среди находок в усуньских могилах были, обнаружены и вещи китайского происхождения — обрывки тканей и красного лака, свидетельствующие о торговых связях кочевников усуней и Китая. Вопросы социального строя усуней труднее поддаются анализу ввиду своеобразия сведений о них. Имущественная дифференциация усуней достаточно ярко показана разнообразными типами захоронений. Огромные — намогильные насыпи ряда курганов с богатым инвентарем и золотыми предметами, с одной стороны, и бедные захоронения под скромными курганными насыпями, с другой, наглядно демонстрируют эту имущественную дифференциацию. Курганы усуней расположены компактными группами, вытянутыми в цепочку, причем большие курганы родовой знати обычно стоят отдельными цепочками. Расположение курганов наглядно показывает систему фамильных и родовых кладбищ. Большие курганы часто бывают окружены серией

малых, едва заметных на поверхности. Очевидно, что здесь мы имеем дело с родовым кладбищем, состоящим как из погребений знати, так и рядовых членов кочевой общины. В ряде случаев можно отметить бедные могильники, вероятно, принадлежащие какому-либо бедному роду. Таким образом, по памятникам материальной культуры можно наблюдать, — как внутриродовую, так и межродовую дифференциацию.

Имущественную дифференциацию усуней подтверждают и сообщения китайского источника, когда он говорит, что «богатые содержат их (лошадей) от 4.000—5.000 голов» 26. Система расположения могильников говорит о закреплении определенных участков территории за отдельными родами, наблюдения над распространением больших усуньских курганов, четко отграничивают ряд территорий, находящихся во владении отдельных знатных родов. Таковы Алма-Атинская группа курганов, Беловодская, Бурагинская, Чонкеминская, Северо-иссыкульская, Южно-иссыкульская, Кочкорская. Все эти крупные районы несомненно принадлежали отдельным племенам усуней. Кроме того, имеется еще ряд территорий видимо, аналогичного порядка, но могильники в них совершенно не исследованы. Закрепление территорий за отдельными племенами и знатными родами усуней документируется следующим местом китайской летописи. Они говорят, что Китай отправил наместником в город Чигу с отрядами военных посланцев китайского полководца Чжан-ло-хэу Хой, который разделил земли между кочевниками и назначил «межи земли» 27, а по другому поводу читаем, что усуньский владыка Цыжими «объявил, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах» 28. Из приведенных выше фактов о разнообразном имущественном положении некоторых кочевников уже следует, что в связи с разным количеством скота, богатые кочевники фактически становились более крупными собственниками территорий. Борьба за эти территории — пастбища, необходимость охраны стад, делает необходимой военную организацию кочевников. Освоение лошади под верховую езду и наличие совершенного оружия всадника — железный меч, сложный лук с костяными обкладками, легкая, вооруженная железным наконечником стрела, седло, правда, еще без стремени, делает весьма сильной и боеспособной усуньскую конницу, которая неоднократно выступает с успехом в военных походах. Борьба за пастбища вызывает междоусобицы и межродовые войны. Развитие обмена, особенно с Китаем, приводит к неравномерному накоплению богатства в руках отдельных представителей кочевой знати. Все это разрушает родовую организацию и вызывает к жизни необходимость создания новой организации племен. В усуньском обществе мы еще видим попытку создания военно-демократического государства на основе родового строя, столь характерного на этапах разложения рода. Верховный правитель усуней назывался гуньмо или гуньми 29, который выбирался, но выборные гуньми стремились к узурпации родовой власти и часто передавали свою власть по наследству. Решающее значение имели «выборы» этих наследников со стороны старейшин, причем, в выборах еще большую роль играло достоинство выбираемого как военного вождя. Весьма характерна фраза источника, которая сообщает, что «Средний сын (гуньмо – АБ) Далу по телесной силе мог быть предводителем» 30. Такие воины, способные к предводительству, имели вокруг себя дружины, с которыми они отправлялись в походы. Косвенным доказательством существования у усуней родовых отношений, наряду с начавшейся классовой дифференциацией, является институт левирата, который во всяком случае имел место в правящих родах по отношению к китайской царевне. Когда умирал ее первый муж, то она переходила к наследнику престола. Так, например, «Гуньмо будучи стар, хотел выдать царевну за внука своего Сэньцзу. Царевна не послушала его и представила об этом двору. Сын неба в ответ советовал ей сообразоваться с обычаями народа» 31. Война занимала значительное место в жизни усуней. В походах на окружающие народы они добывали себе рабов, скот, захватывали сокровища. Война, будучи источником военнопленных, определяла в значительной степени пути развития

социального строя усуней. Она требовала и укрепления системы военной организации усуней. Эти обстоятельства при учете классовой дифференциации усуней на основе имущественного неравенства, позволяют познать возможные пути развития усуньского общества в сторону создания у них примитивных форм рабовладельческого строя. Однако целый ряд конкретно-исторических условий несколько изменил этот процесс. Но прежде, чем перейти к вопросу, к чему пришло усуньское общество и что создалось на его развалинах, обратимся к политической истории усуней, в которой можно будет проследить конкретно-исторические события военно-демократического строя усуней. Усуньский племенной союз явился, таким образом, закономерным продолжением развития предшествующего сакского племенного союза. Фактически знакомство китайцев с политической историей усуней начинается не раньше середины II века до н.э., ибо первый гуньмо, который стал известен им, это тот гуньмо, которого застал еще Чжан Цянь, прибывший к усуням не раньше 136 г. до н.э. 32 От Чжан Цяня исходит указание, что усунь и большие юечжи кочевали около Дунь-хуана, т.е. у Великой Китайской стены в Восточном Туркестане. Восточно-Туркестанскую версию происхождения усуней и юечжей мы выше разбирали. Очевидно, что отмеченные Чжан Цянем передвижения усуней и юечжей связаны с формированием кушанской державы, которая в 140 году обрушивается на Грекобактрию. К этому времени, т.е. к середине II века следует относить и стабилизацию общества усуней на Тянь-Шане. Щедрыми подарками и выдачей замуж китайской царевны за усуньского гуньмо, Китай стремился склонить усуней на свою сторону и противопоставить их гуннам, не дающим возможности наладить торговый путь через Среднюю Азию и Китай 33. Эта активная политика Китая достигает своего наибольшего развития в царствование императора У-ди (140—87 г. до н.э.), ко времени которого относится и посольство Чжан Цяня 34. Дары, привезенные усуньскому гуньмо, оказали на последнего свое действие, и он принял протекторат Китая. В период жизни упомянутого гуньмо, имя которого не сохранила китайская история, происходил видимо процесс организационного строительства усуньской орды. Усуньские племена распались в это время на отдельные орды до 10.000 войск в каждой, связанные между собой родством их предводителей. Так, одной ордой руководил сам гуньмо, второй и руководил его сын Далу, а третьей — его племянник (сын старшего брата) Сэньдзу 35. Помимо установления связи с усунями, миссия Чжан Цяня заключалась так же в том, чтобы заключить с усунями военный договор против гуннов, для чего Китай пытался перевести кочевки усуней поближе к своим границам. Предложение о переселении не было принято советом усуньских старейшин, отказавшихся перекочевать. Сам гуньмо «был в преклонных летах, и по причине разделения земель (между тремя ордами—АБ), не мог полновластно управлять, поэтому отправил своего посланника препроводить Чжан Цяня и в благодарность послал Двору несколько десятков лошадей» 36. Это была первая практическая связь усуней с китайским двором. Сущность стремления Китая к налаживанию связей с усунями прекрасно раскрывается словами Чжан Цяня о них, незадолго перед его вышеотмеченным посольством. Вот что говорил Чжан Цянь китайскому императору об усунях «в пребывание мое у гуннов слышал я, что усуньский владетель титулуется Гуньмо: отец этого гуньмо имел небольшое владение на западных гуннских пределах. Гунны убили отца его в сражении, а гуньмо, только что родившийся, брошен был в плен. Птицы склевывали насекомых с его тела; волчица приходила кормить его своим молоком. Шаньюй изумился, и счел его духом, поэтому взял его к себе и воспитал; когда же Гуньмо подрос, то шаньюй сделал его предводителем войска. Гуньмо несколько раз отличался в походах: поэтому шаньюй возвратил ему владения отца его и препоручил надзор за караулами при Западной стене. Гуньмо приложил усилия для исправления состояния своего народа и подчинил окрестные небольшие поселения. Он имел несколько десятков тысяч войска, опытного в сражениях. По смерти

шаньюя, Гуньмо со своим народом отделился и отказался от своих поездок в орду гуннов. Войско, открыто направленное гунами против него, не имело успеха, оно сочло гуньмо духом и удалилось, поэтому гунны, хотя имели влияние на него но не нападали слишком (часто). Теперь шаньюй опять приведен нами в стесненное положение, а прежние земли Хуньшо князя остаются незаселенными. Кочевники обыкновенно падки на китайские вещи. Если в настоящее время богатыми подарками склонить Гуньмо к переселению на восток, на бывшие земли Хуньшо князя и вступить (с ним) в брачное родство с домом Хань, то можно надеяться на успех в этом, а если успеем, то этим самым отсечем правую руку у гуннов. Когда же присоединим к себе усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Даси (Грекобактрию — АБ) и другие владения на западе»³⁷Из процитированного отрывка явствует, что во времена Вуди (140—87 г. до н.э.) и до посольства Чжан Цяня усунь были известны Китаю, как обитающие на западе от гуннов, т.е. на Тянь-Шане, и что лишь сравнительно недавно они привели под свою власть, находящиеся от них к западу владения. В виду того, что Давань и Кангюй, с точки зрения китайской историографии никогда не был и под властью усуней, следует, что под западными владениями или поселениями, нужно понимать владения, находящиеся на территории самой Киргизии и видимо в прошлом принадлежащие сакам. Весьма интересно и легендарное сказание о происхождении усуней. Цикл преданий кочевых тюркских народов Центральной Азии, а главным образом, Южной Сибири, например, алтайских тюрок, связывает свое происхождение с волком, о чем передают те же китайские источники. Эти версии происхождения усуней, (а равно как и ряда других тюркских племен), позволяют видеть в этом факте, общую этногенетическую связь усуней с тюркоязычными племенами Южной Сибири и Центральной Азии что еще раз доказывает их этногенетическую связь с той группой племен, которая если не целиком жила на Тянь-Шане, то во всяком случае вблизи него³⁸. Слова Чжан Цяня о политическом значении союза Китая с усунями, настолько выразительны, что не нуждаются в комментариях. Успешная миссия Чжан Цяня вызвала озлобление гуннов против усуней, которые к тому же установили примерно в 104—103 гг. до н.э. связи не только с Китаем, но и с Средней Азией. Враждебное отношение гуннов к усуням и политическое господство гуннов в Центральной Азии, все это заставило китайских послов ехать в Давань и Кушанское государство Средней Азии не через Тянь-Шань, т.е. земли усуней, а южнее. Это изменение трассы торгового пути обеспокоило усуней, которые видели в этом нарушение связей с Китаем и опасались набега гуннов. В связи с этими обстоятельствами они настойчиво пытаются укрепить связи с Китаем, добиваясь руки китайской царевны. Установление такого союза, именуемого китайцами «на основе мира и родства», обеспечило бы политическую устойчивость усуньского союза. Стремление к союзу с усунями повлияло на исход просьб усуней, и Китай, по получению брачных подарков, в виде 1000 лошадей, отправил еще в 107 году до н.э. некую Сихюнь, дочь китайского князя Гянь в качестве царевны в супруги усуньского Гуньмо³⁹. Прибытие китайской царевны в Тянь-Шань было весьма пышно обставлено. Ее сопровождало несколько сот чиновников, евнухи и слуги. С ней прибыли богатые подарки китайского императора, в том числе колесница, одеяния и мн. др. Брак усуньского гуньмо на китайской царевне упрочил положение усуней. К тому же, к этому времени, усуням удастся наладить взаимоотношения и с гуннами. Характерно то обстоятельство, что выданная в то же время за усуньского гуньмо дочь гуннского шаньюя была сделана старшей женой гуньмо, а китайская царевна младшей. Несмотря на это китайская царевна Си хюнь была видимо окружена большим почетом, чем гуннская дочь шаньюя. Для китайской царевны был выстроен, дворец, где она сама устраивала приемы. Богатые подарки, которые она получала от китайского двора, служили ей средством вести среди усуней прокитайскую политику, которую, как мы покажем ниже, она активно осуществляла. Во исполнение своей

миссии, она неоднократно получала подарки из Китая (например, палатки и шелковые ткани), а также инструкции к тому, чтобы вооружить усуней против гуннов. В это время Китай разворачивает широкое наступление на гуннов. Китай был весьма заинтересован в усуньской помощи которые могли выступить в тыл гуннам. Китайская ориентация усуней дала им возможность проникнуть в дела Восточного Туркестана. Уже в 90-х годах до н. э. сын усуньского гуньмо Угуйми по имени Ваньнян является владельцем Яркенда, а старшая дочь того же гуньмо по имени Дишы была женой Кучарского владельца Гяньбина 40. Активность усуней вызывает законную тревогу среди гуннов. В 80-х годах они вступают на территорию племен Чешы (северная часть Восточного Туркестана), заключают с ними военный союз и неоднократно нападают на усуней, в результате чего в 73 г. до н.э. овладевают страной Чеяньвуши (?) и уводят многих усуней в плен, требуя также разрыва дипломатических отношений усуней с Китаем. Эти войны гуннов вынуждают Китай принять активные меры 41. В 71 г. до н.э. усуней выставляют 50.000 конными, а Китай 150.000 и одновременно все эти войска пятью дорогами выступают против гуннов. Руководство усуньскими войсками поручается китайскому полководцу Чанхой. В результате этого похода, дополненного, кстати сказать, выступлениями восточных и северных соседей гунов, гунны были разбиты. Усуней со своими войсками нападают на гуннов с запада, доходят до ставки их правителя, носящего титул Лули князь и получают огромную добычу. Усуней получили «в плен до 40.000 человек, в числе которых были шаньюевы родственники и множество знатных предводителей», а также «более 700.000 голов лошадей, рогатого скота, верблюдов и ослов» 42. Описание этой войны занимает значительное место в истории гуннов и вносит некоторые подробности. Война эта происходила при шаньюе Хуанджи (85—68 гг. до н.э.). Оказывается на первом этапе борьбы усуней должны были выступить с китайскими войсками у Баркульского округа и напасть на гуннов у озера Баркуль, но взаимодействие усуней с Баркульскими войсками не было налажено и усуней ушли, фактически не вступив в сражение. С успехом первую операцию произвели сами Баркульские войска, взявшие у гунов небольшую добычу. Неудачно выступили и другие китайские отряды, предводители которых были отданы под суд, но кончили жизнь самоубийством. После этого начинается второе выступление усуней, когда они получают огромную добычу (39.000 человек и 700.000 скота) 43. Здесь отмечается, что из гуннской знати они взяли тестя шаньюя, невестку Гюйцы, высшего князя Ливу, Дуюй (дуюй — титул — АБ), тысячников и др. Но это второе выступление не было последним в этой войне. Гунны еще не успевают получить небольшой реванш от усуней зимой 71 года, но сильные бураны изматывают их войска, когда они шли обратно в свои ставки. Потери были настолько велики, что летопись пишет «от мороза погибло столько людей и скота, что и десятой части не возвратилось» 44. Этим обстоятельством и воспользовались теперь не только усуней, но и с севера динлины, с востока ухуаньцы. Во время этого третьего выступления, видимо, происшедшего в начале 70 г. военный союз трех племен (усунь, динлины, ухуань) «порубили несколько десятков тысяч человек и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и великое множество быков и овец. Сверх того, три десятых и людей и скота от голода погибло. Гунны пришли в крайнее бессилие» 45. Успехами усуней воспользовались китайцы, довершившие разгром гуннов, как известно, вскоре после этих событий расколовшихся на две части 46. С момента раскола гуннов на две части начинается движение части гуннов на запад, положившее начало великому переселению народов. Таким образом, в подготовке этого всемирноисторического акта немалую роль сыграли и усуней Тянь-Шаня, способствовавшие разгрому гунов. Высоко оценил эти события Китай, который через своего представителя Чан Хой отправил подарки для особо отличившихся усуньских старейшин. Кроме того Гуньмо была обещана в жены китайская царевна. 47 Подробно описанная война усуней с гуннами и коалиция усуней с Китаем имеют огромное

значение, не только в подготовке событий, имевших затем всемирно-историческое значение, но и для истории самих усуней. Характерно, что усунь взяли в плен большое количество гунов, а не убили их. Если исключить тех пленных которые могли быть заложниками, то остается значительная масса военнопленных, которые могли быть использованы как рабы. К тому же захват скота расширил экономическую базу усуней, их скотоводческое хозяйство. Эти обстоятельства не могли не служить толчком к дальнейшей имущественной дифференциации усуней и возможности сложения у них рабовладельческого уклада. 60.000 военнопленных рабов только после одной удачной войны, на 630.000 усуньского населения или вернее на 120.000 кибиток, то уже один военнопленный на каждые три кибитки. Учитывая, что раздел пленных происходил неравномерно и знать получала больше, чем рядовые члены общества, следует, что в руках отдельных представителей скопилось значительное количество рабов. Весьма характерно, что именно после этих событий начинается среди усуней полоса междоусобиц и выступлений масс кочевников против своей знати. После смерти гуньмо Унгуйми, старейшины, т.е. родовая знать, объявляют гуньмо сына Сэньцзу, который начинает править под именем Куан-Вана. Выражая интересы знати, возведшей его на престол, он всячески притеснял рядовые массы кочевников и «своим неистовством лишился народной любви» 48. Об этом сообщает китайская резидентка, говоря, что «Куан Ван притесняет подданных и легко истребить его» 49. Китай не проходит мимо этого благоприятного случая. Организуется пир, на котором китайский ратник пытается безуспешно убить Куан Вана. Последний, несмотря на ранение, скрылся. Китайская царевна и находящиеся с ней чиновники, оказались в неудобном положении и вынуждены были в течение нескольких месяцев выдерживать осаду в городе Чигу, где их окружил сын Куан Вана со своими войсками. Подарками, миссиями, казнью заговорщиков пытается китайский двор обелить себя перед лицом усуньской знати, не покидая ни на одну минуту мысли все же уничтожить Куан Вана. Весьма любопытно, что китайский лекарь, посланный китайским императором для излечения Куан Вана, за то, что излечил последнего, а не воспользовался случаем окончательно умертвить его, — был казнен.⁵⁰ Воспользовавшись этими смятениями в орде, один из потомков гуньмо Унгуймия, происходящий по матери от гуннов, по имени Уцзюту, с какой-то частью кочевников удалился в северные горы. Возможно, что с ним связаны усуньские могильники, находящиеся к северу от Алма-Ата. Вскоре он, убив Куан-Вана, провозглашает себя верховным сюзереном. Но в это время Китай уже захватил в свои руки дела усуньской орды. Объясняется это, в частности, тем, что Восточный Туркестан был уже в их руках и непосредственно у границ усуньских владений стояли китайские войска. Китайцы ставят угодное им другое лицо на пост гуньмо, а Уцзюту должен был довольствоваться более младшим титулом. К тому же земли были поделены между двумя правителями китайским чиновником. 60—50-е годы усунь живут целиком под китайским протекторатом⁵¹. Китай смещает и назначает гуньмо, одаривает титулами и полномочиями усуньских старейшин. Временное усиление усуней при гуньмо Цилими вызывает новую организацию убийства неугодного Китаю усуньского вождя. Это вмешательство Китая в дела усуней вынуждает часть их откочевать в страну племен кангюй, т.е. к Сыр-Дарье. Этой перекочевкой усуней следует объяснить в Ташкентском оазисе появление буруглюкской культуры усуньского типа 52. К первому веку н.э. политическая роль усуней сходит на нет, и они представляют собой группу разрозненных племен, занимающихся мелкими набегами и фактически подчиняющиеся китайским наместникам. Последние в ближайших южных владениях Восточного Туркестана всегда имели необходимую военную опору. Таковы были смежные с усунями владения Гумо, Аксу, Куча и др. Разделение усуней на отдельные части, события связанные с Куан Ваном и активное вмешательство в дела усуньской орды со стороны китайцев, были еще дополнены весьма важными событиями середины I в. до

н.э., имеющих большое значение, как для истории усуней, так и Тянь-Шаня в целом. Но прежде, чем перейти к этому вопросу, перейдем к изложению тех фактов, которые известны для Южной Киргизии. Южная Киргизия входила в это время в состав территории царства Давань, которое занимало область современной Ферганы. По сообщению известного нам уже Чжан Цяня, впервые открывшего для китайцев царство Давань, «Даваньцы ведут оседлую жизнь, занимаются земледелием, сеют рис и пшеницу. Есть у них виноградное вино. Много аргамаков. Эти лошади имеют кровавый пот и происходят от породы небесных лошадей. Есть города и дома. В Давани находится до 70 больших и малых городов: народонаселение доходит до нескольких сот тысяч. Оружие состоит из луков со стрелами и копий. Искусны в конной стрельбе» 53. К этому краткому сообщению можно добавить, что жители Давани говорили на языке общем для всех среднеазиатских племен, равно как не отличались от них и своей внешностью. Всего вероятней, что здесь жила часть иранских племен Средней Азии. Из других сообщений явствует, что на территории Давани главным городом был Эрши, а на восточной окраине — Давани, видимо на территории современной Киргизской ССР был город Ю54, который с большим трудом был взят китайцами после продолжительной осады. Большие города имели два ряда мощных стен. Упоминания о 70 городах Давани относятся, судя по употребленному в китайском подлиннике иероглифу, вообще к укрепленным простым валом поселениям. Несомненно, что и города Эрши и Ю относятся к этому же типу, но лишь больших размеров. Культура племен Давань исключительно древняя. Традиции в изготовлении керамики и начатки земледелия времени проникновения китайцев в Фергану восходят видимо еще к концу III тысячелетия до н.э. Для этого времени известны археологические находки в районе Нарынского совхоза и у Эйлатана 55. В последнее время обнаружены и памятники скифской эпохи, в частности, на Большом Ферганском канале был найден сакского типа котел, борт которого украшен идущими гуськом горными козлами. Форма ручек и несколько особый профиль котла отличны от типично сакских котлов. Весьма выразительны также относящиеся к сакскому времени наскальные изображения в районе г. Оша 56. Ко времени же Давань относится значительное количество памятников, как могильников, так и поселений. Поселения эти представлены сферическими и конусовидными тепе, содержащими среди прочих археологических остатков характерную грубую керамику со следами лощения и раскраски. Формы этой керамики зачастую находят себе аналогии в усуньской керамике Северного Притяньшаня. С этими тепе связаны уже древнейшие остатки ирригационных сооружений, и ведущим направлением хозяйства было земледелие. В небольших размерах было известно и скотоводство. Даваньцы, судя по остеологическим остаткам, обнаруженным во время раскопок, разводили крупный рогатый скот, лошадей, коз, овец, причем преобладают кости мелкого рогатого скота. Знали, видимо, даваньцы и свинью. Поселения такого же типа зарегистрированы нами в Южной Киргизии в районе Ак-Буры (4 клм. Памирского тракта, 12 клм. тракт Ош-Кашгар-Кишлак, в районе Кашгар-Кишлака Борю Тепе и др., в Джалал-Абадской области в районе Базар-Кургана и Науката). Отмеченные тепе являлись укрепленными поселениями отдельных патриархальных семейств. К этому же времени возможно относятся и четырехугольные городища, примыкающие к тепе. Это и будут те «чэны», о которых упоминают китайцы. Впрочем, более достоверна их принадлежность к более позднему времени, времени господства кушан в Фергане. Ко времени царства Давань археологи относят и погребения под курганными насыпями в катакомбах, вскрытых в Южной Фергане, в сравнительно большом количестве 57. Ко времени давань следует отнести многочисленные курганы в районе нижнего течения Куршаба, а также около кишлаков Массы — Наукат — Сакалы. Богатство Давани сразу возбудило аппетиты китайского двора, который с 121 г. до н.э. налаживает с ней оживленные торговые связи. Это в свое время сильно обеспокоило усуней, несомненно

видевших в Давани, равно как и в ближайших оседлых владениях Восточного Туркестана, ту земледельческую базу, без которой не может существовать кочевник. Знакомство китайцев с Даванью послужило поводом заимствования китайцами от даваньцев культуры винограда и травы му-су (люцерна)⁵⁸. Отказ даваньцев предоставить Китаю лошадей, необходимых ему для многочисленных войн, заставляют последний предпринять специальный поход в Давань. Продиктовано это было в частности тем, что даваньцы наотрез отказались продавать лошадей посольству Че Лина⁵⁹. Конфликт с Че Лином вызывает организацию первого похода в Давань. Руководство войсками было поручено известному китайскому полководцу Ли Гуан Ли. Поход начался летом 104 г. Однако этот поход окончился для китайцев неудачно. Во-первых, весьма многочисленно было войско (8000 человека регулярного войска), во-вторых, в Восточном Туркестане армия не получила от тамошних владений соответствующих припасов. Когда же китайские войска подошли к городу Ю, то их уже было очень немного и они были истощены. Несмотря на взятие города Ю, китайская армия вынуждена была вернуться обратно в Китай. Уже в Дуньхуань из каждых 10 человек китайской армии пришло 2⁶⁰. В 103 г. китайцы организуют второй поход в Давань. На этот раз выступает 60.000 армия, не считая обслуживающего персонала. Обоз состоял из 100.000 быков, 30.000 лошадей и 10.000 ослов, лошаков и верблюдов⁶¹. Поход был организован прекрасно. По пути следования находились продовольственные базы. Несмотря на все принятые меры к Давани подошло лишь 30.000 человек. Здесь китайцам 40 дней пришлось осаждать город Ю. После того, как китайцами была отведена вода из города, им удалось прорвать первую внешнюю стену. После этого этапа осады даваньцы предложили китайцам условия мира, которые ими были приняты. Условия заключались в том, что Китай получает требуемых ему аргамаков и съестные припасы на обратный путь. Ли Гуан Ли принял условия мира и китайцы получили «несколько десятков аргамаков и 3.000 жеребцов и кобылиц второго и третьего сортов»⁶². Не удовлетвовавшись добычей, Китай, по обыкновению, возводит в положение даваньского государя некоего Мацая, оказавшего им некоторые услуги. Предыдущий правитель Давани Мугуа был казнен. Военные действия, однако, на этом не закончились, и свобододлюбивый город Ю долго еще не покорялся китайским властям. Следует отметить, что в борьбе Китая с Даванью Китай требовал помощи со стороны усуней. Последние хотя и выставили 2.000 конницы, однако, не оказали эффективной поддержки⁶³. Окончание похода на Давань относится вероятно к 100-му году до н.э. Однако Китаю не удается распространить своей власти на Давань. После ухода китайских войск их ставленник Моцай был убит и государем поставили младшего брата, ранее убитого правителя Мугуа по имени Жижань⁶⁴. Дальнейшая судьба Давани, особенно ее внутренняя жизнь, остается до сих пор неизвестной. Известно лишь, что в V веке Фергану, называвшую в это время «Полона», посетили китайские послы Тун Юань и Гао Мин, которые из их страны отправились в Фергану. После этой китайской миссии, ферганцы с 479 г. отправляют ответные посольства в Китай и в числе даров, которые они посылают, всегда фигурируют лошади⁶⁵. Возвращаясь к Тянь-Шаню мы указывали, что к началу первого века н.э. наблюдается распадение усуньского племенного союза и сильное снижение его политической роли. Причины определяющие этот процесс были уже рассмотрены. Наряду с вышеуказанными причинами, следует иметь в виду и то, что с середины I в. до н.э. усунь начинают терять власть среди кочевых племен Тянь-Шаня и окружающих местностей в силу продвижения сюда племен северных гуннов, занявших территорию по Таласу и образовавших буфер между племенами усуней и кангюй (см. гл. II). Проникновение гуннов на Северный Тянь-Шань не ограничилось событиями 49—30 гг. до н.э. В 87—91 гг. н.э. гунны были окончательно разбиты на территории Монголии сяньбийцами и китайскими войсками. По заявлению китайских источников около 100.000 кибиток вошли в состав сяньбийцев и, видимо, этнически ассимилировались

ими, а другая часть их перешла через Тянь-Шань и в Семиречьи, возможно в Южном Прибалхашьи, образовала мощный юебаньский союз племен⁶⁶. Несомненно, что успеху продвижения северных гуннов через Тянь-Шань способствовало и распадение к этому времени усуньского союза, не составившего преграды для движения гуннов. Этот поток северных гуннов на Тянь-Шань не прекращается и в начале II века н.э. В 112 г. китайский полководец Собань ведет войну с северными гуннами, которые вновь посягают на Восточный Туркестан и в своей борьбе опираются на племена северных Чешы. В 123 году правитель области Дунь Хуан по имени Чжан Дан сообщает, что Хоянь-князь северных гуннов распространил свою власть от Баркуля до Каспийского моря. Восстанавливая престиж китайской власти в Восточном Туркестане, правитель западного края Бай Юн в 127 г. безуспешно пытается подвести под свою власть усуней и их соседей к западу. Остаются непокоренными и гунны, которые расположены в пределах северных границ Восточного Туркестана, т.е. по соседству с усунями. Оба соседящих племени, северные Чешы ⁶⁷, и усунь, находятся в это время (I и середина II века до н.э.), под гуннским протекторатом ⁶⁸. Чешы, которые находились на восток от усуней, имели для китайцев и гуннов большое стратегическое значение. Обитая по Иртышу и, возможно, доходя до Или, они закрывали собой проходы, по которым могли идти армии центрально-азиатских кочевников и Китая. Чешы были более оседлыми племенами, чем их соседи усунь. Любопытно, что в их областях китайцы стремятся поселить военных поселенцев, для разведения земледелия, напр. в 62 г. до н.э. ⁶⁹ Китайцы называли область чешы «щитом западного края от северных гуннов», чем достаточно ясно подчеркивается их значение. В 73—90 г., а также при Хоянь-князе в 121—127 г., чешы находятся под властью северных гуннов, т.е. в то время, когда и усунь находились под гуннским протекторатом. Часты упоминания о спасении чешских владетелей среди усуней или гуннов, например, Аладо, который в 152 г. бежал к гуннам ⁷⁰. Аналогичные сообщения неоднократны и в китайских источниках. Так, например, когда китайцы организуют осаду «Каменного города» (по-видимому Чжохохото), «чешский владетель, опасаясь, чтобы хунны опять не пришли и не убили его с легкою конницею, бежал в Усунь» ⁷¹. События эти относятся, видимо, к 68 годам до н.э. К периоду гуннского протектората над Тянь-Шанем, относится могильник, раскопанный на территории Киргизии в верховьях р. Талас⁷². Он представлял собой захоронения в катакомбах, вырытых в лессе, в виде небольших овальных в плане, со сферическим потолком, помещений. Катакомбы (Ляхат) и подводящие к входу в них коридоры — дромосы (айвон) были перекрыты земляной насыпью, которая иногда содержала остатки ритуальной трапезы. Изучение обильных находок в этих катакомбах, относящихся ко времени I в. до н.э. — II в. н.э., показало сравнительно большое развитие культуры кочевников Тянь-Шаня. Не говоря уже о конструкции сложения погребального сооружения, надо отметить высококачественную керамику, свидетельствующую об определенном техническом совершенстве гончаров, владевших уже высокой температурой обжига. Весьма искусны изделия из дерева — арчи и тяньшаньской ели, имевшие особенно широкое распространение и находимые во всех катакомбах. Из дерева изготовлялись части вооружения, посуда, домашняя утварь (посуда, колыбели), сооружения для погребения (гроб, постамент). Основу вооружения составлял лук, обложенный для упругости еще костяными пластинами, число которых на каждом луке равно семи. Лук легкий и короткий, удобный для стрельбы с коня. Содержат погребения и изделия китайского происхождения, например, ткань и лак. Судя по найденным в одной катакомбе сравнительно хорошо сохранившимся одеждам, последняя была типично кочевническая — широкие халаты, штаны, удобные для езды на лошади верхом. Характерны и вышивки на манжетах и воротниках мужской рубашки, состоящие из орнамента, также характерного для кочевников. Представляют интерес находки детских колыбелей, вместе с захоронениями детей. Этот тип колыбели сохранился у

кочевых народов Средней Азии до сегодняшнего дня. Данные, содержащиеся в этом могильнике, по социальному строю говорят о наличии патриархальной семьи (парные захоронения, при мужчине всегда захоронены женщина и дети грудного возраста). Весьма характерен и расовый тип погребенных. Это монголоиды с ослабленными чертами бывшей европеоидности 73. Они искусственно деформировали головы, придавая им форму вытянутого назад черепа, с низким, убегающим назад, лбом. Этим приемом, они, вероятно, хотели отличить свое этническое происхождение от окружающих их племен. Деформация черепа начиналась с грудного возраста, о чем говорит деформированный череп шестимесячного ребенка. Это им они подчеркивали как этническую так и социальную свою принадлежность в данных условиях. Во всех открытых курганах характер инвентаря и сами курганы не говорят о каких либо больших имущественных различиях между погребенными. Однако, часто основные погребения сопровождалось погребениями насильно убитых и положенных с ними в могилу людей. В этих случаях они лежали не в самих катакомбах, а у входа в нее или в могильной насыпи. В последнем случае костяки убитых были связаны. Погребения эти были без инвентаря и их положение показывает, что здесь речь может идти о погребении рабов. Очень важно то обстоятельство, что погребенные, как мы полагаем, были рабами, резко отличались по своему расовому типу от погребенных в катакомбах. В то время, как в катакомбах были монголоиды, с деформированными черепами, рабы несут на себе черты местной памиро-ферганской расы, к которой принадлежали и усунь. Совершенно очевидно, что могильник, только что описанный, связан с проникновением северных гуннов на Тянь-Шань, когда они подчинили себе усуней. В культуре гуннов Тянь-Шаня заметны черты смешения гуннов с разнообразными племенами, в частности, с местными и в связи с этим и с их культурами. Так, например, деревянные помосты из досок, на которых лежали покойники, напоминают приемы захоронения в Оглахтинском могильнике. Сама конструкция погребального сооружения — катакомба — имеет аналогии как на Алтае, так в районе Сыр-Дарьи, и Фергане, где открыты такого же типа погребения 74. Наиболее близкой аналогией Кенкольскому могильнику служат параллели в Фергане и Сыр-Дарье. Последние содержат типичный инвентарь гуннского времени 75. Разнообразие черт в отдельных группах катакомб говорит о том, что гунны в разных районах смешались с разными местными племенами, почему и приобрели особые варианты своей культуры. На Тянь-Шане Кенкольской могильник дает тот тип кочевой культуры, которая сохранился до недавнего прошлого у кочевников Средней Азии. Исключительно важны и первые явления формирования нового расового типа, характерного для современного тюркоязычного населения Средней Азии. Следует отметить, что в Кенкольском могильнике наличествуют самые ранние и самые восточные следы деформации черепа 76. Гуннский протекторат над Тянь-Шанем кончается, видимо, еще в III веке, когда они начинают передвигаться на запад. На смену гуннам и сяньби в Центральной Азии выходит Жужанский каганат 77. Его роль для Тянь-Шаня неизвестна, хотя китайцы и сообщают о действиях жужан в близлежащих районах. Возможно, что напор жужан с востока и господство племенного союза юебань в Семиречье, заставляет усуней отодвинуться в глубь Тянь-Шаня. Здесь они упоминаются еще в V веке 78. Характерно, что племена юебань, жившие к северу от коренных усуньских земель, главным образом в Илийской долине, успешно отразили попытку жужан проникнуть в их область. Еще в конце IV — самом начале V века Жибасти — вождь Юебань — «пошел на Шелуня (жужанский хан — АБ) с оружием, вступил в упорное сражение с ним при реке Егинь и совершенно разбил его» 79. Столкновения юебань с жужанами были и позднее, при хане Датань (414—429 гг.), причем в походе китайцев 426 года, наряду с уйгурскими племенами, активное участие принимали юебань. Видимо, вследствие оказанного сопротивления, жужане направляют свои походы несколько южнее — на Тяньшань. Не случайно Тай-у когда объявляет войну

жужанскому хану Чилянью Уда (429—444), то доходит с войском в 439 году до западной стороны небесных гор, где, кстати сказать, «взошел на холм, вырезал на камне обстоятельства похода и, не видав жужанцев, предпринял обратный путь». Очевидно, что Тянь-Шань не был постоянным местопребыванием жужан, хотя и считался входящим в их государство. Очевидно, что Центральный Тянь-Шань оставался еще в руках усуней. Жужане же оказывали, или, верней, могли оказывать влияние через земли северных чешы, которые граничили с усунями с востока. В эти районы (Верхнее Прииртышье) жужане проникали неоднократно. Так при Дэулуне (485—492?) жужане преследуют предводителя племен гаогюй Афучжило, который уходит на запад. И из тех же китайских 80 источников известно, что Афучжило нашел себе убежище сзади на западе в районе Тяньшаня, так же как и его преемник Животу по северную сторону озера Баркуль 81. С VI века территория Киргизии входит в систему западно-тюркского каганата. Усунь, как этноним, навсегда исчезает. Усуньские племена входят в новое этническое образование, связанное с господством тюрков. В 425 году усуньский владетель принимает китайских послов Тун Юань и Гао Мин, причем, он ведет с китайскими послами переговоры от имени Полоны (Ферганы) и Чже Шы (Шаш), в частности, о желании этих стран вступить под покровительство китайской династии Бэй Бей. Китайским послам усуньский владыка дает проводников и переводчиков. Эти единичные факты все же позволяют говорить о том, что в V веке, после ухода гуннов, усунь снова приобретают некоторую политическую самостоятельность, но не надолго 82. В 436 г. Китай отправил к усуням посла Дун Дина, после чего усунь возобновили регулярные взаимоотношения с Китаем 83.

Примечания

- 1 W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. IV, Cambridge, 1938.
- 2 Шы цзы гл.; И. Бичурин, *Собрание сведений...*, ч. III, стр. 64.
- 3 Шы цзы гл.; И. Бичурин, *Собрание сведений...*, ч. III, стр. 65.
- 4 O. Franke, ук. соч. стр. 46 и сл.
- 5 Шы Цзи гл.; И. Бичурин, *Собрание сведений...*, ч. III, стр. 65.
- 6 Страбон, *Трог Помпей* и пр.
- 7 Эта точка зрения изложена в «Истории СССР...», ч. I—II, гл. IV, стр. 303 и сл.
- 8 Что явствует из описаний массагетов Геродотом и Страбоном.
- 9 Шы Цзи гл.; И. Бичурин, *Собрание сведений...*, ч. III, стр. 1 и сл.
- 10 Отдельные находки керамики кушанского типа нам стали известны лишь в 1941 г. из Чуйской долины. О кушанской культуре Ферганы см. ниже.
- 11 Ср., например, бугурлюкскую культуру Ташкентского оазиса, открытую Тереножкиным А. (*Известия Уз. ФАН*, № 9, 1940 г.). Усуньское влияние прослеживается и в керамике древней Ферганы (Т. Оболдуева, *Археологические наблюдения на северном Ферганском канале*, *известия Уз. Фан*, № 10, 1940 г.).
- 12 Ср. A. Stein. *Innermost Asia. Detailed report of exploration in Central Asia and Westernmost China*. Vol. 1—5. Oxf. 1921. т. II, табл. XVI—XXII. То же повторено и в работе *Serindia*.
- 13 Шы Цзи; И. Бичурин, *Собрание сведений*, ч. III, стр. 64—65.
- 14 В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 77. Ср. K. Schiratori. *Neber die Wusunstamm in Centralasia*. *Revue Orientale RO*, т. III, вып. 2—3, Budapest, 1902.
- 15 По материалам археологических экспедиций КФАН и ИИМК, 1939—40 гг., проведенных под нашим руководством.
- 16 Шы Цзи; И. Бичурин, *Собрание сведений*, ч. III, 64.
- 17 Шы Цзи; И. Бичурин, *Собрание сведений*, ч. III, 64.
- 18 Klaproth, *Nableaux historique de l'Asie*. Paris, 1826. Следует указать, что широко цитируемое место китайской летописи о европеоидном типе усуней, вообще находится в самой летописи Цяньханьшу и в комментариях Яньшигу, известного историка Танского времени.
- 19 Т. Трофимова, *Краниологический очерк татар Золотой орды*. АЖ, 1936, № 2.
- 20 Шы Цзи; И. Бичурин, *Собрание сведений...*, ч. III, стр. 64.
- 21 Шы Цзи; И. Бичурин, *Собрание сведений...*, ч. III, стр. 64.
- 22 Шы Цзи; И. Бичурин, *Собрание сведений...*, ч. III, стр. 67.
- 23 М. Воеводский и М. Грязнов. *Усуньские могильники на территории Кирг. ССР*, ВДИ № 3, 1938 г.

- 24 Скорее всего имеется в виду полукочевой образ жизни.
- 25 Роспись усуньской посуды красной краской мы рассматриваем как результат влияния ферганской культуры этого времени.
- 26 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 64.
- 27 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, стр. 73. Старшему Гуньмо Хой выделил около 60.000 кибиток, а младшему 40.000 семейства или кибиток.
- 28 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 76.
- 29 Ср. K. Schiratori; ук. соч.
- 30 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 65.
- 31 Цяньханьшу; Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 68.
- 32 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 65. Ср. T. Hirth. The story of Chang Kien, Chinos pioneer in Western Asia. JAOS.
- 33 Ср. A. Herrmann. Die alten Seidenstrassen zwischen China and Syrien. Berlin. — Quellen und Forschung zu alten Geschichte und Geographie. H. 21. Lpz, 1910.
- 34 См. характеристику эпохи в нашей статье. Из истории гуннов I в. до н.э. (Хухань и Чжи чжи шаньюй). СВ, 1, 1940. 1.
- 35 Цяньханьшу, Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 65—66.
- 36 Цяньханьшу; И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 66.
- 37 Ши Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 12 и сл.
- 38 Чжоу шу: И. Бичурин, ч. 1, 269. Ср. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов, на основании родословных сказаний о сведениях о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. — Живая лирика, Спб., 1894, вып. III—IV.
- 39 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 67.
- 40 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. III, 68.
- 41 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. III, 69.
- 42 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. III, 69.
- 43 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. I, 63.
- 44 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. I, 63.
- 45 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. I, 64.
- 46 Бернштам А. Из истории гуннов I в. до н.э. (СВ, 1, 1940)
- 47 См. А.Н.Бернштам. Из истории гуннов I в. до н.э., СВ, № 1, 1940. Бичурин, 6, 69.
- 48 Цяньханьшу; И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 71.
- 49 Цяньханьшу; И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 71.
- 50 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 72
- 51 Цяньханьшу, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 74 и сл.
- 52 Культура эта вскрыта при строительстве канала им. Молотова и описана А.Тереножкиным, Известия УзФАН, 8, 1940 г.
- 53 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 4.
- 54 Археологическое обследование южной Киргизии привело нас к мысли, что вероятно древнему городу Ю соответствует городище древнего Узгена. Об этом подробнее см. в нашей статье — «Отчет о пездке в Южную Киргизию». Это сопоставление имеется и у А.Миддендорфа, Очерки Ферганской долины, СПб, 1882, XII, 498, LX. Ср. стр. 330.
- 55 См. «Археологические работы Академии на новостройках» в 1932—1933 гг.». Известия ГАИМК, вып. 110, т. II. М. — Л., 1935.
- 56 Об этих фактах см. в статье М.Массона. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала. КСИИМК, 4, 1940.
- 57 М.Массон, Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала.
- 58 Там же, 22.
- 59 Там же, 22.
- 60 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 25
- 61 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 26
- 62 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 28.
- 63 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 30.
- 64 Шы Цзи; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 31.
- 65 Бэй шу, гл. 102, л. 16; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 166
- 66 Бэйшу, гл. 102, л. 7 б; И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, стр. 163. См. F. Hirth. Die Wolga—Hunnen and Niung-nu, SPAW, Munchen, 1889; А.Бернштам. Из истории гуннов I в. до н.э. Хухань и Чжи чжи шаньюй, стр. 75.
- 67 Северные чешы занимали область Уту (Иртыш?). Между 88—82 г. подчинились Китаю. Угуи — владетель чеши вступил в брачное родство с гунами и научил гуннов пресекать китайцам дорогу в усунь.

68 Хоуханьшу, гл. 119, ср. гл. 78, л. 11 б; И Бичурин, Собрание сведений..., ч. III. Характерно, что в Хоуханьшу нет отдельного повествования о гуннах в разделе китайской истории при описании западных стран, несмотря на то, что китайцы весьма не плохо в это время знают Среднюю Азию. Это говорит о том, что усунь потеряли самостоятельное политическое лицо. Вместо усуней в этих местностях фигурируют гунны.

69 И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 93.

70 И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 135

71 И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, стр. 91

72 Н. Heikel. *Altertumer aus dem Tala des Talas in Turkestan*. Travaux Ethnographiques, VII. Helsinki, 1918. А. Бернштам. Кенкольский могильник. А., 1940. См. нашу заметку «Археологические работы в Семиречье», КС ИИМК, вып. IV, 1940.

73 Хоу Ханьшу, гл. 119. И.Бичурин. Собрание сведений... ч. I

74 На территории Ташкентского оазиса и в Фергане аналогичные могильники были открыты исследованиями М. Массона, который нас любезно ознакомил с этими материалами. Сообщение об этих работах см. в статье М. Массона.

75 Раскопки Г. Григорьева катакомб в Ташкентском оазисе еще не опубликованы.

76 Е. Жиров, Краткие сообщения ИИМК, VII.

77 Имеются сведения о том, что племена Тоба при хане Юйлюй в начале IV века н.э. распространяют свою власть на земли усуней. См. Сянь го чжи и летопись Бэйшу, И.Бичурин, ч. 1, 193. Он (Юйлюй) на западе завоевал древние усуньские земли, на востоке покорил все лежащие от Уге на запад». Восточный Туркестан и Монголия были, видимо, раньше завоеваны предшественником Юйлюй — Тоба Ито, который в 297 г. «перешел на северную сторону песчаной степи для завоеваний, и покорил на западе более тридцати владений», ук, соч., 190.

78 О племенном союзе Юебань, см. Бэйшу, гл. 102, л. 8-а

79 Бичурин, Собрание сведений... ч. 1, стр. 209.

80 Бичурин, Собрание сведений... ч. 1, 221.

81 Бичурин, Собрание сведений... ч. 1, 263.

82 Бэйшу, гл. 102, 1-б, И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 138—139. А. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья, КС, ИИМК, вып. VI, 1940 стр. 39.

83 Бэйшу, И.Бичурин, Собрание сведений... ч. III, 209

Глава VIII

Киргизстан в период тюркских и тюркешских каганатов в V—VIII вв.

С середины VI века на территории Монголии складывается тюркский каганат 84. Политическое объединение тюркских племен начинается с 545 г., когда основатель империи Тумынь, пользуясь восстанием алтайских тюрок против жужан довершает разгром последних 85. Уже к 80-м годам VI века, при его сыне Яньду, империя достигает огромных размеров и включает в свой состав множество племен, разнообразных по своему этническому происхождению. От Хингана до Черного моря, от Северных границ Китая до Енисея раскинулась эта империя. Если с именем Тумыня связано основание империи, то его сын Муюй каган (или Яньду) прославил тюркский каганат своими успешными войнами. Ему принадлежит окончательный разгром жужаней, которыми предводительствовал сын последнего жужанского кагана Дыншыцзы. На западе были разгромлены эфталиты в 60-х годах VI века, а на севере покорены кыргызы. Силу тюркского оружия испытал и Китай, в котором рушилась в это время династия Юань-Вэй. Разгром Китая и торговля награбленными ценностями сильно укрепили могущество родоплеменной знати кочевников. Они захватывают в свои руки торговые пути из Китая на запад и с помощью согдийских купцов завязывают тесные торговые связи с Византией 86. Их соперник — эфталиты, были разгромлены Сасанидский Иран, хотя и недолгое время, был в союзе с тюрками. Многочисленные колонии согдийцев находились в руках тюрок. Существенную роль в развитии торговли, а вместе с тем и ремесла, сыграли эти колонии согдийцев 87. На базе этих общих интересов кочевой знати и согдийских дихкан происходит сращение интересов господствующей верхушки тюрок и иранцев. На территории Центральной и Средней Азии идет формирование

примитивных форм рабовладельческого строя 88. Быстрое созревание этих форм общественного строя не могло не вызвать и вызвало к жизни наличие двух течений в лагере кочевников. Если первое было представлено каганатом, то второе олицетворяло оппозиционные настроения массы рядовых кочевников. Если первое шло рука об руку с господствующей верхушкой согдийских городов, то второе опиралось на рядовые массы кочевников и городской плебс. Наиболее яркого выражения эти трения достигают в 80-годах VI века. Оппозицию к каганату возглавляет сын Кигиня (Муюи кагана), рожденный от рабыни, по имени Далобянь. Последний был исключен из числа наследников, так «как мать его была низкого происхождения, то собрание старейшин воспрепятствовало этому (т.е. наследованию)»⁸⁹. После смерти Кигиня в 569 г. вместо законного наследника Далобяня престол был передан брату Кигиня Тобо-Кагану. Продолжая политику своего предшественника, Тобо каган завершает поступательный ход развития мощи каганата принятием официальной религии — буддизма. Быстрое нарастание мощи каганата к 80-м годам, по существу, кончается. К этому времени возрастают два условия, которые определяют начало кризиса каганата. Первым таким условием является приход к власти династии Суй, способной сократить размеры успехов тюрков, второе условие заключается в том, что нарастающий подъем народных движений приобретает какие-то организационные формы и своего энергичного вождя в лице Далобяня. При кагане Шаболие-Нету, — Далобянь, под именем Або кагана, был поставлен для управления аймаками⁹⁰. Або каган в борьбе против династии Суй обрел силу, способную конкурировать с властью верховного кагана Шаболию. Это вынудило последнего разоружить Або кагана и выступить против него. Разбитый Або каган бежит на запад к своему дяде Дагу кагану. Здесь, возглавляя движение городского плебса, он обрушивается в союзе с оппозиционными элементами на Шаболию в 581-84 гг. и чем вынуждает Шаболию взять к себе в помощь войска династии Суй. Положение Шаболию было чрезвычайно стесненным. Далобяню удалось к этому времени занять значительное количество земель каганата. Ему принадлежали не только среднеазиатские владения, но также оседлые поселения Восточного Туркестана вплоть до И-ву и Кучи. В них Далобянь находит себе большую социальную базу. Основным направлением выступления Далобяня был Бухарский оазис, в котором он вынудил к бегству «дихкан и богатых купцов», опираясь на силу «нищих и бедняков»⁹¹. Урезало силу тюрков и отторжение Далобянем оседлых оазисов Восточного Туркестана, являющихся важнейшим звеном в социально-экономической базе каганата. Помощь, которую оказал Китай, была вызвана желанием получить в союзники себе наиболее близкого соседа кочевников Шаболию, и вместе с тем проникнуть на территорию Средней Азии для восстановления непосредственных связей с западом. Оказанная китайцами помощь заставляет Шаболию принять вассалитет Китая и Китайские войска в период времени между 584—587 гг. под предводительством его брата Чуло Хэу, бывшего наместником западного края (ябгу), взяли в плен Далобяня и разгромили возглавляемое им движение. На всей территории тюркского каганата — от Северной границы Китая до Аму-Дарьи — была восстановлена власть тюркской знати и согдийского дехканства. На территории Бухары, ядра оппозиционного движения, власть была снова возвращена дехканству, которые бывших участников движения снова превратили в своих «слуг и кедиверов»⁹². Победитель политического кризиса Чуло Хэу решает восстановить экономическое могущество тюрков, подорванное не только политическим кризисом 80-х годов, но и голодом весной 583 г. С этой целью в союзе с хазарами и Византией, Чуло Хэу организует поход в Иран, но безуспешно. Разбитый иранскими войсками в 588 г., Чуло Хэу сам погибает в этой войне, и Иран освобождается от возможного протектората тюрков⁹³. На территории Балха и Тохаристана остается значительная часть тюркских племен, участвовавших в этих походах; из числа племен западно-тюркского каганата — племена карлуки⁹⁴. Их основные ставки в то время были на территории Чу-Илийского

междуречья. Характерно, что по языку они были одинаковы с западно-тюркскими племенами, принадлежа к т.н. желавшей группе диалектов⁹⁵. Политический кризис каганат определил не только его падение а затем и подчинение Китаю, но и распад каганата на две части — западнотюркский и восточнотюркский каганаты. Ближайшее отношение к истории Киргизстана имеет западнотюркский каганат, в территорию которого входило Семиречье, главным образом Северная Киргизия. Фактически уже с именем далобяня можно связывать формирование Западно-тюркского каганата, как самостоятельного политического образования. С момента создания тюркского каганата в середине VI века западные тюрки все время выделялись в самостоятельное политическое целое, хотя и входили как составная часть в государство тюрков. Обособленность западных тюрков объяснялась не только их местоположением, но и своеобразным характером экономического развития и этнического различия западных племен от восточных. По сообщению китайских источников, западные каганы имели свою ставку «в бывшей усуньской земле», т.е. на территории Тянь-Шаня⁹⁶. Тянь-Шань, Иссык-Куль и долины р.р. Чу и Таласа составляли центральные владения западных тюрков. На этой территории находилось большое количество оседлых поселений, созданных еще в период первой согдийской колонизации. Значительные переселения согдийцев произошли и во времена Далобяня, когда они основали на р. Талас город Хамукаг⁹⁷. Во времена Сюань-Цзяна в 630 г. владения западных тюрков описываются следующими словами: «Проехав, примерно, 500 ли (250 км.) на северо-запад от озера Иссык-Куля он (Сюань Цзян) достиг города на реке Су-е (Чу). Этот город (Суаб) имеет в окружении от 6 до 7 ли, он является местом встречи купцов, приезжающих из отдельных государств. Почва пригодна для разведения красного проса, пшеницы и винограда; лесная растительность редкая. Так как климат здесь холодный и свирепствует ледяной ветер, жители носят одежду из валяной шерсти. К западу от Суяба расположено около десятка изолированных городов, находящихся под управлением начальников, друг от друга независимых, но подвластных ту-кию (тюркам). Страна занимающая пространство между городом на реке Суе и королевством Ки-шан-ни (Касанна), носит название Су-ли; обитатели ее, а также их письменность и язык, носят то же наименование. Основные письменные знаки немногочисленны: они сводятся к 32 буквам, комбинация которых постепенно привела к образованию большого числа слов. У обитателей этой страны литература заключается всего лишь в нескольких исторических мемуарах. Знание этих книг, текст которых читается сверху вниз, передается взаимно друг другу; таким образом литературная образованность переходила непрерывно из поколения в поколение. Жители носят одежды, сшитые из хлопчатобумажной материи, шерсти или кожи, узкие и плотно облегающие тело. Волосы собирают в пучок, выбривая их на темени, иногда же обривают их совсем. Голову обвязывают шелковой материей. Ростом высоки... Одна половина населения обрабатывает землю, а другая занимается торговлей. Сделав от ста сорока до ста пятидесяти ли на запад от Мынг-Булака, Сюань Цзян приехал в город Талас, имеющий в окружении от 8 до 9 ли. Здесь останавливаются и торгуют всевозможными товарами купцы, приезжающие из разных стран. По своим естественным богатствам и климату, страна эта походит на Су-е. Проехав около десяти ли на юг, он повстречал город, вблизи которого не было других населенных пунктов. В этом городе проживало 300 семейств, уроженцев Китая. В старину они силою были увезены из Китая тюрками...»⁸. Описание это относится к 20 годам VII века. Уже в это время территория Чуйской долины и Таласа имела целый ряд поселений, укрепленных стенами (чены). Наряду с тюркским населением значительное количество было и согдийцев. Они занимались земледелием и торговлей, в городах — видимо и ремеслом. Поселения этого времени представляли собой совокупность укрепленных домов, сложенных из пахсы. Дома-усадыбы были своеобразной крепостью патриархальной семьи, эксплуатирующей в своем хозяйстве рабов. Развалины такого поселения можно

наблюдать у с. Красная Речка в 34 клм. к востоку от гор. Фрунзе 99. Дома состояли из длинных комнат, расположенных параллельно друг другу и были перекрыты коробовым сводом из сырцового кирпича, Дом был обнесен стеной. Во дворе устраивалось кладбище. Согдийское население Чуйской долины исповедовало зороастризм и поэтому умерших не хоронили в земле, а кости после разложения трупа складывали в специально изготовленные глиняные гробики, называемые археологами оссуариями 100. Иранское название этих гробиков-астодан¹⁰¹. Влияние тюркской кочевой среды, в тесных соприкосновениях с которой находилось Иранское население Чуйской долины, наложило определенный отпечаток на идеологию согдийцев. Обычно оссуарии подражают по форме жилищу. В виду того, что жилищем кочевника являлась кибитка, то согдийцы свои оссуарии делали по форме, напоминающими кибитки 102. Оссуарий имеет овальный план и сферическую крышу. На его поверхности вырезаны линии, в одном случае напоминающие плетеную основу кибитки (кереге и уки), в другом аппликации и орнамент кочевнических кошм. Техническая традиция мастера согдийца привела к тому, что в одном случае на ярко выраженном ансамбле украшений, связанных с кибиткой, он вырезал очертания колонны с капителями. Описанные выше оссуарии являются наглядным памятником скрещения идеологий кочевников тюрков и земледельцев — согдийцев 103. К такому же типу явлений относится и золотое украшение, сделанное в виде орнаментального круга из мелких «горошин», ведущее свое происхождение из Сасанидского Ирана, внутри которого дано изображение человеческого лица, явно тюрка. Наряду с явлениями культурного синкретизма, следует отметить и целый ряд вещей, принадлежащих собственно иранской культуре, среднеазиатского происхождения. К таким относятся керамика, из поселений Чуйской долины и Таласа, статуэтка Анахиты, богини плодородия, из согдийского слоя городища Тараха 104. Видимо из Семиречья происходят шелковые ткани с тканым орнаментом, сочетающие в себе китайский лотос и сасанидский орнаментальный круг 105. Подтверждают слова Сюань Цзяня о согдийском письме в Чуйской долине и археологические находки. Так, например, согдийская вязь найдена в Красной Речке на ручке сосуда — гласящая: «да будет полным» 106. Согдийское письмо здесь впервые принимается тюрками для своего языка, о чем говорят и нумизматические находки 107. Важнейшие данные по согдийско-тюркской культуре V—VII вв. нашей эры были получены при строительстве Большого Чуйского канала. Коллекции, относящиеся ко времени согдийской колонизации, были получены главным образом на левом берегу р. Сукулук. Здесь трасса канала прорезала торгово-промышленные предместья древнего безымянного города. В предместье оказались отложения разных эпох от V в. до н.э. — до XII вв. н.э. Сукулукское поселение издревле было центром широко развитого ремесленного производства. Характер культурных остатков нижних слоев Сукулукского городища показала что уже в V в. н.э. мы можем здесь четко разграничить два культурных явления. Во-первых, явления местной культуры, генетически связанной с культурными традициями местных племен, во-вторых, ярко выраженное согдийское влияние. Местная культурная традиция отражена, например, в таких характерных явлениях, как шпильки из бронзы, украшенные навершием изображающим головку, а иногда и все тулово птицы. Такого типа булавки известны по раскопкам усуньских курганов. Характерны и другие находки — например, миниатюрные копии котлов (высота до 5 см.) скифского типа на одной конической ножке. В одном случае была найдена пара таких котлов, которые, будучи составлены вместе, образуют своеобразного типа подобие бубенца. Отмеченные находки, Сукулукского городища прекрасно датированные стратиграфически (V в.), указывают на явную преемственность древних культурных традиций. Об иранской этнической принадлежности древних сукулукских поселенцев достаточно ярко говорит основная масса находок, в основном керамические изделия. Здесь было найдено огромное количество своеобразных предметов

неизвестного назначения, возможно культового. Предметы эти представляют собой обычно грубую, массивную, с тяжелыми очертаниями фигуру животного, — собаки, хищника, крупного скота. Схема этих предметов такова: два упора-ножки соответствуют ногам животного, затем туловище животного, на спине которого имеется обычно ручка, и приподнятая одна часть скульптуры, иногда только имитирующая шею и голову животного. Все эти предметы сделаны, повторяем, аляповато, в тесто замешана дресва или шамот, само изображение, особенно его выступающая часть, богато украшено резным орнаментом. Как правило, «фасадная» часть статуэтки сильно обожжена, да и все описываемые предметы были явно связаны с огнем. Больше всего данных полагать, что эти предметы связаны с культом огня 108. Мы склонны думать, что эти предметы являются частью зороастрийского ритуала, имевшего в Чуйской долине видимо своеобразные местные черты. Описанные предметы, независимо от их функций, богато орнаментированы, а подчас довольно реалистично. Орнамент на этих предметах крайне разнообразен. Техника орнамента — резьба, тонкие линии или небольшие черточки. Так, например, часто туловище животного покрыто черточками, имитирующими шерсть животного. Кстати укажем, что такой прием трактовки шерсти имеет свое наибольшее распространение в Восточном Туркестане. Наиболее обширные аналогии могут быть указаны в Хотанской терракоте, в собраниях Свен Гедина 109. Помимо растительного и геометрического орнамента на этих предметах имеются и геральдические изображения живых существ — фазаны и козлы, так на одном предмете имеется парное изображение фазанов, расположенных симметрично по двум сторонам стоящего в центре дерева. Сюжет рисунка, его трактовка, целиком и полностью воспроизводят рисунки на сасанидских тканях VI—VII вв., известных как по находкам в Иране, так и из Восточного Туркестана (Астана). К этой группе предметов тесно примыкают крышки от сандалов и статуэтки, часть которых видимо является ручками этих крышек. На крышке имеется также резной орнамент. В одном случае сферическая крышка разделена на четыре арочки, в каждой из которых изображена, техникой барельефа, сцена борьбы горного козла с фазаном. Сцены борьбы зверей весьма архаичны по своему происхождению и, как правило, восходят еще к традиции развитого скифского звериного стиля. В наших предметах мы наблюдаем лишь поздние реплики древних сюжетов. В этой связи большой интерес представляют изображения сцены борьбы зверей на дне чаши одного достархана. Здесь изображена сцена борьбы двух хищников — льва и барса, что несколько противоречит скифским сценам, где всегда в парных сценах фигурируют хищник или фантастическое животное, — нападающее на травоядное. В разбираемом изображении барс попирает передней лапой хребет льва и стремится его укусить. Лев явно слабеет под ударами барса, спина его сильно прогнута. Расшифровка этих сюжетов представляет большие трудности, ввиду сравнительной немногочисленности этой тематики для территории Северной Киргизии.

Однако, любопытно отметить, что горный козел, изображенный на крышке сосуда, скорее всего является тотемом местного населения, в то время, как фазан является испокон веков священной птицей иранцев. В аналогичном положении и барс, который, судя по многочисленным данным древне-тюркских текстов, является тотемом древне-тюркских племен. Господствующее положение в обоих случаях местных тотемов, горного козла и барса, быть может является отражением той политической реальности V—VII вв., когда иранское население и его идеология фактически находились в политическом подчинении от тюркских племен. Отметим, что изображенный на антропоморфных статуэтках тип в основном иранский. В этом отношении большую ценность представляет находка статуэтки изображающая старика с бородой, с выступающим носом и впалыми глазами. Аналогичный тип изображен и на одном сосуде. Сосуд имеет цилиндрическую горловину и выпуклое туловище. По горловине имеется изображение такое же иранского типа с выдающимся носом, с впалыми глазами,

с длинной бородой. На лбу изображена повязка, украшенная орнаментом в виде углов с точками в середине. Тулово сосуда является одновременно туловищем старика. Руки его сложены на животе и видимо что-то держали, но здесь часть сосуда отбита. Характерна аналогическая поза на одном бронзовом амулете, в виде мужской фигурки, держащей в руках фаллос. На голове этой фигурки имеется петелька для подвешивания. В ряде случаев изображения людей сделаны довольно карикатурно, но все же имеют несомненно реалистическую основу.

Часть изображений явно воспроизводит мифические образы Иранского Востока. Таковы изображения некоторых животных (фазан) и одна голова с мужским лицом. На голове выступают три зубца, имитирующие корону. Глаза и рот оконтурены валиками, рот открыт, рельефно переданы усы. Тип изображаемого весьма напоминает изображение иранского мифического образа Зохака 110. Часть изображений имеют человеческое лицо с туловищем животного — быть может стилизация Гопатшаха 111. К памятникам согдийской культуры относятся и находки кибиткообразных оссуариев, обнаруженных на трассе БЧК. Так, у с. Ивановское были найдены оссуарии, овальные в плане со сферическими крышками. Крышки имеют ручки, причем, в одном случае на крышке наклеплено изображение беркута с колпачком. Ноги беркута прочерчены резцом на самой поверхности крышки оссуария. Фасадные стенки оссуария заполнены разным орнаментом, а по краине идет обычно витой жгут. На одном оссуарии, найденном в районе строительства на территории Кенбулунского кирпичного завода, имеется прорезной орнамент в виде двух цветочных шестилепестковых розеток, а бордюр оссуария украшен орнаментом в виде сасанидских «городков». Некоторые оссуарии имели налепы. Так, нам известна случайная находка из Баласагунского некрополя, представляющая собой статуэтку в виде мужской фигурки, держащей в руках чашу несколько удлиненной формы (быть может свиток). Фигурка весьма напоминает по композиции каменные изваяния — «балбалы», но портрет ближе к буддийской терракоте. Наряду с только что перечисленным материалом, могут быть отмечены и произведения явно не местной работы. Таков например, штамп для оттиска человеческого лица, в пышном головном уборе, явно воспроизводящий портрет сасанидского царя. Большой интерес представляет изображение лица буддийского типа под ручкой сосуда, найденного в Сукулук. Лицо имеет характерные буддийские черты с головным убором северо-индийского типа. Налеп сделан на сосуде весьма характерной формы с плавно изогнутой ручкой. Поверхность сосуда покрыта светло-желтым лощением. Такого типа сосуда известны по раскопкам сасанидских слоев VI—VII вв. на Кафыр Кале под Самаркандом, а серебряный сосуд такой же формы был найден в кладе вещей у с. Покровское около г. Фрунзе и датируется тем же временем (VI—VII вв.) 112. Уже из этого краткого обзора следует, что на трассе канала БЧК имелось большое количество памятников согдийской культуры, детальное изучение которых дает полное представление о культурной роли здесь согдийского населения. Однако, в процессе сложения и развития здесь культуры V—VII вв., равно как и последующих веков, существенное значение имеют и другие компоненты — это влияние Византии, а затем, несколько позднее — Китая. Хорошо известно, что в VI в. территория Семиречья, в том числе Северная Киргизия, попадает в орбиту Византийских влияний. Единичными свидетельствами этих связей археология Семиречья уже располагала. Однако, на трассе канала, в том же Сукулук, были найдены новые подтверждения — два электронных брактеата, являющиеся оттисками с варварского подражания византийским монетам. В сочетании со случайными находками у с. Покровское, находкой восточноримского солида в Таразе, при учете византийского антика Восточного Туркестана, особенно Кучарского оазиса (Фрески Кизила и Кум-Тура), эти находки имеют исключительно большой научный интерес, ибо они документируют и обогащают отрывочные факты письменных источников о широких связях с Византией, возникших в пору расцвета

западно-тюркского каганата. Значение западно-тюркского каганата для развития культуры Северной Киргизии крайне велико. Удачное начало деятельности каганата, особенно в конце VI и в середине VII в. обеспечило политические, а затем и культурные связи Северной Киргизии с обширной территорией от Енисея и Китая до Византии и Ирана. Следствием этих связей и явилось усиление, в частности, согдийских и византийских влияний. Сами тюрки, долгое время сохранявшие кочевой быт, сохраняли и своеобразную культуру, отличающуюся от культуры оседлых поселений. Трасса канала вскрыла ряд погребений тюркского времени. Из инвентаря погребений, сохранились части конской сбруи — удила с эсовидными псалиями, стремяна с узким подножьем и прямоугольной рамкой для ремня, большой набор всевозможных пряжек. Следует особо отметить находки костяных крупных пряжек для подпруги с подвижным язычком, мелкие бронзовые пряжки с овальной рамкой, подвижным язычком и фигурным основанием, украшенных герометрическим и растительным орнаментом. Особо должна быть выделена большая группа на ременных бляшек круглой, овальной, сердцевидной, полулунной и других форм, значительная часть которых также покрыта орнаментом. Как форма этих предметов, так и орнаментация их, имеют весьма близкие аналогии на Алтае и Енисее, что подчеркивает этническое родство кочевых насельников Северной Киргизии с указанными районами. Значительно слабее представлено вооружение. Например характерны стрелы почти квадратные в сечении, с вытянутой боевой частью и равным ей по длине черенком. Представляют интерес костяные накладки на среднюю часть лука, подчас богато орнаментированные резным, линейным и циркульным орнаментом. Из остальных предметов укажем на электронный брактеат, с изображением лица какого-то владыки, с явно монголоидными чертами, в пышном головном уборе типа тиары, находящегося в окружении сасаниидского орнаментального круга.

Посуда этого времени представлена котлообразными сосудами, с сравнительно прямыми стенками, со сплошными горизонтальными ручками, несколько поднятыми вверх. Поверхность и излом этих котлов серый, орнаментации почти нет, за редким исключением (витой жгут). Возможно, что к этому времени относится грубая, лепная керамика развитых форм с желтым лощением и виде стаканов с красным лощением, напоминающая собой керамику Ташкентского оазиса и кушанскую керамику Ферганы. Если для времени согдийской колонизации характерно влияние на Северную Киргизию Согда, Ирана и Византии, то с политическим возвышением тюрков резко увеличивается китайское влияние, впервые в полной мере выявляемое в эпоху усуней. Влияние Китая на Северную Киргизию, судя по историческим данным особо сильно оказывается с середины VII в. Успешная миссия Сюань Цзяня 630 г. явилась лишь звеном китайского культурного влияния. Успешные походы китайцев (Судинфан 654 г.) укрепляют политическое и культурное влияние Китая на Семиречье. В инвентаре тюркских погребений, вскрытых трассой БЧК и нашими раскопками, находились уже китайские монеты, имевшие хождение в «варварских» (для Китая) областях. Монеты эти чекана первой трети VIII в. т.н. «Кай Юань». Вместе с монетами широкое распространение получают китайские металлические зеркала. Местные ремесленники подражают китайским образцам. Характерны, например, местные подражания китайским зеркалам, отличающиеся более грубым изготовлением и отсутствием сложного орнамента на оборотной стороне зеркала, более того, в подражание китайским образцам местные правители выпускают бронзовую монету с именами местных тюркских правителей. Трасса БЧК вскрыла, главным образом, погребения тюркского времени (VI—VIII вв. н.э.). Наряду с захоронениями в оссуариях, могут быть отмечены трупоположения с конем, могилы, связанные с каменными изваяниями — балбалами. Особый интерес представляет одно изваяние, найденное у гор. Сарыга, изображающее мужской торс (голова отбита), левой рукой изображение держит чашу, а на правой сидит сокол. Такого

типа изваяние до сих пор было известно только одно. Следует отметить еще одно погребение, вскрытое трассой канала. Оно представляло собой захоронение человека сидя, с лицом обращенным на юг, рядом с ним лежал костяк верблюда и у правой руки находился весьма интересный сосуд. Сосуд грубой, ручной лепки, сделанный из ленточных полос, следы которых остались внутри (снаружи поверхность затера). На поверхности сосуда симметрично расположены изображения очень грубо выполненных фазанов, разделенных между собой треугольными фестонами. Этот тип погребения, точные аналогии которому нам известны, видимо является китайским, а по типу сосуда может быть довольно твердо отнесен к VIII в. н.э. Наряду с тюркским и согдийским населением в этих районах были китайцы и сирийцы. Последние, видимо, здесь были на положении рабов, о чем, например, говорит сообщаемый Сюань Цзяном факт о насильном приводе сюда военнопленных китайцев. О рабстве говорит и другое сообщение, приводимое китайским источником. Так сообщается, что по реке Чу имеется «несколько десятков тысяч тюркского войска, но под другим названием. Землепашцы вообще ходят в латах; захватывают друг друга в неволю; они принадлежали на западе городу Талас» 113. Наряду с поселениями в виде укрепленных домов в Чу и Таласе были укрепленные города — ставки тюркских каганов. Одним из таких городов являлся Суяб (Новороссийское городище на р. Чон-Кемин) и Талас 114. В городах укреплялась господствующая верхушка каганата и согдийских дехкан, объединенно управляющих государством. О тесных связях кочевников-тюрков и знатных согдийцев неоднократно говорят источники. Так, например, согдийский владетель Гюймучжи был женат на дочери западно-тюркского кагана 115. Этот объединенный брак кочевой аристократии и согдийского дехканства осуществлял управление краем на основе рабовладельческих форм ведения хозяйства.

В составе кочевников господствующее место занимали тюркские племена, объединившие под своей властью все местные племена и ассимилировавшие их. В состав западно-тюркского каганата входили древние племена усунь, окончательно потерявшие в каганате свое древне-этническое наименование и выступающие по мнению многих авторов под именем племен нушиби 116. Последнее название является именем союза пяти племен, занимающих междуречье Талас-Чу. Видимо, что в состав союза Нушиби входили и древние племена юебань, носящие теперь наименование чубань и в составе других Чуйских племен (Чу-е, Чу-ми и др.), образовавшие союз нушеби, усуньский по своему происхождению 117. Пять других племен составляли союз дулу и жили в междуречьи Чу-Или. С ними соседствовали с востока племена карлуки, а с севера — тюргеши 118. Изучение населения западно-тюркского каганата показало, что они принадлежали к той группе тюркских племен, с которыми теснейшим образом связано происхождение современных казахов и киргизов 119. Этнически они отличались от своих восточных соседей — тюрков Монголии. Таким образом, западные тюрки, составившие к концу VI века самостоятельное государственное образование с политическим центром в Чуйской долине, представляли собой этнически особое явление от восточных тюрков. В области экономической они отличались большой связанностью с оседлым земледельческим хозяйством, что наложило свой отпечаток и на их культуру, находившуюся под сильным влиянием согдийской культуры.

Таким образом, известный нам археологический материал и сведения письменных источников, главным образом описания Сюань Цзяня, позволяют нам охарактеризовать кочевников Киргизстана, их социально-экономический строй и культуру. Во главе западных тюрков стоял хан, носивший титул «джабгу-каган» 120. Титулом Джабгу — ябгу — выражалось его происхождение и номинальные, а иногда и фактическое подчинение восточным тюркам. Каган западных тюрков в отличие от других кочевников, жил в шелковом шатре, носил шелковую одежду, голову, вернее лоб, повязывал шелковой лентой, охватывающей в несколько рядов голову, концы которой ниспадали

на спину. Существенным отличием его от остальных кочевников было так же то, что каган сидел обычно на троне 121. Ближайшими помощниками кагана были буюруки (исполнители его поручений) и тарханы (кит. дагань). Для сбора податей им назначились тутуки (кит. тутунь). Во главе покоренных племен ставились эльтеберы (кит. сылифа) и хуанду 122. Входящие в состав каганата племена выбирали из числа бегов своих управителей сыгиной и тахуаней, еще у каганов которые, возможно и были тюркскими буюруками, что отмечает Чжо Сюань цзян 123. Каган опирался прежде всего на свои личные богатства в виде сокровищ, накопленных во время войн и торговли, главным образом драгоценностей и шелка. Кроме того, каган владел стадами и рабами. Неоднократные военные походы давали в руки кагана эти сокровища и рабов, и целый ряд столкновений кагана с его подчиненными происходил из-за того, что каган обделял их при дележе добычи. Рабы могли быть использованы как непосредственно в его ставках, так и в городах, где принадлежащие ему ремесленники изготавливали для него всевозможные предметы. Не случайно поэтому ряд тюркских владетелей были в то же время и владетелями городов, а города являлись не только торговыми, но и ремесленными центрами. Судя по ремесленной традиции в предметах местного производства, рабы доставлялись из разных стран. Характерно, что тюркский каган подарил византийскому послу Земарху (568 г.) рабыню из племени кыргыз 124. Видимо среди тяньшаньских племен были и кыргызские ремесленники (об этом ниже). Власть кагана опиралась на знать племен — бегов, разделяющих с каганом доходы от военных набегов. Основным богатством племен были стада лошадей, верблюдов и овец. Об этом говорят и сообщения Сюань Цзяна и археологические раскопки. Каган был не только владетелем городов, но ему принадлежали охотничьи и пастбищные угодья. Так древние авторы называют принадлежащую кагану местность Мынг Булак 125. Кочевники одевались в кожи, меха, шерстяные и шелковые ткани. Одежду составляли кожаный головной убор в виде башлыка, кафтан, облегающий тело и перехваченный в поясе широкие штаны, заправленные в мягкие, безкаблучные сапоги 126. На поясе носилось оружие — слева меч, справа футляр для чаши, сумочка, а в ней огниво, шило и др., мелочь, справа же висел лук и колчан со стрелами. Кроме того, в руке держали обычно копье и знамена 127. Тюрки были все всадниками. Кроме коней употребляли для верховой езды и верблюдов 128. Вооружение все было железным, и бронза в это время была уже совершенно вытеснена. Ее использовали только для украшений (пряжки, накладки и т.п.). Жилищем кочевников была кибитка, однако, на зимовках, и таких ставках как Суяб, употреблялся и сырковый кирпич, для возведения небольших построек. Кибитки изготавливались из войлока, часто разукрашенного цветными аппликациями. Шелк, употребляемый для жилища, также разукрашивался затканными узорами — в основном цветами, видимо китайской работы. Кочевники были искусными кузнецами. Помимо вооружения из железа они изготавливали утварь и украшения из золота, серебра и бронзы. Утварь обычно делалась чеканной из листового серебра в виде больших чаш со сферическим дном и цилиндрических кубков со слабо выпуклым дном 129. Особый интерес представляют украшения из золота. Из Кочкорской долины известны пластины с ажурным орнаментом, где фантастические животные вплетены в растительную вязь. Техника и сюжеты украшений находят себе полную аналогию в произведениях этого же времени на Енисее 130. Всего вероятней, что они и сделаны енисейскими кыргызскими мастерами, которые сюда проникли в VIII–IX вв. (см. гл. V). К мастерству кыргыз относятся и рунические надписи верхнего Таласа, начертанные кыргызским руническим письмом 131. В этих надписях, поставленных на могилах покойных, говорится также как и в енисейских, о тех, от которых «ушел» — «отделился» покойный. Так обычно фигурирует жена «хатын» и сыновья. В одном случае сын назван наследником. Характерно, что в одной эпитафии упоминается «блестящее серебро» и «дары», коим придавалось большое значение. Эти надписи стоят на могилах небольших

князьков. Они передавали свою власть сыновьям как над своими владениями, так и над дружинниками огланами. Вот, например, одна из надписей: «Имя его Чур. От Вас тридцати огланов, от выгод и благ мира он отделился. Вам, деревянные мужа, Оглан Чур, наследуя остался. Жена его вдовой осталась» 132. Оглан Чур здесь несомненно сын покойного Чура, именем же Оглан, буквально сын, названы и его дружинники. О том, что такие князья имели свои владения, говорит и другая надпись: «Устроив свои владения, мое геройское имя Улун; от Вас я удалился). Жена его осталась вдовой. Его младшие братья Кара Барс и Огул Барс. В отношении своих товарищей (разучился)» 133. О деятельности этой знати достаточно ясно говорят и такие слова одного памятника «Я непрерывно ходил походом, на за границу и внутри государства. Я, Бег Чур сын, от выгод и благ мира я отделился. Сын его наследуя остался. Печальная вдова осталась» 134. Из этих надписей явствует военная жизнь этих владельцев и роль и значение богатств в его жизни. По стилю и структуре они почти идентичны енисейским эпитафиям, так, например, характерно употребление глагола «отделиться» (*adygulmaq*), распространено среди енисейских кыргыз имя — Барс, термин для младшего брата ини (*ini*), и т.п. О военной деятельности кочевников свидетельствует и небольшая надпись в урочище Чиимташ (Таласская долина), выбитая на скале 135. О торговле достаточно ясно говорит запись маршрута на деревянной палочке, найденной в урочище Нельды той же Таласской долины 136.

Руническое письмо бытовало здесь наряду с согдийским, сирийским и продолжало существовать вплоть до арабского, появление которого для этого района не следует ожидать раньше конца VIII, начала IX века 137. Религией кочевников был видимо шаманизм. Имеются сведения, что они отправляются на поклонение духам предков на Алтай 138. Сюань Цзянь отмечает, что тюрки поклоняются огню. Так, например, покойников часто предавали огню. Сжигали, главным образом, покойников знатного происхождения 139. Это же сообщают и византийские авторы, отмечающие, что Земарх прежде чем был допущен к кагану, прошел «очистительную процедуру между двумя рядами костров 140. Сюань Цзянь сообщает, что тюрки приняли буддизм, но вряд ли в это время они были ревностными поклонниками последнего 141. Большого распространения буддизм достиг среди оседлого населения Чуйской долины. Судя по одной надписи из Таласа, у кочевников был в употреблении 12-ти годовой животный цикл, когда каждый год носил название одного из животных 142. В культуре кочевников VI—VIII вв. проявляются многочисленные иноземные влияния 143. Выше указывались влияния согдийские (строительное дело, гончарство, письмо), енисейские (украшения из драгоценных металлов, письмо), китайские (чеканка монет, китайская манера в технике изготовления каменных баб, буддизм, шел и т.п.). Можно отметить и византийские влияния, документируемые не только письменными свидетельствами, но и находками серебряных сосудов у с. Покровки (около Фрунзе), сделанные явно на месте, но имеющие варварские подражания византийским клеймам ремесленников 144. Более многочисленные влияния западных стран на культуру западных тюрков объясняются их политической историей, к изложению которой мы теперь возвращаемся.

Политический расцвет западно-тюркского каганата последовал вскоре после отделения их от восточных тюрков, примерно в 600 годах, во время правления Нигю Чуло Дамань кагана. В это время не только Согдиана, но и Восточный Туркестан находятся в его руках, но не надолго. Китай, видя в нем нового соперника организует раскол в орде и вынуждает Нигю Даманя принять протекторат Китая 145. Только при Тун ябгу (вступил в 616 г.) покачнувшееся господство западно-тюркского каганата восстанавливается. Тун ябгу продолжает политику первых каганов. Он видит в организации грабежей соседних стран возможность уничтожения внутреннего политического кризиса, который к тому времени назревал. Подачки из богатой военной добычи могут временно успокоить нищающую рядовую массу кочевников 146. С этой целью Тун ябгу, известный у

западных авторов под именем Синджибу, вступает в союз с византийским императором Ираклием в борьбу против Сасанида Хосрова Парвеза, и его военные отряды принимают активное участие в наступлении хазар — 626—28 гг. на закавказские владения Сасанидов и доходят до города Тбилиси¹⁴⁷. Следствием этих взаимоотношений с Западом, является проникновение в долины Чу и Таласа вещей византийского происхождения или их варварских подражаний, например, подражание восточно-римскому солиду, найденному в Таразе или клад серебряных вещей из с. Покровки с варварскими подражаниями византийским клеймом. Западная ориентация войн Тун Ябгу вызывает необходимость перенести его ставку из городов-государств Восточного Туркестана, в Северный Тянь-Шань, в местности «тысяча ключей» (Минг Булак), в 75 км. к востоку от гор. Таласа. Всего вероятней, его ставка в это время находилась в районе Кулана (ст. Луговая). Тун Ябгу вводит ряд усовершенствований в систему государственного аппарата, обеспечивающего ему необходимую эксплуатацию населения. Владетели получают от него титул «Сылифа» (по-тюркски «эльтебер»), что выражало подчинение их его власти, а для правильного выполнения его распоряжений и собирания податей образуется институт тутуков¹⁴⁸. Завоевания Тун ябгу, конечно, не разрешили нарастающего кризиса. В целях предотвращения политического кризиса, ему приходится укреплять государственный аппарат. Обогащалась в этих войнах лишь правящая верхушка. Не случайно китайская летопись говорит, что он, полагаясь на свое могущество, был не очень милостив к подчиненным. Народ роптал и многие из них отделились. Его родственник Мохэду убил Тун ябгу¹⁴⁹. Эти раздоры внутри тюрков объясняются разрывом, который развивался между богатеющей в бесчисленных войнах племенной аристократией, составляющих особую корпорацию — эль и беднеющей массой рядовых кочевников, становящихся на положение кочевого плебса «кара будун», который во времена Тун ябгу попадал в тяжелое зависимое положение. Кочевая аристократия, базирующая свою мощь не только на основе узурпирования военной добычи, но и на эксплуатации рабов в системе своего кочевого и оседлого хозяйства (путем связи с последним через согдийскую знать), простирала свои жадные шупальцы и на свободную массу рядовых кочевников. Это вызывает как в восточном, так и западном каганате полосу восстаний, которые приводят восточный каганат к подчинению Китаю, а в западном — к убийству Тун ябгу и господству узурпаторов престола — временщиков-правителей.

Истоки крушения власти рабовладельческой знати кочевников раскрывает соответствующий тюркский текст на стене одного из знатных представителей каганского дома. Текст гласит: «после того, как младшие братья не были подобны старшему, а сыновья не были подобны отцам, то и сели на царство неразумные каганы, сели на царство трусливые каганы, все их «буюруки» были неразумны, были трусливы. Вследствие неверности кагану бегов и народа, вследствие подстрекательства и шпионства китайского государства и вследствие его прельщений, а также вследствие того, что они ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и бегов, — турецкий народ привел в расстройство свой до того времени существовавший эль и навлек гибель на царствовавшего над ним (до того времени) кагана. Китайскому государству стали они рабами со своими сильными сыновьями и со своими чистыми дочерьми. Тюркские беги сложили с себя свои тюркские титулы и, приняв как китайские знатные беги, китайские титулы, подчинились китайскому кагану. Пятьдесят лет отдавали они ему свои труды и силы»¹⁵⁰. Конец цитируемого отрывка из малой надписи Кюль Тегина относится уже главным образом к истории восточно-тюркского каганата, когда тюрки действительно пятьдесят лет (до 680 г.) были в подчинении у Китая. Первая половина текста целиком и полностью может быть отнесена к обеим частям каганата. Правда, в тексте все зло приписано Китаю, но совершенно ясно, что речь должна идти о внутренних силах развития тюркского

общества, что автор текста признает, но старается смягчить переносом центра тяжести на Китай. Вышецитированное сообщение китайского источника об убийстве Тун ябгу целиком и полностью позволяет перенести значение этой внутренней борьбы и для оценки соотношения классовых сил у западных тюрок. Особенности же экономического развития западных тюрок. Особенности же экономического развития западных тюрок позволяют привести сюда и силу городского плебса, значение восстаний которого уже было показано выше на анализе исторической деятельности Далобяня. Нет сомнений, что и сейчас эта сила имела определенное значение. Не вполне ясным остается значение рабов. Но и по этому поводу есть освоенные указания. Когда тюрки хотят выразить максимум своего социального падения, они говорят, что «стали они рабами» 151, наоборот, периоды своего подъема они характеризуют словами «наши рабы стали рабовладельцами, а наши рабыни — рабовладелицами» 152. Эти косвенные указания достаточно ярки для того, чтобы утверждать что в экономической базе тюркских каганатов немалую роль играли рабы, которые представляли грозную силу в качестве союзника оппозиционно настроенных к элю масс кочевников. Следствием такого восстания и явилось убийство Тун ябгу. Конец 30-х и начало 40-х годов является этапом междоусобных войн в западном каганате и смены правителей, ставленников племенной знати, сохраняющих в своих руках хотя бы номинальную власть. Характерен для этой поры интенсивный процесс разложения родового строя, в котором те или иные правители не могут уже обрести себе поддержку. Сыби каган Мохэду, который убил Тун ябгу, не смог удержать власти в своих руках. Племена уходили к западному наместнику Сы, господствующему видимо в Согдиане. Там стекались снова все оппозиционно-настроенные кочевники. Не только племена, подвластные Мохэду, но даже из рода Мохэду «мало по малу уходили», что вынудило Мохэду бежать на Алтай, где он и был убит 153. От политики демократических тираний времени Далобяня, кочевая знать переходит к формам деспотических управлений. Ослабленные постоянными войнами кочевников знать усиливает средства внутреннего закабаления, для обеспечения своего экономического и политического государства. Централизация власти, без опоры на знать родов и племен, не приводит к желаемым результатам. Все чаще и чаще дает китайская летопись отрицательные характеристики действиям каганов. Сменивший Мохэду каган Сы «был недоверчив, упрям и невеликодушен в управлении подчиненными. Малый каган Или (управляющий Илийским краем) оказал государству большие заслуги. Сы ябгу по клевете казнил его со всем родом» 154. Новый протест карабудуна сбрасывает его с престола и он, по примеру предшественников, бежит в Согдиану. Старейшины возводят на престол Карашарского владетеля под именем Дулу Нишу кагана (умер в 634 г.). О том, что западно-тюркский каганат находился в это время в состоянии упадка, говорит хотя бы тот факт, что в течение примерно 4-х лет сменилось 4 кагана. Уже в 634 г. правление Дулу Ниши сменяет его брат Шаболо Хилиши. Перед рабовладельческой верхушкой каганата встал во весь рост вопрос об упорядочении взаимоотношений прежде всего внутри орд кочевников. С этой целью Шаболо Хилиши делит кочевую орду на 10 частей, называемых «стрелами», и во главе каждого деления у племен дулу ставит правителей «чжо», а у племен нушиби — «сыгиней». Река Чу служила границей между племенами: «дулу жили на восток от Чу, нушиби — на запад. Эти племена известны в тюркских источниках под именем «Он ок будун», т.е. «десять стрелный», так же их называли китайцы. Это административное устройство племен и разделение территории, не разрешило тех неурядиц, которые были в орде. Наоборот, они способствовали известной автономизации племен, и в связи с этим наряду с одним каганом выдвигались другие. Так при Шаболо Хилиши на 4 году его правления выдвинулся уже Иби дулу Юйгуше каган (638 г.), вступивший немедленно в войну с Шаболо Хилиши. Договором на реке Или были размежеваны сферы действия и влияния обоих каганов. К востоку были владения Шаболо Хилиши, на запад — Иби дулу 155.

Таким образом, Чу и Северная Киргизия находились под владычеством Иби дулу. Но это размежевание было ненадолго. Хилиши в конце концов бежал в Фергану, где и скончался в 639 году. С этого времени политическая жизнь каганата вращается вокруг борьбы двух властителей западно-тюркского каганата, между Иби дулу и каганом Иби Шаболо, занявшего место Хилиши после его смерти и смерти его сына в 639 г. Силы обоих каганов несколько возросли после того, как Иби дулу покорил на востоке киргиз и племена бома, а к иби Шаболо примкнули владения Восточного Туркестана (Куча, Лоу-Лань, Цзюймо, Карашар), тохары (видимо тохаристанские карлуки) и владения Согдианы (Ши, Шы, Хэ, Шу и Кан). Владения Иби Дулу, расположенные по Тянь-Шаню и р. Чу, оказались в окружении орд Иби Шаболо, который даже свою ставку расположил в 641 г. по северную сторону р. Чу, к востоку от Или, где-то в районе Заилийского Алатау. Несмотря на это окружение, активные действия Иби дулу разбивают эту блокаду. Один из тутуков Иби Дулу убил Иби Шаболо и номинально овладел подвластными тому территориями. Не подчинились ему таласские племена Нушиби. Иби дулу сам становится во главе войск, овладевает на западе Тохаристаном и производит набег в Хаши (Ичжоу). Во время этих походов Иби Дулу Госяока китайский наместник в Восточном Туркестане временно овладел Тянь-Шанем. Иби Дулу пытается вернуть себе Тянь-Шань организацией похода Чуйских племен (Чуюе и Чужи), но Госяокэ взял город сыгиня племен Чуюе у горы Гесо (?) и покорил племена Чуми. Успехи Госяокэ вынуждают Иби Дулу ориентировать походы на запад, где он успешно завершает поход разгромом в Согдиане и племен Дао ми. Потерю территории Иби Дулу пытается компенсировать пленными согдийцами. Из богатой добычи, как говорит Таншу, он всех пленных взял себе, а не уделил подчиненным. Полководец его Нишу Чжо рассердился и отнял свою часть»¹⁵⁶. Казнь повстанца не укрепила авторитет Иби Дулу, и он вынужден был не возвращаться в свои владения, тем более, что последние находились под угрозой китайских войск. Переправившись через реку Е (Зеравшан), он дошел до владения ШИ (одно из владений Согдианы — Кеш в долине Кашка-Дарьи) ¹⁵⁷. Под влиянием выступающих против него кочевников, он обосновывается в городе Байшунху. Оставшиеся племена возводят на престол, с согласия Китайской империи, Иби Шегула в 642 г. Племена Нушиби, по указанию нового кагана, выступают осаждать город Байшунху, где укрылся Иби Дулу. Эта военная операция кончилась для Нушиби неудачей. Однако племена все же не пошли к Иби Дулу, заявляя: «пусть убьют на войне, сказали ему, всю тысячу человек, а останется один, то и тогда не пойдём к нему» ¹⁵⁸. Этими словами весьма ярко иллюстрируется отношение кочевников к своим каганам. Не видя поддержки со стороны кочевников, Иби Дулу удаляется в Тохаристан. Во время преследования Дулу Иби войсками иби Шегула, в тылу последнего возникает восстание племени Чуюе, Чуши, Гусу, Гэлолу и Нушиби, под предводительством Хэлу, владельца Таласа. Хэлу получила поддержку Китая и овладел всеми землями, которые ранее принадлежали Иби Дулу, скончавшемуся в 653 году. Ситуация, создавшаяся в орде, более всего способствовала успешному выступлению Китая для активного вмешательства в дела кочевников западно-тюркского каганата. В год смерти Дулу из Китая выступает китайская армия под предводительством Ченьчжицзе, передовым отрядом которого командовал Судинфан. В 654 году были разбиты войска племен карлуков в Чуне. Вслед за этим пала ставка племен Чумугунь. В 654 г. Судинфан выступил на Алтай, племена которого покорились без боя и подошел к или с западной стороны, где вскоре разбил племена Чумугунь. Успехи Судинфана требуют активного выступления. Хэлу удается собрать войско в 100.000 человек из кочевых племен Таласа, Чу и Или и окружить войско Судинфана. Техника войны китайских войск была в это время очень высокой. Комбинируя защиту фалангами пехоты и обход конницей Судинфану удалось разбить войско Хэлу. О потерях Хэлу говорят цифры: убито и взято в плен 30.000 чел., а старшин взято 200 чел. Пять племен Нушими покорились

Судинфану, а Дулу отступили. Войска Судинфана дошли до Таласа. Кочевники с каганом Дулу отступили к р. Или, но не устояли, и Судинфан вновь их преследовал от р. Или до Чу. Бегство Хэлу в Согдиану (владение Ши, город Суду) не спасло его. Он был выдан китайским властям владельцем города Ине-дагань. Земли, прежде ему принадлежащие, были разделены на пять префектур. Всего в Семиречьи создаются две префектуры — Гуньяинское и Хаочиское. Ашина Мише был поставлен управлять пятью племенами Дулу, а Ашина Бучжень — пятью племенами Нушиби 159. В состав этих наместничеств были включены и тюргешские племена. Карлукские племена, видимо, оставались свободными. Установление наместников из среды кочевников не обезопасило Китай от их смут В 660 г. Судинфану приходится снова выступить против них, ибо они в союзе с Кашгаром помимо воли каганов разбили Хотанское владение. Вскоре Китай казнил и этих своих ставленников и начал полновластно распоряжаться судьбой племен в Семиречье. Временно спасает положение назначенный Китаем наместник из тюрков, по имени Дучжи, который в 676—678 гг. объявляет себя правителем всех десяти племен западных тюрков. Кратковременное правление Дучжи (был взят в плен в 679 г.) имеет чрезвычайно большое значение для истории Средней Азии и восточного каганата 160. Дучжи в первый же год своего царствования заключил договор с Тибетом и выступил против Китая в провинцию Ань-си. Выступление Дучжи произошло в то время, когда в Среднюю Азию вошли арабы (взятие Мерва в 651 г.), а на севере Центральной Азии произошло объединение тюркских племен и успешное их выступление против Китая. Начавшееся вместе с выступлением Дучжи восстание тюрков оканчивается их победой в 682 г. и созданием II го восточно-тюркского каганата. Выступление Дучжи отвлекло силы Китая от событий в Центральной Азии, и послужило преградой для активного выступления китайцев в Среднюю Азию. Последняя успешно завоевывалась арабами. Средняя Азия не могла оказать активного сопротивления, поскольку ее владения были истощены войнами. Этими двумя фактами и определяется историческое значение выступления Дучжи. Выполняя эту историческую роль, семиреченские тюркские племена, в том числе и племена Киргизии, сами были крайне истощены всеми этими войнами. Не случайно, что сами китайцы пишут, что «с этого времени (679 г.) десять племен (дулу и нушиби) больше всего ослабели» 161. В последующие пять лет существования каганата сменилось шесть каганов. Главной чертой деятельности этих каганов является укрепление коалиции тюрков с Тибетом, что имело то же международно-политическое значение, что и при Дучжи. На политическую сцену начинают выступать племена, менее всего в прошлом участвовавшие в племенных междоусобицах — племена туциши — или тюргеши. В 704 году тюргешский предводитель Бага Тархан убивает в городе Кулане (развалины у ст. Луковая) последнего кагана западных тюрков Ашина Синь. С этого времени, т.е. с 704 года, власть в Семиречье, в том числе и на территории Киргизии, переходит в руки тюргешей 162. О тюргешах VIII века мы знаем только из китайских источников и некоторые сведения содержат древнетюркские тексты, при чем, эти сведения обрываются во второй половине VIII века 163. Тюргеши жили от Чу на северо-запад, вероятно в Прибалхашьи. Племя тюргешей было весьма многочисленным и состояло из двадцати делений по 7.000 чел. в каждом. Тюргеши стали выступать на политическую сцену еще в пятидесятых годах VII в., а с 699 г. начинают активно действовать в южном направлении. В 90-х годах VII века тюргеши заняли Суяб и перенесли сюда ставку Большой орды, на реке Или оставалась Малая орда тюргешей. При кагане Согэ особую силу приобрели желтые тюргеши, из которых происходил их каган, но это господство продолжалось недолго, с начала войны с одним из родовитых князей, и до неудачной войны с восточными тюрками и их каганом Мочжо (693—716 гг.). В тюркских источниках разгром тюргешей описан следующими словами: «В том же (711) году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую Чернь (Алтай) и переправясь через реку Иртыш. Тюргешский

народ мы победили и обратили в бегство. Войско тюргешского кагана пришло при Болчу (?), подобно огню и буре...» и далее «снова ворвавшись в ряды врагов, он (Кюль Тегин) схватил собственноручно «бююрука каган тюргешей, тугука азов. Их кагана мы там убили, его «эль» покорили. Но чернотюргешский народ весь откочевал вглубь страны» 164. Сообщение древне-тюркского текста подтверждает сообщение китайского источника. В последнем по этому поводу говорится: «...Согэ разделился с Чжену, злобствуя, что ему мало дано народа, откочевал и предался Мочжо. Он просил Мочжо употребить его вожаком при нападении на старшего брата. Мочжо удержал Чжену, а сам с 20.000 войска ударил по Согэ и взял его в плен. Мочжо по возвращении сказал Чжену: «Вы будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собою; можете ли с совершенной преданностью служить мне?»

И так обоих предал смерти»165. Откочевавшие кара-тюргешские роды после поражения тюргешей в 711 году остаются полновластными хозяевами Северного Притяньшаня. Во главе этих каратюргешских родов стал некто Сулу (от тюркского слова Сулук — красивый), сам объявивший себя каганом. При нем, каратюргешские роды весьма расширились и достигли численности до 200.000 человек (вначале тюргешы имели 140.000 чел.)166. В 717 году он завязывает дружественные отношения с Китаем, но сам их нарушает, снова возобновляя союз кочевников с Тибетом. Вследствие этого союза и похода против Китая (в частности, удачной осады города Аньсичен), Сулу получил большую добычу в виде хлеба, скота и людей. Биография Сулу повторяет судьбу многих каганов, его предшественников и современников. «Вначале – говорит Таншу — Сулу хорошо управлял людьми; был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным; поэтому роды были довольны и служили ему всеми силами. Он имел связь с восточными тюрками и тибетцами и оба выдали за него своих дочерей: поэтому он дочерей трех царствующих домов сделал ханшами, сыновей произвел в ябгу. Расходы ежедневно увеличивались, а запасов не было. В последующие годы он почувствовал скудность; поэтому награбленные добычи начал мало по мало удерживать, без раздела. Тогда и подчиненные начали удаляться от него» 167. В одну из ночей 738 года Сулу был убит. В этой краткой биографии Сулу отражен весь процесс нарастания противоречий между каганским родом и массой кочевников. Установление связи кагана с господствующими слоями других государств создает корпорацию, проникнутую единими стремлениями и целями в деле эксплуатации подвластных им масс. Полученные в войне сокровища и военнопленные удерживаются в их руках и наряду с владением сокровищ, каган и его приближенные становятся самыми богатыми рабовладельцами. Интересы рабовладельческой знати, естественно расходятся с интересами рядовых масс кочевников и наступает общественный конфликт, частным выражением которого является убийство кагана, иногда истребление всего его рода и возвышение новых родов и их ставленников. Осложняют эти процессы войны и вмешательство соседних империй, например, Китая. Играя на интересах той или иной оппозиции, он временами оказывал поддержку своим ставленникам и, хотя временно, но все же достигал господства на их территориях. Во время убийства Сулу такой поддержкой пользовался некий Мохэ Дагань (Бага Тархан), против которого выступают тюргешский каган Тухосянь Гуджо, живший в городе Суябе, и Живэй каган владетель города Таласа. Их выступление против Даганя относится к середине VIII века. Мохэ Даганю удается сколотить коалицию, в состав которой входили города западного края (Восточного Туркестана), племена тюргешей, Фергана, а также часть владений в Согдиане. Объединенные войска разбивают город Суяб и берут в плен Тухосяня. В то же время другая союзная армия кашгарцев под предводительством неких Фумы и Линча с Ферганским владетелем Арсланом выступают против Таласа, подвергают последний разгрому и убивают Живэй Кагана 168. Все эти государства покорились Китаю. Ставленник Китая Бага Тархан получает управление тюргешскими родами в 740 году

169. Во избежание возможного усиления тюргешей, у которых, впрочем, не прекращается борьба за престол, в 748 году Китай снова организует походы в северный Тяньшань, и полководец Ван Чжен сянь разоряет до основания Суяб. Частые междоусобицы тюргешских племен приводят естественно к их ослаблению, чем и воспользовались китайцы, господствующие здесь в 40 и 50-х годах VIII в. Во всяком случае, по китайским источникам уже в 741 г. китайском дворе докладывалось, что тюргеша покорились китайскому императору и единственным врагом Китая остаются арабы. По арабским источникам уже 737 г. был годом падения тюргешей, что они очевидно связывали со смертью Сулу. По данным Табари, последний тюркский каган жил в Невакете (с. Орловка, Чуйского района, Киргизской ССР). Этот каган причинил много вреда арабам, за что они его прозвали Абу Музахим «толкающийся», «бодающийся». Арабы сообщают, что тюркский каган был убит неким Курсулем, которого затем убили арабы в 739 г. Эти события как будто совпадают в основных чертах с сообщениями китайских хроник, в частности, о кагане Сулу и его убийстве Мохэ Даганем, но если Мохэ Даганя принимать за Курсуля, а сулу — за Абу Музахима, то получается расхождение (правда небольшое) в датах. Собственно до сих пор неясно правил Дагань у тюргешей до 742 г. или 766 г. Военные перипетии тюргешей привели к тому, что в 50-годах VIII века в северном Тяньшане наступила почти полная анархия. Арабы доходят до Таласа, где встречают сопротивление китайских войск под предводительством Гаосяньчжи. Арабскими войсками командует Зияд ибн Салих. В битве на Таласе, между городами Тараз (г. Джамбул) и Атлах (с. Солдатское) побеждают арабы и китайцы отступают. Ослаблением сил китайцев и тюргешей воспользовались карлуки, которые выступают на политическую арену в этой стране¹⁷¹. Карлуки, по китайски гэлолу¹⁷² обитали на северо-западе от Бешбалыка, к западу от Алтая. Они состояли из трех родов — Мэули, Чжиси, или Пофу и Ташили (последнее вероятно передача тюркского прилагательного Ташлык-каменные)¹⁷³. В 650 году они были наряду с другими тюрками под властью Китая. До VIII века карлуки сохраняли свою автономию, иногда принимая сторону то одного, то другого рода. В 745 году вместе с уйгурами и племенами басими (басмалы тюркских источников) они принимают участие в войне против последнего тюркского кагана Усумиши или по тюркски Оздыша¹⁷⁴. До своего вступления в Семиречье они находились под властью уйгур, но в 766 г. пользуясь создавшейся ситуацией в Северном Тяньшане, выступают против тюргешей, овладевают городами Талас и Суяб и становятся полновластными хозяевами страны, видимо вплоть до конца X века¹⁷⁵. Еще в 650 г. в войне Гаю Кань (Китай) с Чеби-ханом¹⁷⁶ подпали под власть Китая. Карлуки делились на три части — Мэули, Чжиси, Ташили. После того, как карлуки подпали Китаю, начальники аймаков были назначены правителями областей. После того, как они перекочевали на юг, они назывались «ябгу трех родов». Этот факт дал возможность Ф. Хирту отождествлять карлукские племена с упоминаемыми в древнетюркских текстах термином «угогузы». Китайцы высоко оценивали карлуков, говоря, что «войска их были сильны и склонны к войне». Впоследствии карлуки признали над собой власть уйгур — «Гэлолу и девять родов (карлуки и тогузогузы). Опять поставили уйгурского ябгу, известного под наименованием Хуайжень-хана». В период 742—765 гг. карлуки имели собственного ябгу и ездили пять раз в Китай. Социальная история совершенно не ясна по письменным источникам. Но видимо в их период происходит резкое изменение общественных и культурных явлений в Северной Киргизии. При тюргешах социальный строй страны мало чем отличался от предшествующего периода. Линия исторического развития, которую мы прослеживали с середины VI века, продолжалась свыше двух столетий. В истории Киргизстана этот период можно охарактеризовать как период политического господства рабовладельческой кочевой аристократии и согдийского дехканства, стремящихся к максимальному закабалению свободных масс кочевников и городского

плебса. Культура этого периода представляет собой яркое выражение идеологии этого лока при культурном преобладании согдийцев. Существенное влияние на политическую жизнь страны оказывал Китай. Однако, по существу, западнотюркский каганат, да и тюргеши, в основном сумели сохранить автономность и оградить страну от фактического порабощения ее китайцами. Даже создаваемые китайцами префектуры оставались фактически на бумаге. Сильнее политического господства китайцев, оказалось их культурное влияние. Не случайно, что тюргеши чеканя свою монету, используя согдийский шрифт, форму монет дают по китайскому образцу с четырехугольной дырочкой посередине 177. В это время завозилось обильное количество китайских изделий, находки которых не единичны в Северной Киргизии — например, характерны китайские зеркала. Лишь во времена Судинфана, да и в середине VIII века, китайцы осуществили в какой-то мере политическое господство краем, и то вынуждены были после битвы 751 г. ретироваться. Немалое влияние в начале создания каганата для Северного Притяньшанья — имели восточные тюрки в конце VI века. Политическое вмешательство восточных тюрков относится к началу VIII века, когда каган Мочжо в 711 г. воевал с тюргешами и вероятно в 712 г., когда он прошел эту территорию, двигаясь на помощь к согдийскому ихишиду Гуреку в Самарканд, для оказания ему помощи против арабов 178. История западно-тюркского каганата и тюргешей целиком и полностью связана с Северной Киргизией, на территории которой, по долине р. Чу, были их ставки. От Суяба до Таласа, вся эта полоса предгорий являлась родиной наиболее политически активных племен и родов VI—VIII веков. Однако история западно-тюркского каганата и тюргешей VI—VIII вв. одновременно является частью истории как всей Средней Азии, так и Восточного Туркестана, Северного Афганистана и ряда других соседних стран. История племен Киргизстана в эту эпоху есть проявление рабовладельческой формации, которую переживали народы Средней Азии. Однако о Южной Киргизии этого времени, как и предшествующего времени трудно что либо сказать. Единственные данные, которыми располагает наука, это сведения

о

Фергане.

Фергана в это время носит у китайцев название Нинюань 179, но китайцам было известно и имя Ферганы, которое они транскрибировали Боханья. Если в предшествующую эпоху столицей края была Гуйшань (вероятно Касан), то в VI—VIII вв. китайцы называют столицей город Сигинь (?), на реке Чжань-чжу. Фергана имеет 6 больших городов и около 100 малых. Наличие большого количества поселений говорит об оседлости населения, занимающегося земледелием, ремеслом и горнодобывающей промышленностью, которой славилась Фергана и в позднее время. До середины VII века Фергана находилась под властью потомков кушанских владетелей и носила еще одно название, вероятно, по имени рода владетелей. Так же, как и согдийские владетели, они происходили от Кушанского рода Чжаову 180. Титул владетеля был Алиги или Алици. Резиденция Алици имела около 4 ли (2 километра) в окружности. Символом власти был золотой трон Алици в виде барана, а его супруга носила золотой венец. Для VI века указывается на богатство страны киноварью, золотом и железом 181. К середине первого тысячелетия н. э. можно отнести значительную группу археологических памятников Южной Киргизии — городища и тепе (например, городища Чач Тепа, Кашгаркишлакское, Кургашин Тепа и др.). Приведем описание этих памятников. Городище Чач Тепа (около Оша) представляет собой четырехугольник, ориентированный углами по сторонам света. Длина валов колеблется от 120 до 210 м. В центре юго-восточного вала находится цитадель высотой до 6 м. Средняя высота вала 1.50 м. Таким образом цитадель возвышается свыше 4 м. над высшей точкой вала. Цитадель имеет четко выраженную коническую форму без всяких следов и площадок и возвышений. Внутри городища нет никаких следов построек, хотя следует отметить, что ныне центр городища весь распахан. Подъемный материал на городище Чач Тепа

представлен мелкими обломками керамики двух типов, домусульманского времени: тонкая керамика красного лощения от профилированных сосудов и грубая, с известковой примесью светложелтого цвета невысокого качества. Формы керамики по собранному материалу установить трудно.

Другой тип городища представлен Кашгаркишлакским городищем. Оно находится между южной окраиной с. Кашгаркишлака и полотном железной дороги. Представляет собой неправильных очертаний прямоугольник, ориентированный углами по сторонам света. Длина стен: СВ-125 м., СЗ-215 м., ЮЗ-135 м., ЮВ-170 м. В юго-восточной части городища находится неправильной формы, приближающееся к прямоугольному, возвышение, приподнятое над плоскостью двора городища до 2 м. Его наибольшая длина 110 м., ширина на северном участке 95 метров, а на южном 85 м. Почти в центре юго-восточной стены находится цитадель с диаметром до 25 м. при высоте до 5 м. Возвышенная часть, представляющая собой руины древних зданий, расположенный, видимо, довольно компактно, изрыта поздними могилами. Выброс из этих могил дал большое количество материала, основная часть которого домусульманская.

Несмотря на исключительную фрагментарность, подъемный материал с. Кашгаркишлакского городища представляет несомненный интерес. Он делится на три группы: 1) архаическая керамика, с примесью дресвы, сферических сосудов со следами затирки поверхности желтого цвета; 2) тонкая высококачественная керамика красного интенсивного лощения; 3) обломки грубой мусульманской керамики (неполивные и мелкие фрагменты поливной). Характерной чертой первых двух типов керамики является почти полное отсутствие орнаментов на поверхности сосудов. Исключением является 2-3 фрагмента грубой керамики, с прочерченными линиями, образующими в одном случае угол, в другом параллельные полосы. На двух фрагментах от крупных сосудов (толщ. стенок в одном случае 10 мм., в другом 15 мм.), архаического облика, с сильно отогнутой закраиной, имеются следы росписи красками по затертой до слабого лощения поверхности. Ниже мы возвратимся к анализу подъемного материала. Следующий тип городища представлен городищем Кургашин тепа, расположенный в 13 км. к югу от шоссе Ош-Карасу на территории колхоза им. Фрунзе. Городище расположено на естественном лессовом холме, отрезанным от террасовидного уступа (по которому проходит шоссе и жел. дорога) глубоким рвом. Центральная часть городища (шахристан) в основе имеет четырехугольник, укрепленный стенами, ориентированный сторонами по странам света. Длина сторон в среднем 100 м. В юго-западном углу находится цитадель размером 35x30 м. Цитадель отгорожена от остальной части городища валом, идущим с юга на север. Во дворике около цитадели расположен хаус. Другой хаус, больших размеров, расположен в центральной части городища. Вокруг центральной части городища, имеются следы второго вала, ныне сильно разрушенного арыками. Центральная часть городища, как обычно, занята поздним мусульманским кладбищем. В подъемном материале Кургашин тепа намечаются также три группы керамики, что и на Кашгаркишлакском. Также как и там, до мусульманская керамика здесь в значительном количестве. Кургашин тепа весьма эффективна. Стены сохранились значительно высоко, в районе цитадели до 10 метров и представляют собой сравнительно развитую форму замка, видимо, позднее использованное под мусульманское поселение. Примерно, в 3 км. на восток от него находятся развалины Берю тепа, в 4-х км. на юг — Ак тепа. На юго-западе расположены еще два городища. Вообще район нахождения Кургашин тепа весьма насыщен памятниками старины, причем, основную массу здесь составляют два типа тепе, к описанию которых мы и переходим. Основная масса тепе представляет собой развалины отдельного укрепленного дома, в одной какой-либо стороне прямоугольного двора. В свою очередь такой дом стоит обычно на одном из естественных холмов — адыре. Укрепленные дома обычно удачно стратегически расположены, возвышаются над окружающей местностью, а

главное, над оросительной системой. Таковы, например, Шалтакские тепе расположенные к югу поселка Шалтак, стоящего к востоку от дороги Ош-Хоог, на правом берегу Талдык-Су, среды адыров, являющихся конечными отрогами Туркестанского хребта и водоразделами между Талдык-Су и Хуршабом. Главное тепе (южное) такого же типа, как мы только что описали. Размер его 25—60 м. при высоте дома 7—8 м. К северу и западу от него стоят конусовидные тепе без дворики. Судя по керамике (красное лощение), все эти тепе одновременны, причем, конструктивное центральное тепе с двором является замком, с которым связаны были и остальные постройки. Аналогичное соотношение и среди тепе в 4 км. от Памирского тракта. Их отличием от Шалтакских является то, что тепе стояли на искусственно подрезанном адыре, образующем стилобат постройки. Как показал осмотр одного из тепе, стоявшего на поле (12 км. дороги Ош-Карасу), эти конусовидные и сферические тепе являются развалинами одиночных, неукрепленных жилищ, причем, культурные напластования, которые нам встречались в них, идут от двух эпох. Во-первых, пласт с архаической крашеной керамикой, во-вторых, пласт с лощеной керамикой. Во всех осмотренных тепе нам не встретилось мусульманской керамики. Наиболее характерных из этих поселений тепе типа Шалтак, которые приходят на смену более древним тепе даваньского времени. При завоевании Ферганы кушанами появляется новый тип поселений, бытующий всю первую и начало второй половины I тысячелетия н.э. Это укрепленные дома — замки типа Шалтак. О том, что эти тепе являются замками, показывают наши исследования тепе в Северной Киргизии 182 и А.Тереножкина в Ташкентском оазисе 183. Керамика с этих тепе — тонкостенная посуда красного лощения, — как показали наблюдения М.Массона в Фергане 184 и раскопки Г.Григорьевым городища Тали-Барзу 185, относится ко времени кушан и поэтому именуется нами кушанской культурой. К ним, по нашему предположению, относится посуда I/IV и VII групп по классификации Д.Жукова 186. Тип расселения в укрепленных домах по наблюдениям С.Толстова на памятниках Хорезмского оазиса соответствует рабовладельческому способу производства в Средней Азии 187. В основе этого городища лежат постройки типа Чач-тепе, но южная часть городища была затем застроена, перестроена цитадель, и в этом городище мы видим замок на площадке внутри даваньского старого комплекса. С таким же основанием к группе кушанских памятников надо отнести и Кургашин тепе и видимо «крепость» к югу от г. Оша на левом берегу Ак-Буры. Аналогичного типа поселения засвидетельствованы нами и в других районах Южной Киргизии (район Узгена, Хуршаба, в Джалал-Абадской области и т.д.). Исследователями Ферганы аналогичные поселения зафиксированы в большом количестве и в Узбекистанской части долины. Часть из них подверглась небольшим раскопкам. Одно из таких городищ (в районе Кургая), показало, что оно составлено земледельцами, возделывающими ячмень и пшеницу. Возможно, что им была известна и культура абрикоса 188. Для этого времени характерно появление ручного гончарного круга и в связи с этим улучшение качества керамики. В быту еще широко применяется ручная зернотерка, вращающегося жернова нет. Оросительная система базировалась на весенних потоках и мелких горных речках — устройство магистральных каналов из больших рек не было еще известно. Описанные тепе являются укрепленными замками рабовладельческой аристократии кушано-тюркского периода. Вокруг замков концентрировались либо неукрепленные дома зависимых, либо родовые поселки, обведенные валом, где прежде всего укрывались жители сельских мест со своим скотом, во время набегов иноземцев. Кушанское господство в Фергане кончается в 627—649 гг., когда владетель Ферганы Кибби был убит западнотюркским владетелем Ганьмохэду. Поток тюркских племен Тянь-Шаня приводит к тому, что Фергана начинает все более и более отторгиваться. Между 649—656 гг. в Фергане одновременно властвуют, как последние представители кушанских династий — Аляошень в городе Хумынь (?), так и представитель тюркских родов (род шуниши из

конфедерации дулу) по имени Ебочжи, живший в городе Гесай, впоследствии переименованном в город Хюсань. Ебочжи завязал непосредственные связи с Китаем в 656 г. и был признан китайским императором в качестве владетеля края. При Ебочжи Аляошень принимает вассалитет по отношению к Ебочжи и назначается владетелем города Хюсань. Политическая власть переходит в руки тюркских племен, вышедших из западно-тюркского каганата. Как уже указывалось выше, в 739 г. Ферганский владетель Арслантаркан участвует в военной коалиции против Тухосяня и величает себя владетелем Таласа, Якакента и других городов. Упомянутый Арслан Таркан был сам манихейцем и происходил из рода чигиль, жившего, как нам известно, по берегам Иссык-Куля. Его полное имя было Арслан Эль Тиргюгали Бургучан али Таркан бег 189. Совершенно очевидно, что Фергана и в VIII в. была под властью Тяньшанских тюркских родов — Чигилей. Арслан получил от китайского императора княжеский титул за успешную борьбу против Тухосяня. Последующие владетели Ферганы получили титул Дэу, сама Фергана переименовывается в область Нинюань и Ферганские владетели, путем брака с китайскими княжнами, укрепляют союз с Китаем. Характерно, что еще в 742 г. (?) владетель Ферганы Чжун цзе отправляет своего сына Сеюй в Китай 190. На этом обрываются наши сведения о Фергане VI—VIII вв., продолжение которых содержится уже не в китайских, а мусульманских источниках (см. гл. X). Важнейшим итогом этого периода для Ферганы является постепенное отюречивание населяющих ее племен, силами тюркских народностей, племенами из конфедерации дулу и чигилями. В этом отношении играют активную роль племена Киргизстана в деле сложения в Фергане народностей тюркского типа, являющихся предками современного населения. В конечном счете, причиной тюркизации Ферганы было историческое развитие западно-тюркского каганата, хотя она долгое время сохраняла свою культурную автономность.

Примечания

- 84 А.Бернштам, Социально-экономический строй древнетюркского общества, VI—VIII вв. н.э. Турки в Монголии. Л., 1935.
- 85 А.Бернштам, Жужане и Тюрки. История СССР..., ч. IV, стр. 87 и сл.
- 86 E.Chavannes. Documents sur les Toukiue (Tures) occidentaux. SPB, 1903 г., стр. 242 и сл. (Гл. V. Zuttes des Turcs et des Romaines contre les Sassanides)
- 87 А.Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, КСИИМК, вып. VI, 1940.
- 88 А.Бернштам и С.Толстов. Тюрки в Средней Азии в VII—VIII вв. н.э., История СССР..., ч. IV, стр. 95 и сл.
- 89 Суйшу, гл. 84, И.Бичурин, 1, 276, Собрание сведений.
- 90 С.Толстов, Тирания Аброя. Исторические записки, III. М.—Л., 1939.
- 91 Нершахи, История Бухары, пер. А.Лыкошина, 12. Ташкент, 1897.
- 92 Нершахи, История Бухары, пер. А.Лыкошина, 13.
- 93 Y. Marqwart. Eranschahr nach der Geographie der Ps, Moses. Xorenaci. Berlin. 1901 г. Царь Mazk'itigyloxy (стр. 65)
- 94 W.Barthold. Die Alturkischen Ynschriften und Arabischen Quellen A.S.I.M. neue Folge.
- 95 См. о жекании нашу статью к семантике термина... сын. — Язык и мышление, т. 9, Л.—М., 1940, стр. 95—100.
- 96 Суйшу, гл. 84, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 341
- 97 Нершахи, ук. соч. стр. 12.
- 98 Да Тан Сиюйцзи, цз 1, л. 8 б и сл.: St. Yulien. Voyage de Hiaen-Thsang, Paris 1853, см. также S.Beal. The Life of Hiven-Tsiang. London. 1911. О культуре и социальном устройстве западных тюрков см. W.Barthold. Vorlesungen. 42 и сл.
- 99 А.Бернштам. К исторической типологии Чуйской долины, ВДИ, № 2, 1940 г. Ср. замечания о таких укрепленных домах в статье В.Гайдукевича. Укрепленная villa rustica на Темир горе. СА, № VII, М.—Л. 1941. О таких домах ср. также аналогии по Хорезму А.Тереножкин, Археологические развязки в Хорезме. СА, № 6, 1940; С.Толстов. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии. ВДИ, 1939, № 3.
- 100 Литература по этому вопросу очень большая. См. из последних статей статью А.Потапова. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. ВДИ, 2, 1938, а также статью Л.Борисова, К истолкованию изображения на бияпайманских оссуариях, (VI—VII вв.) ТОВЭ, т. II, Л. 1940 г.

- 101 Н.Марр, Сирийское происхождение найского dambaran (оссуарий), «могила», «склеп», ЗВО, т. XX.
- 102 В.Бартольд, К вопросу об оссуариях, Туркестанского края. ИРКИСА, № 8, 1908.
- 103 А.Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941 г., стр. 58.
- 104 А.Бернштам, Памятники старины Таласской Долины, Алма-Ата, 1941 г., стр. 21.
- 105 Об этом см. в нашей статье «Согдийская колонизация Семиречья», стр. 40. Ср. более поздние переживания сасанидских мотивов для этого района в статье Балашовой Г. Бронзовое зеркало со сценой охоты, ТОВЭ, т. 3, 1940 г.
- 106 А.Фрейман, Древнейшая согдийская надпись, ВДИ, 1939. 3, стр. 193.
- 107 А.Бернштам, Тюркешские монеты, ТОВЭ, т. 2, 1940.
- 108 С этим комплексом связаны светильники на высоких подставках, типа сасанидских аташданов. Об этом см. К.Тревер, Художественное значение сасанидских монет, ТОВЭ, т. 1, 1939, стр. 266 и сл.
- 109 См. статью С. Montell. Sven Hedin's archaeological collections from Khotan, 1. BMFEA, VII. Stockholm. 1935, табл. XVI.
- 110 Н.Дьяконова, Терракотовая фигурка Захака, (VII—VIII вв.), ТОВЭ, т. 3, 1940 стр. 193 и сл.
- 111 Н.Тревер, Гопотшах-пастух царь, ТОВЭ, т. 2, 1940. стр. 71 и сл.
- 112 О сосудах из с. Покровское см. стр. ОО. Сосуд Кафыр Калининского типа воспроизведен у г. Григорьева в статье «Городище Тали-Барзу». ТОВЭ, т. 2, 1940, стр. 101. Случайные находки византийских монет известны и на Иссык-Куле.
- 113 Таншу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. III, 245.
- 114 А.Бернштам, К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 2, 1940 г.
- 115 Таншу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, 239.
- 116 Н.Аристов, ук. соч.
- 117 Таншу, Ср. И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, 354.
- 118 См. карту приложенную к труду.
- 119 А.Бернштам, О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии, Сб: Памяти ак. Н.Я.Марра, Л. 1938 г.
- 120 А.Артамонов, Очерк древнейшей истории хазар. LIV, 1937.
- 121 Датан Сиюйцзи, цз, 1; P.Beal, ук. соч. стр. 42.
- 122 Суйшу, гл. 89; И.Бичурин, Собрание сведений..., См. стр. 267 и 341.
- 123 Сиюй цзи, цз 1, St. Yulien, ук. соч. Ср. А.Бернштам, Социально-экономический строй древне-тюркского общества.
- 124 Сообщено Менандром Протектором. См. «Византийские историки» пер. С.Дестуниса, СПб, 1861 г.
- 125 Да тан Сиюй цзи, цз, 1, St. Yulien. Voyage de Hiaen-Thsang.
- 126 Находки одежды тюрок известны по раскопкам Фетисова, ОАК за 1898 г. Архив ИИМК IV за 1898 г.
- 127 Да тан Сиюй цзи, цз 1, S.Beal ук. соч. 42.
- 128 Да тан Сиюй цзи, цз 1, S.Beal ук. соч. 42.
- 129 Собрание такой посуды хранится в Эрмитаже. См. А.Якубовский, «культура и искусство Средней Азии». Путеводитель по выставке. Л., 1940.
- 130 Воспроизведения хранятся в архиве ИИМК. Л.Евтюхова. С.Киселев. Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г. — ВДИ, 1939, № 4; Их же. Десятый сезон работ Саяно-Алтайской экспедиции. ИИМК и ГИМ. КСИИМК, № 3, 1940.
- 131 С.Малов, Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас, ИАН ОНН, 1929 г. № 10.
- 132 С.Малов, ук. соч.
- 133 С.Малов, ук. соч.
- 134 С.Малов, ук. соч.
- 135 С.Малов, Таласские эпиграфические памятники. Материалы Узкомстариса, вып. 6—7., 1936, стр. 17—38.
- 136 С.Малов, ук. соч.
- 137 С.Малов, Древнетурецкие надгробия...
- 138 Суйшу, гл. 89; И.Бичурин, Собрание сведений..., 270.
- 139 Сиюйцзи, цз, 1, St. Yulien. Voyage. ук. соч.
- 140 Менандр Протектор. См. перевод С.Дестуниса, СПб, 1861 г.
- 141 По его сообщениям тюркский каган принял от него буддизм, Сиюй цзи, цз, 1, S.Beal, ук. соч. 44. Ср. В.Бартольд, О христианстве в Туркестане в домонгольский период, ЗВО, РАО т. VIII, 1893—1894. СПб, 1894, стр. 1—32.
- 142 С.Малов, Таласские эпиграфические памятники.
- 143 Прекрасное сжатое изложение о культуре тюрок этой эпохи см. у W.Barthold. Vorlesungen uber die geschichte der Turken Mittel. Berlin, 1932. стр. 16. В частности В.Бартольд указывает на распространение манихейства, христианства, буддизма и зороастризма.

- 144 В.Городецкий. Серебряные сосуды из курганов села Покровского Пишпекского уезда, Известия Средазкомстариса, в 1, 1926. Mazulevic. Bizantike Antike Berlin und Leipzig. 1929 г. К.Тревер ошибочно занесла эти находки в памятники грекобактрийского искусства, см. ее. Памятники грекобактрийского искусства, М.—Л., 1940 г.
- 145 Суйшу, гл. 89; И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, 341.
- 146 Таншу, гл.; И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, 341.
- 147 E.Chavannes. Documents 253 и сл. А.Артамонов, Очерк древнейшей истории хазар. Л. 1937 г.
- 148 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 346.
- 149 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 348.
- 150 П.Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, ЗВО, РАО, т. XII, ч. II—III, СПб., 1900
Характеристику текста и эпохи см. А.Бернштам, Социально-экономический строй древне-тюркского общества; С.Толстов. Тирания Абря.
- 151 П.Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина.
- 152 Там же.
- 153 Таншу, гл. 140-б, И. Бичурин, ч. 1, стр. 349. Собрание сведений...
- 154 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 350.
- 155 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, стр. 351.
- 156 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 353.
- 157 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 353.
- 158 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 353.
- 159 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 360—361. Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. 1, 353.
- 160 А.Бернштам, Тюркские племена в конце VII и первой половине VIII в. История СССР..., ч. IV, стр. 480 и сл.
- 161 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, стр. 363.
- 162 Таншу, гл. 140-б, л. 18-б и сл. И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, стр. 366
- 163 См. тексты Кюль Тегина и Тоньюкука/ЗВОРАО, т. XII, АТ 1
- 164 П.Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина.
- 165 Таншу, гл. 140-б; И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, стр. 368.
- 166 Таншу, ч. 140-б; И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, стр. 368.
- 167 Таншу, гл. 140-б; л. 19-б. И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, стр. 370.
- 168 См. А.Бернштам, Памятники старины Таласской долины, стр. 30 и сл.
- 169 А.Бернштам, тюркешские монеты.
- 170 В.Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 87
- 171 В.Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 87; А.Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 79 и сл.
- 172 Если исходить из произношения Танского времени, то транскрипция целиком и полностью отвечает тюркскому произношению.
- 173 Hirth. F. полагал (DieNachworte zur Ynschrift des Tonjuquq) что карлуки еще назывались учугузы.
- 174 Cp. Ramstedt. Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei.—JSFOu. т. 30, 1913. стр. 15, см. его «Селенгинский текст».
- 175 Таншу, гл. 140-б, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. 1, стр. 372.
- 176 Чеби-хан имел ставку на севере Алтая, между 695-97 г. покорил карлуков и кыргызы. Кстати, из этого сообщения явствует, что карлуки и кыргызы находились в каком-то соседстве.
- 177 А.Бернштам, Тюркешские монеты.
- 178 А.Бернштам, Социально-экономический строй девретгурецкого общества, VI—VIII вв. н.э.
- 179 Таншу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. III, стр. 261.
- 180 Y.Marquart und de Groot. Das Reich Zabul und der Gott Zun vom 6-9 Jahrhundert, Festschrift Eduard Sachau zum Siebzigsten Geburtstage. Berlin. 1915.
- 181 Суйшу, И.Бичурин, Собрание сведений, ч. III, стр. 202.
- 182 А.Бернштам. Археологические работы в Семиречье. КСИИМК.
- 183 А.Тереножкин. Раскопки холма Ак-Тепе близ Ташкента в 1940. Изв. УзФАН, 1941, №3.
- 184 М.Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала. — ИИМК, № 4, 1940 г.
- 185 г. Григорьев. Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, II, 1940 г.
- 186 Ук. соч., стр. 24, р. 1, 2, 5, 6 и стр. 26, р. 12.
- 187 С.Толстов. Древнехорезмийские памятники в Кракалпакии. ВДИ, 3, 1939 г.
- 188 Б.Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р.Нарын в Фергане. ИГАИМК, вып. 110, 1935, с. 134.
- 189 См. А.Бернштам, Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941 г., стр. 30 и сл.
- 190 Таншу, И.Бичурин, Собрание сведений..., ч. III, 252

Глава. IX. Сложение феодальных отношений на территории Киргизстана в IX—X вв. н.э.

Политическая история Киргизстана IX—X вв. почти совершенно неизвестна. Когда в 766 г. карлуки заняли Чуйскую долину и стали почти полновластными хозяевами страны — в ней было, как и раньше, многочисленное кочевое тюркское население и согдийские колонии с иранским населением 1. Не исключена возможность наличия китайцев, и равно как несомненно было и сирийское, возможно христианское население 2. С победой арабских войск над китайскими в 751 г. начинается новая эра политической ориентации племен Семиречья и еще более новая культурная волна влияний во всех случаях западного происхождения. Характерной чертой указанной эпохи является сильное влияние мусульманской культуры Мавераннахра на Семиречье в целом, в том числе и Киргизию. Имеются сведения, что при Халифе Махди (775—785) карлукский джабгу (так назывались правители карлуков) принял ислам 3. Однако эти сообщения оспариваются, т.к. дальнейших известий об исламизации карлуков нет. Сами арабы еще не освоили страны, и окончательное покорение Средней Азии относится лишь к периоду господства халифа Мутасима (833—842 гг.). О безуспешности стремления рабов обратить тюрок (карлуков) в ислам, говорит сообщаемый Якутом следующий факт. Когда Халиф Хишам-Ибн-Абдуль малик (724—743 гг.) предлагал тюркам принять ислам, то царь тюрок ответил: «скажи этому послу, чтобы он передал своему господину, что нет среди этих ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни?» 4. Таким образом для VIII века у нас нет сколько нибудь ясных и определенных сведений о принятии кочевниками ислама и активного вмешательства мусульманской культуры в историю народов Киргизстана. Иное дело со второй половины IX века, особенно с созданием в Мавераннахре династии Иранского происхождения — саманидов (874—999 гг.). Но прежде, чем перейти к этому вопросу, остановимся на обзоре племен Киргизстана и его окружении в IX—X вв. Политическое господство в IX—X вв. в Киргизстане принадлежало карлукам, занимавшим территорию Северной Киргизии, от Киргизского Алатау к северу. Из Ферганы карлуки были вытеснены арабами. Чуйскую долину занимали тюргеши, разделившиеся на две ветви тухси и азы 5. Первый этноним видимо отложился в имени одного из тюргешских каганов, в китайской транскрипции Тухосяно Гучжо. Тухси были не только скотоводами, но и земледельцами, во всяком случае, такие сведения имеются для X века. Племена аз можно связывать с названием племен в древне-тюркских источниках VIII века, причем, там уже азы упоминаются рядом с тюргешами. В древне-тюркских текстах азы упоминаются как северные соседи карлуков и, вероятно, западные племена енисейских киргиз 6. В 726 г. они были разбиты Кюль-Тегином. Племена азы весьма древнего происхождения и их потомками являются недавно исчезнувшие племена арины. Их проникновение в Семиречье связано, видимо, с движением енисейских киргиз на Тяньшань. У берегов Иссык-Куля жили племена джикилей, другая ветвь которых имела небольшое поселение на берегу Таласа (городища Кош тюбе у с. Аркановка, Джамбульской области Каз. ССР) 7. Восточный Тяньшань занимала часть киргиз, весьма вероятно их проникновение и в Верхний Талас, где были найдены надгробия с типично киргизскими эпитафиями, о чем можно судить как по конструкции эпитафии и словарному запасу, так и по палеографическим данным. В районе Иссык-Куля жила и какая-то часть тогуз-огузов. В преданиях образовании огузов и тюрок вообще фигурируют воспоминания о берегах Иссык-Куля 8. Соседями племен Киргизстана с юга были тогуз-огузы Восточного Туркестана — они же уйгуры, и племена ягма в районе Кашгара, сыгравшие позднее, в X в., крупную историческую роль

в истории Средней Азии. Северными и северо-восточными соседями Киргизов были кимаки, ветвь которых — кыпчаки — составили ядро образования казахского народа 9. Таким образом, аборигенами Киргизстана следует считать тюргешей, джикилей и карлуков. Племена тюргешей и джилики были кочевыми, но вместе с тем мусульманские авторы упоминают города и с тюргешами и джикилями. Так, например, с тюргешами связывают Суяб, причем, дихканом Суяба называют Пейгу. Рядом с ним упоминают селение Хут Куял и дихкана его Баглила 10. Характерно, что об этом дихкане автор XI в. Гардизи пишет, что он по происхождению тюргеш и живет в степи. Третье селение, стоящее возле горы, которой поклоняются тюргешей, названо Далугандж. По всей видимости, центральной областью распространения тюргешей явилась долина Чон Кемина, где был расположен г.Суяб и упомянутые выше селения (в районе с.Новороссийское). Эти города — ставки, принадлежащие кочевникам, имеют вид четырехугольных поселений, огороженных мощным валом (в 500-600 м. с длиной стен). Внутри стен нет почти остатков строительных сооружений, т.к. основным жилищем здесь были войлочные кибитки кочевников. В связи с этим мало и культурных остатков. Среди них можно встретить лишь обломки глиняных сосудов — типичных кочевнических котлов со сферическим дном и слегка выступающими ручками у краины. Изредка попадаете глазированная привозная посуда 11. К западу от Суяба, в ущелье Чое-Кемина расположено весьма интересное кладбище, примерно этого времени. Около невысоких каменных курганов и могил, совершенно невидных на поверхности, стоят врытые в землю каменные обелиски, с грубо прочерченными на них изображением человеческого лица. Значение этих балбалов (древне-тюркское название) — изобразить врага погребенного, долженствующего служить покойному в загробном мире. Большинство этих изображений имеет ярко выраженные черты тюрков, что становится ясно из истории тех междоусобных войн тюрков-кочевников, которые мы выше разбирали (см. гл. VIII). Однако, наряду с тюркскими лицами встречаются и иные расовые типажи. Так было найдено лицо, в котором резчик по камню пытался передать черты, типичные для иранца. Обращает на себя внимание густая окладистая борода, переданная часто нарезанными линиями. Кроме таких балбалов с изображениями поставленными в ряд от могилы (обычно с севера на юг), были поставлены и просто камни, которыми по свидетельству китайских источников кочевники отмечали количество убитых врагов похороненных 12.Тюргешей, видимо, жили и на северном берегу Иссык-Куля, т.к. сообщается, что если перейти через перевал, то по левую сторону находится область тюргешей, только после перехода через реку (Тюп или Джаргалан) начинается область джикилей 13. В Иссык-Кульской области тюргешей находится селение, выставяющее 1.000 вооруженных. Правитель этой области живет в селении Биклиг и там живет брат джабуге (правителя). Дихкана города зовут Бадан-Сангу. Вероятно, этими селениями являются городища у устья Тюпа и Джаргалана на восточном берегу оз. Иссык-Куль. Возле Тюпского городища имеются также тюркские могильники около селений Уйтал с каменными бабами или балбалами. Эти изваяния несравненно лучше сделаны чем чонкеминские и производят впечатление портретного изображения. Судя по аналогии с алтайскими памятниками, можно предполагать, что здесь изображались сами похороненные. Мужские изображения, обнаруженные около Уйтала, содержат на себе прорисовку ряда деталей, позволяющих восстановить образ кочевника-воина. Голова была брита и, видимо, оставалась только часть волос на темени, о чем еще сообщал Сюань-Цзан. Иногда голова покрыта шлемом с поперечным валиком, который предохранял от удара мечем. В ушах мужчины носили серьги в виде калачика. Одеты воины были в короткий кафтан, подпоясанный в талии, причем, на поясе висели меч, короткий кинжал, иногда точильный брусок и футляр для пища. Изображения дают наглядное представление о мужчине-воине. Аналогично бывала одета и женщина, статуи последних отличались тем, что на них обозначались груди, а в

одном случае удалось наблюдать (изображение найдено вне пределов Киргизии, у Чимкента) множество заплетенных кос 14. Основным занятием тюргешей было скотоводство, имеющиеся упоминания о земледелии у части тухси, заставляют предполагать, что им тюргеши занимались либо на Иссык-Куле, либо в Чуйской долине, т.к. в долине Чонкемина в ту пору с примитивной агротехникой заниматься земледелием было трудно 15. Второй значительной группой кочевых племен были джикили 16. На территории Киргизстана джикили жили в районе Иссык-Куля. По описаниям древних авторов, их кочевья находились видимо у западного берега Иссык-Куля и вдоль южного — до р.р. Джаргалан и Тюп, которые являлись границей между их областью и областью тюргешей. Часть джикилей была христианами, но большинство оставалось язычниками, джикили жили в шатрах и палатках. Они располагались сразу по выходе из Боомского ущелья к Иссык-Кулю, где находилось их селение Яр (буквально «обрыв»), выставившее до 3.000 воинов. Речь здесь может идти о кочевых стойбищах, от которых ныне не осталось и следа. В Яре находилась ставка их правителя — джикильского таксина. Далее их владения шли вдоль южного берега Иссык-Куля, о которых Гардизи сообщает, что «по дороге встречаются только шатры джикилей... Все окрестности Иссык-Куля заняты джикилями» 17. Несмотря на то, что джикили были кочевниками, на их территории находились поселения — пять больших и четыре малых — под названием Верхний Барсхан. Название области тюркское и, судя по названию, можно предполагать, что она находилась когда-то под властью какого-то тюркского кагана (хана) Барса, имя часто встречаемое в древне-тюркских текстах. Дихкан селения Барсхан назван титулом Манак. Бартольд сравнивал этот титул с именем согдийца, послом тюркского кагана в Византию — Маниахом 18, но учитывая неточность в расстановке диактрических точек можно читать и «Манап» — титул сохранившийся у киргизов Тянь-Шаня. Тем более следует вспомнить, что в это время киргизы уже были на Тяньшане и как раз вблизи этих мест. Упомянутая в источниках река Тефскан вероятно Тюп, современное название которой утратило характерную приставку хан (Барсхан и т.п.). Область Верхнего Барсхана, как показало археологическое обследование Иссык-Куля, начиналась от Тюпского залива и шла по южному берегу, огибая восточный берег до Тюпа 19. Здесь по самому берегу были расположены поселения, часть которых уже теперь под водой (возле Кайсары). Область отделялась от прилегающих местностей, занятых кочевниками, мощной стеной, у которой зафиксировано первое поселение Верхнего Барсхана. Второе было расположено в 19 км. к востоку от с. Куньчигиш, на самом берегу озера. Третье — находится на правом берегу р. Тосер, четвертое — уже частично подмывается озером, ибо стоит на самом берегу между р. р. Тамга и Барсакун. Последнее название сохранило старое наименование области Барсхан 20. Остальная группа селений смыта озером и такие развалины известны под водой у Кайсары. Наконец, последние два поселения расположены у устья р. Джаргалан и Тюп. Наиболее крупные поселения примыкали к восточному берегу озера, ибо, как мы покажем ниже, здесь проходила основная трасса караванного пути. Характер этих строительных сооружений, сделанных из глины, говорит об иранских приемах кладки стен и структуры укреплений. Особенно в этом отношении характерны башни по стенам и укрепления ворот, типичные для поселений саманидского времени. Находки тюргешских монет из развалин на Иссык-Куле свидетельствуют о том, что во всяком случае с VIII века здесь была уже оседлость 21. Юг Киргизского Тяньшаня занимали племена ягма. По мусульманской версии ягма являются результатом скрещения карлуков и тохаристических хайталов — т.е. эфталитов 22. Ягма находились под непосредственным покровительством тюркского кагана через своего ставленника Шада-Тутука (титул), собиравшего с них дань. Ягма были чрезвычайно воинственным племенем и в своем обращении к тюркскому кагану говорили «мы пришли служить тебе; если будет дано позволение, мы будем совершать набеги во все стороны» 23. Из этого

воинственного племени ягма и вышла впоследствии новая среднеазиатская династия тюркского происхождения — караханиды. Как уже следует из вышеизложенного, кочевники были тесно связаны с городами, являясь их правителями. Так, например, владетель Чон-Кеминских годов, например, Суяба, был кочевник, сам живущий в степи со своими стадами. Владение Керминкет (вероятно развалины у с. Советское) принадлежало одному из карлукских родов Лабан. Владетель этого селения носил титул Кутегин Лабан 24. По некоторым сведениям, владетель Барсхана сам происходил из карлуков и носил титул тегин-барсхана. Тюрком-кочевником был и владетель города Беклига, носивший титул Бадан Сангу и Янал Тегин. Уже из приведенных примеров явствует органическая связь городских поселений с кочевниками, являющимися господами оседлых поселений. В число владений кочевников входили города Чуйской долины и Таласа, о чем достаточно ясно говорят в основном тюркские названия этих городов, особенно Чуйских. Изучение городов Чуйской долины показало, что с IX—X вв. складывается новый тип населения, получивший свое особенное развитие в Караханидскую эпоху. Суть этого развития поселений заключается в том, что на место старых согдийских колоний вырастает первоначальная завязь города с его типичными составными частями 25. Развитие города было обусловлено сложением феодальных отношений, а причинами способствующими его развитию, являются массовые переселения в Семиречье согдийцев, бежавших из Мавераннахра в связи с арабским завоеванием. Это переселение согдийцев именуется нами II-й согдийской колонизацией. II-я согдийская колонизация началась еще со времени образования западнотюркского каганата, когда жители Бухары бежали в Семиречье. Древние авторы приписывают этим переселенцам образование города на р. Талас — Хамуката. Проникновение согдийского, в том числе и иранского, населения в IX веке обязано походам двух саманидов Нуха ибн Асада в 840 г., дошедшего до Испиджаба (кишлак Сайрам, у г. Чимкента) и Исмаил ибн Ахмеда в 893/894 гг., дошедшего до Тараза (г. Джамбул). Нух ибн Асад окружил Испиджаб стеной, Исмаил ибн Ахмед разрушил целый ряд селений по Таласу и перестроил христианскую церковь Тараза 26 в мечеть. Некий дикхан Ахмед разграничивал свои области от владений Ами-ибн-Джафара по верхнему Таласу, о чем гласит надпись, высеченная на скале в ущелье Чикиташ (верхний Талас у п. Талас), которую впервые опубликовал М. Массон 27. Еще во второй половине X века саманиды выступают в Семиречье, и Фаик в Мирки строит рабат, Фаик взял в плен сына одного из первых караханидов. С притоком Мавераннахрского иранского населения, города Чуйской долины сильно преобразуются. Во-первых, они населяются тюрками и иранцами, с политическим подчинением иранцев тюркам, как правило, владетелям городов. Уже середина VIII в. для Северной Киргизии была сравнительно переломной датой. Несмотря на разгром китайских войск арабами на Таласе в 751 году, китайское влияние не прекращается. В то время, как мусульманское, в отличие от Таласа, в Чуйской долине почти неощутимо. Китайское влияние проявляется в это время в сильной степени в памятниках буддийского типа. Вызывается это также тем, что в VIII в., а особенно в IX—X вв., политические события в Восточном Туркестане, способствуют проникновению в карлукскую среду северной Киргизии значительного количества уйгур, иммигрирующих из Восточного Туркестана. В силу того, что политическим хозяином для этого времени в Семиречьи были карлуки, мы называем период со второй половины VIII в. (766) до появления караханидов в конце X в. (992 г.) карлукским периодом, в основной своей части соответствующим саманидскому периоду в Средней Азии. Особенностью этого периода является усиление реальной связи кочевников-карлуков с оседлыми поселенцами, а в связи с этим и явный рост последних. Так в это время появляется серия укрепленных поселений, культурные слои которых, будучи до самого материка прорезаны строительством БЧК, с несомненностью показали точное время их возникновения — не ранее VIII века. Таково, например, Александровское

городище (между п.п. Александровское и Садовое). В области культурного развития карлукский период может быть охарактеризован следующим образом: в полном объеме продолжает бытовать местный северо-киргизский вариант согдийской культуры, начало которой нами было отмечено еще для V—VII вв. н.э. Ремесленное производство в это время получает свое огромное развитие. Наряду с грубой «кухонной» посудой ручной лепки, в быт оседлого населения прочно входит станковая посуда сделанная на гончарном кругу. Появляются, выработанные в Мавераннахре, такие формы как каза, пиала, блюдо. Широкое распространение получают достарханы. Вырабатываются устойчивые формы бытовой посуды — горшков для варки пищи, крынок, хумов и т.п. Высока техника и технология керамического производства. В качестве украшения широко используется резьба и, главное, начинает господствовать штамп. В украшениях характерен циркулярный орнамент. Изредка просачиваются в орнаментальные мотивы арабские надписи почерком «куфи». Широко распространено лощение посуды, красное и черное. Как уже отмечалось, в Чуйской долине существует тюркское и согдийское население. Их совместное здесь обитание, еще для конца XI в., отмечал Махмуд Кашгарский, который указывал, что тюрки ассимилируют согдийцев. Прекрасной иллюстрацией такого синтеза являются находки (Красная Речка) хумов с надписями, написанными согдийской вязью, с явными тюркскими словами. Выселенцы Восточного Туркестана явились здесь, в Чуйской долине, распространителями буддизма. Большой интерес представляет один кувшин из Александровского городища красного лощения, вытянутой формы, в средней части тулова которого расположен орнаментальный пояс. Орнаментальный пояс состоит из 4-х секторов, каждый из которых имеет налест в виде человеческой фигурки, со сложенными на животе руками в стиле буддийского послушания. Фигурки разделены друг от друга орнаментальными композициями из цветков лотоса расположенных по бокам его орнамента в виде треугольного сочетания трех кружков. К весьма интересным памятникам раннего (для Чуйской долины) буддизма относится вскрытое земляными работами на Большом Чуйском канале небольшое помещение, возможно буддийский храм, около древнего города Джуля (районы селения Ключевое). В чрезвычайно разрушенном здании удалось собрать фрагменты сырцовых статуй и лепных украшений. Среди них особо интересно отметить лицо, либо Ваджрапани, либо «докшита». Любопытны фрагменты и буддийских рыцарей «шахья», от которых сохранились фрагменты их одежды, панцирных портупей с характерными сасанидообразными пряжками на перекрестиях. Все эти объемные фигуры были раскрашены сухой росписью — альсеке, причем, гамма красок весьма разнообразна. Плоскостные росписи техникой альсеко, (фризов, панелей и т.п.), где фигурирует растительный и геометрический орнамент, также были здесь собраны. Находки в этом здании значительно расширяют наши представления о буддийском искусстве IX—X вв., впервые открытое нашими раскопками в развалинах древнего города Сарыга (с. Красная Речка). Особенностью карлукского периода для Чуйской долины является массовое распространение укрепленных поселений типа мавераннахарских шахристанов, пришедших на смену более раннему типу поселений в отдельных укрепленных домах-замках. Исследования на Александровском городище, отчасти, на Сухулуке и др., где трасса канала прорезала значительную часть поселений, дали большой материал для высказанных выше суждений. Развитие ремесла и торговли, которому способствовали переселенцы из Мавераннаха, изменило физиономию города Чуйской долины, сделав поселения не столько центрами рабовладельческой аристократии, сколько местом пребывания феодальных владык, извлекающих прибыль из торговых сделок и эксплуатации ремесленников. Город начинал приобретать особое значение, и жители городов заботились о его сохранении, укрепляли города, расположенные среди массы кочевых племен. Появляются окруженные стенами большие города, укрепленные мощными стенами с башнями военные поселения —

рибаты и иногда не менее мощные каравансарай на торговых путях. В IX—X в. почти все известные для средневековья поселения были в Чуйской долине налицо. Наряду с вновь выстроенными городами и поселениями продолжали существовать еще старые поселения — полисы. Города, как правило, образовывались на территории старых поселений, вокруг жилища-замка крупного владельца и включали в свой состав старые жилища, обводя их городской стеной и рвом 28. По Таласу в IX—X вв. (на территории Кирг. ССР) к югу от Тараза были города (к югу от с. Солдатское) Хамукат, (к югу от с. Серфимовка), Шельджи на берегу Таласа (развалины Садыркурган у с. Кировск) в котором жило около 10.000 испаганцев, Сусы (городище Чалдывар около с. того-же названия Ленинпольского района), Куль (развалины Джаман Курган, к востоку от с. Орловки), Текабкет (городище Актыбе на правом берегу р. Талас в 3-х километрах от п. Талас). Все города Таласской долины входили в округ Тараза, составлявшего в саманидскую эпоху, наряду с Испиджабом, самостоятельный округ, не подчинявшийся саманидскому государству, а имевший собственных владельцев 29. Вопрос о принадлежности городов к востоку от Тараза неясен. По Сюань-Цзяну и другим известиям китайских источников, восходящих по существу к сообщениям Сюань-Цзяня, города Чуйской долины также принадлежали Таразу, однако, мусульманские источники IX—X вв. Обычно характеризуют Тараз, как крайнюю восточную границу мусульманского мира, называя его воротами в страну карлуков. Находящаяся в 30 км. (5 фарсах) от Тараза местность Касрибас и в 75 клм. (9 фарсах) — Кульшуб были уже кочевьями карлуков. Последующие затем города — Кулан (с. Луговое), Аспара (с. Чалдывар), Миркинского района, Джамбульской области, Каз. ССР и др. были связаны с господством карлуков в Семиречьи.

На территории Киргизстана, вдоль Киргизского Алатау, находились большие селения Нузкет (около с. Кара-Балты), Харран Джуван (район с. Беловодского), Джуль (к востоку от г. Фрунзе), Сарыг (развалины к востоку от с. Красная Речка) и «ставка тюркешского кагана» (позднее город Баласагун, развалины в 12 км. к юго-западу от п. Токмак). Последнее поселение, Баласагун, мусульманскими авторами обычно рассматривает как крайний восточный пункт расселения согдийцев в Чуйской долине. Видимо все же иранское население было и значительно восточней. Во всяком случае характер строений валов и ворот на городищах Верхнего Барсхана имеет типично иранскую форму защиты ворот. Кроме Баласагуна рядом с ним находилось селение Киринау, к востоку от Баласагуна было селение Невакет (с. Орловка, Чуйского района), и, наконец, Керминкет, Суяб и окружающее его поселение и область Верхний Барсхан, о которых речь была выше. По этим городам проходили караванные пути, исключительно хорошо устроенные. Они охранялись не только военными гарнизонами городов, но и специальными крепостями — рибатами и обслуживались караван-сараями. Изучение расположения этих типов поселений позволяет точно проследить трассу древнего торгового пути. В части Киргизии, от Аспары, он шел по тому же пути, как старая почтовая дорога, а от с. Карабалты (Нузкет) караванная дорога совпадала с линией современного шоссе, доходя до Сарыга. Здесь она немного уходила к югу от современного шоссе, ближе к горам, не спускаясь с прилавков, как современное шоссе и шло вдоль гор через Баласагун и Невакет. В районе Орловки — Быстровки дорога опускалась вниз, пересекала р. Чу и шла по левому берегу р. Чу и Керминкету (с. Советское), на Суяб (с. Новороссийское). Чон Кемин в древности воспринимался как основное русло реки, а современное русло р. Чу считалось притоком. Вдоль Чон-Кемин путь шел по правому берегу к перевалу Когойрок, где дорога пересекала Кунгей и выходила к северному берегу оз. Иссык-Куль, в районе Чолпон-Ата, и отсюда направлялась к городам Верхнего Барсхана, которые начинались от Тюпского залива Иссык-Куля. Дальнейший путь в Китай шел через перевал Сан Тас, в бассейне р. Каракари, и далее в сторону Нарынкола, откуда путь поворачивал в район Восточного

Туркестана — город Пенчул. Город Пенчул уже в X веке находился в руках киргизов. Помимо этой основной трассы другой путь шел из Ферганы (Узгена) «через перевал Яси» (Джасы), долину Арпе и долины рек Каракоина, Атбаша и Нарына. Около впадения Каоаколла в Атбаш, на холме стоял город Атбаш (ныне развалины Кошой Курган), на одинаковом расстоянии (6 дней пути) от Ферганы, от Барсхана и от границы тибетских владений (в Восточном Туркестане). Дорога в Тибетские владения вероятно шла через перевал Туруайгыр. Несколько на отлете от лево Чуйских городов, был расположен город на правом берегу р. Чу (колхоз Трудовик), который, вероятно, можно увязать со старым названием Якаксент, находившийся, судя по одной манихейской рукописи, недалеко от Ордукента (Сарыга). Культура Киргизстана в период VIII—X вв. известна, сейчас, в основном, как культура городских поселений. Как уже было видно из вышеизложенного, в этот период особое значение приобретают города, в которые вливаются значительные слои бывших кочевников тюрков, главным образом, карлуков. Если для Таласа, мы это наблюдаем более всего в VI—VII вв., то в Чуйских городах, мы можем говорить об этом процессе еще с VIII—X вв. Здесь иранское население раньше всего было ассимилировано тюрками. Характерно, что и города, начиная с Кулана на восток, содержат иную культуру, чем тот же Тараз. Объясняется это тем, что на пути из Тараза в Баласагун находились сравнительно пустые области Касри-Бас и Куль-Шуб, где кочевали карлуки, являвшиеся своеобразным заслоном, отгораживающим Чуйские города от Таласских. Этими обстоятельствами объясняется своеобразие культуры Чуйских городов от Таласских. Наиболее выразительным отличием культуры оседлых поселений Чуйских городищ является отсутствие в ней такого сильного влияния мусульманской культуры, как мы это видим, например, в соседнем Таласе. Прежде всего это отразилось на небольшом фактически количестве поливной посуды, составляющей в Таразе уже к этому времени большинство среди керамических изделий. При изготовлении посуды мастера широко использовали резьбу и штамп на неполивном теле сосуда. Как и в Таразе, значительное место здесь, занимает согдийская лепная техника изготовления сосудов, наряду с широким употреблением гончарного круга. Строительство, выполняемое иранскими мастерами, целиком и полностью основывалось на употреблении сырцового кирпича, сменившего кладку пахсы. Иранские мастера расписывали и украшали резьбой сырцовые фризы внутри построек. Наряду с ними, значительное место занимали и китайские мастера, выполняющие росписи техникой альсекко по мягкому грунту стен. На городище древнего Сарыга были обнаружены здания, имеющие роспись, белой, черной, красной и синей краской, изображающая герметизированный растительный орнамент в сочетании с резьбой. В другом здании того же города, в одной из комнат, была встречена китайская роспись — букеты цветов (астры) и портретные изображения человека, всего вероятней — Будды. Наряду со строительством города и обведением значительных населенных пространств валами и стенами, сохранялись и дома, замки вне стен. Однако, к этому времени они значительно расширяются, обводятся стенами и по своему типу скорее напоминают уже феодальные замки чем укрепленные дома патриархальных семейств-рабовладельцев. Не случайно, что для этого времени сохраняется еще термин дихкан. С дихканством, видимо, связаны еще традиции зороастризма. На смену старым оссуариям сейчас выступают зороастрийские захоронения в хумах и мусульманские захоронения в грунтовых могилах. Идеологическая связь иранского населения Чуйской долины с иранским миром Мавераннахра была источником появления в Чуйской долине элементов сасанидского стиля в искусстве, в частности, орнаментики, как известно для западных частей Средней Азии, бытующих до I века, например, в Пайкенде. О малом политическом влиянии Саманидской Средней Азии говорит тот факт, что в Чуйской долине продолжает бытовать тюргешская монета, а саманидский дирхем был найден лишь один и то использованный в качестве украшения в караханидском погребении (с. Красная

Речка). Отсутствие письменных источников IX—X вв. по истории края не дает возможности осветить в деталях характер экономического строя рассматриваемой эпохи. То немногое, что можно сообщить, заключено главным образом в археологических данных 30. Несомненно, что в период VIII—X веков общество Киргизстана, равно как и всей Средней Азии, переживает эпоху формирования новых социальных отношений. Сращение господствующей знати кочевников и диканства оседлых поселений (см. главу VIII), приводит к установлению общих интересов у тех и других, включению части кочевников в систему городов. Арабское завоевание Средней Азии и укрепление Китая в Восточном Туркестане, оторвало от кочевников возможную базу для грабежей и захвата военнопленных. В силу этих обстоятельств развиваются внутренние русла обогащения знати, связанные с попыткой закабаления своих собственных сородичей. Увеличение производительности труда, в частности, развитие ремесла, дает возможность увеличивать подати и другие формы примитивных феодальных повинностей, известным тюркам еще в более раннюю эпоху. Если в XI в. уже известна богатая тюркская ремесленная и земледельческая терминология 31, то ясно, что в X веке уже происходили процессы втягивания кочевников в эту сферу производства. Последнее было подготовлено всем предшествующим развитием, когда масса кочевников бледнела и, лишаясь скота, вынуждена была перейти к другим видам производства, связанных с оседлостью. Они и составили ту массу податного населения, из которых формировался строй непосредственных производителей феодального типа. Это развитие ремесла и послужило причиной образования торгово-промышленных предместий — рабадов, получивших свое наибольшее развитие в караганидскую эпоху. Оживленная торговля способствовала ускорению этого процесса. Наряду со старой рабовладельческой знатью, формируется класс феодалов — земледельцев и торговцев — жителей города и караванных путей. Торговля способствует проникновению в Киргизстан культурных влияний соседних стран. Все же эти процессы идут на территории Киргизстана чрезвычайно медленно, что объясняется засилием здесь кочевников, неспособных быстро перейти к новым формам общественного развития. Внутренний перелом внутри их общества разрешает создавшийся кризис своеобразной революцией, в результате которой появляется караханидская династия 32

Глава X

Киргизстан в караханидскую эпоху XI—XII вв.

В конце X века на территории Киргизстана складывается новая династия, распространившая свою власть на территорию Средней Азии. Политическая история караханидов до сих пор еще полностью неизвестна 33. Так, например, нет полных дат правления ханов династии. До сих пор нет ясного представления о том, из каких племен происходила династия караханидов. Видимо, правитель племени ягма является и основателем караханидской династии. Старая гипотеза о том, что тогуз-огузы уйгуры явились основателями династии, сейчас мало кем поддерживается, хотя несомненно, что их влияние на караханидов было значительным 34. Можно определенно утверждать, что кочевые племена Семиречья составили ядро будущих завоевателей Средней Азии. Их вхождение в караханидскую империю не случайно. Застой IX—X вв., в котором находились кочевники, привел к определенному социальному кризису, разрешавшемуся в прошлом организацией завоевания сопредельных племен или стран с оседлым населением. Определенных были и последствия завоевания в виде грабежа и увода военнопленных. Но самим кочевникам становилось ясной порочность такой системы завоевания в виде грабежа и увода военнопленных. Но самим кочевникам становилось ясной порочность такой системы завоеваний, целиком и полностью зависящих от военного успеха. Еще с глубокой древности имеются факты, когда наряду с грабежом

возникает дань, а с середины VIII века имеются факты, говорящие о возникновении системы постоянных податей, вызвавшей к жизни соответствующие перестройки их в аппарате кочевой бюрократии и появление тутуней или тутуков. После арабского завоевания, кочевники в значительной степени теряют подвластные им территории и замкнуты в пределах Семиречья. В условиях Чуйской долины, где находилось большое количество городов, тюрки-владельцы ограничиваются выкачиванием прибылей из них и из широко развившейся торговли, что способствовало сохранению относительного спокойствия почти на протяжении двух столетий. Ограничение сферы власти кочевников не может пройти для них бесследно. Они вынуждены вступить в новую полосу войн за расширение сфер влияния и использование захваченных территорий в новых, недавно появившихся, формах эксплуатации. Опираясь на массы кочевников, их знать совершает организацию нового государственного строя, в котором удельная система и институт икта, являются классической формой феодальных отношений вновь созданного государства 35. Переход к удельной системе и икта знаменует революционный характер движения караханидов, обеспечивших становление новых форм общественных отношений. Надо отметить, что завоевание Мавераннахра караханидами было весьма своеобразным. Мавераннахр не оказал Баграхану почти никакого сопротивления. Более того, среди саманидов были лица, оказавшие помощь караханидам и прежде всего из самой знати. В числе их могут быть указаны Абу Али, Фаик и Весики, причем последний часто считается авторами виновником падения саманидов 36. Серия народных восстаний в Средней Азии: восстания Тарика, Абу муслима и Муканны были проявлением единого этапа в создании феодального типа отношений в Средней Азии 37. На их основе кристаллизовались новые, феодальные отношения, и их представители в лице знати, противостояли старому дикханству. Этот раскол в среде дикханства был подмечен и мусульманскими авторами, указывающими иногда, что Бохра-хана призывали на свою сторону дикхане 38. По сведениям более осведомленного о Бухарских делах Нершахи караханидов призывали на свою сторону просто «знатные лица Мавераннахра» 39. С радостью встречало караханидов и мусульманское духовенство. Не случайно, что во время движения караханидов происходит стремительное возвышение бывших рабов, как например, Себук Тегина (раба из тюрок), который в 977 г. был уже эмиром Газны, несколько раньше аналогичная картина была с подъемом Махмуда Газневи и т.п. 40. Все это — быстрое достижение власти рабами, расколы внутри правящих кругов, при непосредственном участии кочевников и пассивности народных масс к распрямлению внутри знати, — является результатом своеобразного и затяжного кризиса рабовладельческой системы в Средней Азии. Приход к власти караханидов, несущих в своем завоевании систему ленных отношений, явился своеобразной революцией сверху, успех которой был обеспечен предшествующим историческим развитием. Ее случайно параллельно с караханидами за Аму-Дарьей возникает на тех же принципах удельная система и икта у Сельджуков 41. В обоих случаях кочевники в этом процессе играют ведущую роль. В первом случае караханиды, а во втором — сельджуки-кочевники явились изобретателями феодальных форм, логических выросших из древней системы дани, как прямого исхода завоеваний. Для того, чтобы дань могла приобрести характер постоянной формы эксплуатации, при достаточно выросшем уровне производительных сил, необходим был государственный переворот, который и совершили первые караханиды. В этой связи нельзя не признать предшествующий караханидам период — как период перехода, период вызревания феодального типа отношений, получивших в XI—XII вв. свое максимальное развитие. Любопытен и тот факт, что уже один из самых первых правителей Сатук Бахрахан Абдул Керим (умер в 966 г.) принял ислам. Им вероятно был взят в 942 г. Баласагун, а его сын находился в плену у саманидов в Бухаре 42. Быстрая исламизация правящей верхушки караханидов была проявлением стремления стать ближе к тем массам

городского и земледельческого населения, которые являлись в их государстве непосредственными производителями. Тем более это становится понятным, что сформировавшись в стране, где ислам еще не приобрел большого распространения, каковым был Киргизстан, они столкнулись с миром, ревностно исповедующим ислам — Мавераннахром. Караханиды своей столицей сделали Баласагун, бывшую ставку тюркешского кагана, откуда Абдулкерим Харун, с титулом Богра Карахана (умер в 992 г.), и Илек Наср вели походы против Мавераннахра. В 999 г. Илек Наср завоевывает Бухару и с этого времени кончается иранская династия саманидов 43. Район Бухары был крайним западным центром владения караханидов, так как за Аму Дарьей их движение было приостановлено сельджуками и хорезмшахами. Неср носил титул Арслан Илека и стал удельным правителем Мавераннахра со столицей в г. Узгенде. Из Узгенда он отправляется на борьбу с восставшим саманидом Абу Ибрагимом Исмаилом по прозвищу Мунтасир, вытеснившим из Бухары караханидского наместника Тегин-хана. В 1005 г. последний представитель саманидов был убит, и караханиды вновь утвердили власть в Мавераннахре, приверженцы Мунтасира были взяты в плен и отправлены в Узгенд, столицу Мавераннахрских караханидов. Важным событием в становлении государства караханидов явилось установление границ между ними и государством газневидов. Это соглашение было заключено между караханидом Насром и Махмудом в 1001 г. в г. Узгенде. Договор был укреплен обменом подарков и Махмуд взял в жены дочь Насра. Границей владений признали Аму-Дарью. Впоследствии, однако, караханиды изменили договору, послав в Хорасан отряды тогда, когда Махмуд отправился в поход на Индию. После временного успеха караханидов в районе Балха и Нишабура, Махмуду удалось разбить войска караханидов на берегах Аму-Дарьи 4 января 1008 г. около моста Шахрхиль. Описывающий эти события историк Утби дает описание тюркских племен, что «тюрки с широкими лицами, маленьким глазами, плоскими носами, малым количеством волос (на бороде), железными мечами, в черной одежде», тюрки пели песни по хатанской мелодии». Историки приписывают успех Махмуда тому, что в его войсках было около 500 слонов 44. Империя Караханидов была разделена на уделы. По поводу государственного устройства караханидов, В. Бартольд писал: «В государстве караханидов, как во всех кочевых империях, понятие о родовой собственности было перенесено из области частноправовых отношений в область государственного права. Государство считалось собственностью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы в свою очередь делились на множество мелких; власть главы империи иногда совсем не признавалась могущественными вассалами. Удельная система как всегда, была причиной частых междоусобий и постоянной смены правителей» 45. Уже в начале XI века (1043—44) караханидское государство было разделено на уделы. Вот что пишет историк XIII века Ибн Ал Асир: «Владетелем Баласагуна и страны тюрок был Шереф-ад Даула, в нем была религиозность и он удовлетворялся от своих братьев и родичей подчинением. Он разделил между ними города и дал брату своему Арслан Тегину много городов тюрок, дал Бограхану Тараза и Исбиджаб, дал дяде своему Тога хану Фергану целиком, дал сыну Ала Тегину Бухару, Самарканд и прочее, и удовлетворился сам Баласагуном и Кашгаром 46. Фактически эта удельная система существовала и раньше. Так известно, что упомянутый выше Илек воевал со своим братом Туганом в окрестностях Узгенда, причем, примирение произошло в 1016 г. при посредстве Хорезмшаха Мамуна. Он правил Кашгаром, а Киргизстан входил во владения Илека (умер 1012—3 г.) 47. После смерти Илека, его брат Туган распространил свою власть на Семиречье и, в свою очередь, потерял Восточный Туркестан, который перешел к сыну Харуна — Кадыр хан Юсуфу. В 1025 г., видимо после смерти Туганхана, к Кадыр хан Юсуфу (умер 1031—32 г.) переходят все владения караханидов. После его смерти Киргизстан входит в систему удела старшего сына Богра тегина Сулейману, принявшему титул Арслан хана 48. Его

брат Йиган тегин Мухаммед, с титулом Богра хан правил западными областями. Йиган тегин в 1056 г. захватил удел Арслана в свои руки, и ему подчинился Киргизстан до 1057/8 г., когда Йиган тегин был убит. Борьба между владельцами уделов дополнялась борьбой и внутри восточного караханидского удела, куда входил Киргизстан. Так, известна борьба во время кратковременного правления хана Ибрагима (младший сын Йиган тегина) и его борьба с владельцем Барсхана. Наиболее крупными были войны между восточными и западными уделами, граница между которыми проходила по Сыр-Дарье. Восточный удел состоял из двух частей, Восточный Туркестан представлял одну часть, а Семиречье — вторую и когда хотели подчеркнуть принадлежность обеих частей одному правителю, то говорили, что он владеет Кашгаром (Восточный Туркестан) и Баласагуном (Семиречье). С середины XI века Киргизстан входит в удел Бограхана Юсуфа, который правил с 1059 г., т.е. 44 года. Первые 16 лет он разделял свою власть с братом Тогрул Караханом Юсуфом, а после 1079 г. правил один. В этот период, видимо, особенного расцвета достигает Киргизстан 49. В городе Баласагуне в 1069 г. было написано первое литературное произведение на тюркском языке дидактическая поэма Кудатгу Билик — «Книга наставлений», являющаяся ярчайшим образцом морали и норм поведения феодального владыки 50. В. Бартольд установил, что текст Кудатгу Билик написан был не для Бохрагана Харуна сына Юсуфа, а для Табгаш Кара Хакана Абу Али Хасан, сын Сулейман Арслан Карахакан 51. Это весьма интересное произведение, по мнению Броккельмана исходит из традиций персидской лирики и несет на себе отпечаток влияния китайской литературы 52. Бартольд указывает, что Кудатгу Билик это высшее достижение мусульманской тюркской культуры после Кашгарского периода, когда власть тюрков дошла до Хорезма 53. Кудатгу билик не только поэтическое произведение. Оно содержит в себе назидания как лучше управлять государством, а в связи с этим содержит, наряду с общими философскими изречениями (подобно тому, как это в произведениях Сиасат Намэ или Кабус Намэ), так же весьма интересные социальные характеристики. Характерно, что указывая на необходимость всяческой поддержки земледельцев, купцов, ремесленников, Кудатгу Билик советует особо осторожно относиться к кочевникам, в которых автор справедливо видит возможную силу восстания против переродившейся верхушки караханидского государства. Приведем характерные места из этого сочинения. Вот что говорит «Книга знаний» об отношении верховного владыки к кочевникам:

... Существуют еще скотоводы, Они надзирают за табунами лошадей. Это очень правдивый род людей, но мудрости они не имеют

Их ноша не падет на других людей Для еды, питья и верховой езды лошади, жеребцы и кобылы Прибывают от них и также лошади для груза, Кумыс, молоко, шерсть, жир, творог и сыр Употребляя как пищу, одежду и убранство для дома.

Очень полезен этот род людей, Обходились с ними хорошо..., Общайся с ними, води знакомство, кушай и пей с ними, Допуская их жить, как это подобает человеку. Что они попросят, то дай, возьми то, в чем нуждаешься, Я убеждаюсь, что эти люди не знают государства. Не требуй от них законов и знаний; Их поступки превратны, а ты чистый. Если ты общаешься с ними, то сдерживай себя, Т. к. они постоянно без законов и направляющей нити. Говори им хорошие слова, но не называй их друзьями. Иное отношение к ремесленникам: «Еще один род людей составляют ремесленники, Которые создают руками искусство, чтобы заработать себе на жизнь.

Все они необходимые для тебя люди, Приблизь их к себе, они принесут тебе пользу, о великий! Кузнец, ткач, сапожник и... Седельщик, каменотес, мастер стрел и луков. Много имеется различных ремесленников, я не могу их всех перечислить. От них идут все работы мира; Как много удивительных вещей они делают. С ними общайся и обходись хорошо. Радуй ты их и сам живи в радости. Работают они для тебя, непременно одари его, Давай им есть и пить! Давай им обильную пищу!

В этих словах, сказанных в отношении кочевников и жителей городов-ремесленников, выступает одна идея, попытка мирных взаимоотношений с обоими категориями населения, причем, недвусмысленно подчеркивается возможная враждебность кочевников в отношении государства, принявшего явную линию на развитие городской жизни. Умело сочетая патриархальные родовые обычаи с

феодалными, автор сочинения идеологически борется за создание новых порядков, выдвинутых в жизнь самим фактом существования караханидского государства. Достаточно ярко в этом сочинении выступает идеология господствующего феодального класса. Вторая половина правления Бограхан Юсуфа, прошла менее спокойно, чем первая. В 1089 г. Бограхан Юсуф признает себя вассалом сельджукского султана Меликшаха, дошедшего до одной из столиц Караханидских властителей — Узгента. В этот же период войска Меликшаха в Самарканде, состоящие из джикилей, поднимают восстание. Вот что об этом восстании сообщает В.Бартольд: «После ухода Меликшаха в Самарканде произошло восстание тюркских наемников из джикилей; джикили призвали Якуб-тегина, владетеля Атбаша и его брата кашгарского хана. Якуб овладел Самаркандом, но при приближении Меликшаха бежал в Атбаш. Здесь на него напало войско его брата, Атбаш был разграблен кашгарцами, а сам Якуб взят в плен. Мелик-шах снова дошел до Узгента и потребовал от хана выдачи Якуба. Хан медлил выполнить это требование, противоречащее его понятиям о чести, наконец, он отправил к Меликшаху, своего сына, велел ему взять с собой Якуба, оставить его в одной крепости и ослепить; только если султан этим не удовольствуется, царевич должен был отвезти Якуба в Узгент. В это время Кашгар был осажден другим владетелем; Тогрулом, сыном Янала, местопребывание которого находилось в 80-ти фарсах (около 500 верст) от Кашгара; может быть Тогрул был владетелем Барсхана и сыном упомянутого выше Янал-тегина. Хан был взят в плен; когда весть об этом дошла до его сына и спутников последнего, Якуб уговорил их отпустить его. Мелик-хаш заключил договор с Якубом и ушел из Узгента, предоставив Якубу продолжать войну с Тогрулом. Об исходе этой борьбы мы не имеем никаких сведений; вероятно Харун освободился из плена, так как он, как мы видели, правил Каршаром до начала XII века» 54. Последующие события, связанные с историей Киргизстана, относятся еще ко времени проникновения сюда кара-китаев, речь о которых будет ниже. Для караханидской эпохи на территории Киргизстана сохранилось значительное количество памятников, позволяющих составить некоторое впечатление о культуре Киргизстана в этот период. Эти материалы стали известны в результате археологического изучения края, развернувшегося за Советский период 55. Еще в 1898 г. Бартольд В. писал: «что касается внутренней истории страны в эпоху караханидов, то о ней мы не имеем почти никаких известий» 56. В эпоху караханидов прежде всего получают свое дальнейшее развитие вышеописанные города (см. гл. IX). Наряду с Шахристаном саманидского города появляются торгово-промышленные предместья рабады. Изучение рабада города Сарыга показало, что рабад здесь появляется в XI веке. Так было раскопано одно здание, которое принадлежало ремесленнику, жившему за пределами городских стен. В его постройке, сложенной из сырцовых кирпичей, были найдены остатки хозяйственных сооружений — закромов для зерна, а также стан для изготовления вина. Последний состоял из тарапана — пресса, где давили ягоды винограда ногами, слива для сусла и хума, закопанного в пол здания ниже уровня тарапана, куда стекало сусло. Аналогичные постройки хорошо прослеживаются по городищу древнего Сарыга. Датируются они неоднократными находками монет XI века. Появление ремесленных предместий связано с развитием городов в караханидскую эпоху. Увеличивается в этот период и количество поселений в тех районах, которые ранее являлись сферой обитания только кочевников. Так, в районах Илийской долины появляется целая серия городов, относящихся к XI—XII вв. В этих городищах обнаруживаются следы кочевой культуры 57. По всей вероятности эти города были созданы карлуками, вытесненными из Чуйской долины караханидами, ибо, как мы узнаем из позднейших данных, именно с этих мест приходят карлуки и осаждают Баласагун. Центром карлуков этого периода был город Койлак, или вернее, Койлык в бассейне р.р. Коксу и Кара тепа (у Талды-Курганского сахарного завода) 58. Увеличение количества поселений связано также с развитием торговли и появлением новых

торговых путей. От основной трасы торгового пути, которая была при саманидах в районе города Харран Джувана, отделилась дорога в Илийскую долину, через р. Чу в районе поныне известного рода Тай Кичу. По этой дороге возникли поселения, потянувшиеся в сторону Илийской долины. В районе города Алма-Ата, путь этот в свою очередь разделился на два направления. Один из них — южный, шел вдоль предгорий Заилийского Алатау, в районе р. Чилик входил в горы, через Сюготинскую долину, пересекал р. Чарын и Кегень, выходил к Нарынколу и оттуда в Восточный Туркестан. Другой путь переходил через Или и через г. Экв ус (с. Чингильды), г. Койлык шел по Джунгарскому Алатау, где проходил около Чугучака и далее, видимо шел в Монголию. При караханидах не только развиваются поселения, связанные с торговыми путями, но и создаются земледельческие поселения 59. Наряду с увеличением этого рода поселений, происходит и другой процесс. Сокращается количество мелких городов и вместо них увеличивается объем городских центров за счет, в частности, увеличения их торгово-промышленных предместий. Особенно ярко этот процесс наблюдается по Таласской долине 60. Характерно, что и в письменных источниках названия городов для Киргизстана в области Таласа и Чу резко сокращаются, что подтверждено и археологическим материалом. За счет сокращения городов в Чуйской долине и на Таласе, появляются города на Тяньшане. Так, если для саманидской поры не были известны оседлые поселения между Атбашем и Барсханом, то для XI—XII вв. на Кочкорке возникает уже значительное поселение, огороженное валом 61.

В города вливается большое количество тюркского населения. Последние являются и ремесленниками и земледельцами. Караханидская знать, являющаяся самым ревностным покровителем ислама, оседает в городах и способствует их развитию. Под их влиянием принимают ислам и рядовые кочевники. Имеются свидетельства, что еще в 960 г. принял ислам 200.000 кибиток. В 1043 г. ислам приняли 10.000 кибиток тюрков, кочевавших около Баласагуна 62. Многие из принявших ислам тюрков оседали. О разнообразности этнического состава населения Киргизстана говорит также и антропологический материал, собранный на кладбищах XI—XII вв. Здесь выявлены иранские, тюркские и тунгусо-манчжурские народности (каракитаи). В области ремесла наблюдаются значительные сдвиги. Если в предшествующую эпоху поливной посуды было мало, то теперь ее стало больше и не столько за счет экспорта из Мавераннахра, сколько за счет развития местного производства. Количественно, все же, неглазированная посуда преобладает над глазированной. Характерна и архаика в изготовлении неглазированной посуды, вызванная включением в городскую жизнь больших масс кочевников, перенесших сюда свои идеологические представления и вкусы в оформлении посуды. Значительное улучшение претерпевает строительная техника. В бытовых постройках все чаще и чаще фигурирует обожженный кирпич, который часто употребляют для кладки в стенах, а чаще всего для вымостки полов в зданиях. Применяется штукатурка, в советских зданиях дополняемая резьбой и раскраской. О значительном подъеме строительного искусства говорят такие первоклассные памятники архитектуры, как дошедшие до нас минареты около двух столиц караханидов, оба расположенные на территории Киргизстана. Это, во-первых, минарет возле Баласагуна, столицы восточного удела караханидов, где имеется минарет мечети, построенной в начале XI века, и минарет в Узгенте, столице мавераннахрского удела караханидов. К этим памятникам относится и южный узгентский мавзолей 1136—1155 гг. и без даты 63. Значительные материалы для этого времени были получены во время строительства Большого Чуйского канала. Существенно меняется лицо Чуйской долины в XI—XII вв., т.е. при караханидах. В эту пору идет формирование типично-феодалного горда, с торгово-промышленным предместьем — рабадом, горда обрастают сельскими поселениями-рустаками, возникают феодальные замки, возводят стены и крепости, охраняющие владения городов и страницы мелких оазисов. И для решения

ряда вопросов этого периода трасса канала дала богатый материал. Так, трасса канала прорезала предместье древнего города Сарыга. Оказалось, что наибольшие размеры предместья Сарыга имело в IX—XII вв., причем характерно, что оно росло на юго-восток, т.е. в сторону столицы караханидов — к городу Баласагуну 64. На окраине этого предместья располагалось древнее кладбище, возникшее, видимо, еще в VII в. и занимавшее берега прилавков (древней трассы Чу) в районе западной оконечности с. Ивановское и на обрыве, где ныне стоит Кенбулунский кирпичный завод. Для этого времени характерны захоронения в хумах, являющиеся продолжением старого зороастрийского обряда. Предместье, видимо, было все в садах. Небольшие, четырехугольные в плане, дома, отстоят на сравнительно большом расстоянии друг от друга. В одной из таких построек, охваченных пожаром, были найдены обгорелые косточки урюка и яблок. В хумах, здесь найденных, археологи обнаружили просо. Одно из сооружений представляло собой помещение, где изготовлялось вино. Следует отметить чрезвычайно высокий технический уровень керамических изделий. Стенки чашек тонкие, обжиг высокий, посуда почти вся на гончарном кругу. Прекрасную картину дали вскрытые каналом рабды и других городищ. В т.н. Сукулукском городище, в этом древнем и своеобразном гончарном центре Чуйской долины, была собрана огромная коллекция керамики XI—XII вв. Большой интерес представляют обнаруженные здесь три гончарные печи, забитые посудой, не получившей еще полного обжига и брошенные, видимо, в момент монгольского завоевания. Важнейшей особенностью XI—XII вв. в области культуры является внедрение караханидами ислама, и в связи с этим приобщение городов Чуйской долины к культуре Мавераннахра. Местные монеты чеканятся по типу арабских дирхемов. Илекские дирхемы обнаружены на трассе в огромном количестве. В районе с. Беловодского был найден в глиняном кувшине клад илекских дирхемов в количестве 3045 шт. Находка такого клада говорит о концентрации крупнейших богатств в руках местных феодалов, тесно связанной с земледельческой аристократией и купечеством. Получает в это время широкое распространение поливная глазированная посуда. Как караханидская посуда вообще, так и в Чуйских поселениях, эта посуда насыщена кораническими формулами благопожеланий. Однако, найденная посуда имеет весьма характерную особенность. Комментарии к корану запрещают изображение живых существ. Но в условиях Семиречья, где живы и стойки были традиции согдийской культуры, где веротерпимая среда тюркского кочевого населения далеко неревниво оберегала догматы корана, более близкая ей тематика, живые существа, причудливо впечатались в кораническую вязь. Так было обусловлено появление глазированных кес, бордюры которых заполнены кораническим изречением, а в центре располагались красочные, реалистически выполненные рисунки фазана, лягушек, медведя и т.п. Эта идеологическая вольность в украшении чрезвычайно ярко демонстрирует народную линию в искусстве, идущую в разрез с официальной идеологией караханидского государства. Наряду с поливной посудой (все же в Чуйской долине неполучившей широкого распространения), наличествовала и привозная, например, найдена была нижняя часть сосуда, покрытого люстром, возможно рейского происхождения. Широко представлена и местная бытовая посуда. В Александровском городище оказались очень хорошо датированные железные предметы XI—XII вв. Среди находок следует отметить топоры, слегка изогнутые на месте стыка лезвия и обуха. Лезвие топора несколько спущено книзу. Найдены слабо изогнутые серпы, скребла для снятия мездры со шкур. Большой интерес представляет конический шлем, с кольчужкой на шею и плечи. Внутренняя часть шлема была заделана шерстяной материей. Собранные здесь железо при тщательном изучении поможет выявить те типические черты, которые дадут возможность археологам датировать такой трудно определяемый в археологическом отношении материал, как железные предметы эпохи средневековья.

Не останавливаясь на других особенностях материала XI—XII века, отметим некоторые моменты из области исторической топографии. Трасса канала прорезала целую серию сельских поселений этого времени. Поселения стоящие ближе к городским центрам, несли на себе явно более высокую культуру (например, при-нузкетские). Область Нузкетских сельских поселений была отгорожена от остальных районов валом, кстати сказать, отводящим и воды речки Карабалты в область Нузкета. Значительны сельские поселения, стоящие на торговом пути, например, между Джулем и Сарыгом (древнее сельское поселение у с. Лебединовки). Здесь среди сельских поселений стояли и феодальные замки. Ни письменные источники, ни, тем более, археологические памятники, которые совершенно еще не изучались в Южной Киргизии, за исключением некоторых памятников архитектуры, не дают возможности проследить историю Южной Киргизии, тем более дать обзоры ее по эпохам IX—X вв. и XI—XX вв. Посему мы даем общий обзор тех сведений, которые нам доступны за период IX—XII вв. Южная Киргизия представляла для этого времени огромный интерес. По границе, проходящей ныне между Ферганой и Киргизией, в древности проходила также граница между кочевниками Тяньшаня и земледельцами Ферганы. Благодаря оживленным торговым сношениям с кочевниками, здесь, у предгорий Тяньшаня, выросли крупные города, как правило, находившиеся в руках тюркской знати, позднее бывшие даже столицами 65. Прежде всего здесь должна быть отмечена область Миян Рудан, находящаяся между р.р. Кара-Дарья и Нарын. Местность Миян Рудан 66, ныне называемая «Ики су арасы», т.е. буквально «между двумя реками» — «Междуречье» находилось в пределах современной Джалал-Абадской области и состояло из большого количества поселений. Центром области был город Хайламе на реке того-же названия, т.е. на Нарыне. Возможно, что центр области находился где-нибудь западнее современного Таш-Кумыра, где по непроверенным данным находятся развалины древнего поселения 67. Здесь же находилась местность семи деревень Хефтедех и два пограничных с тюрками селения Бискет и Селак, вероятно, к северо-западу от Узгента в районе Наукента и Исбаскента 68. Первое селение Миян Рудана Шикит, скорей всего находилось на территории Узб. ССР. Главными городами Южной Киргизии были Узген и Ош, причем, оба рассматриваются древними авторами как пограничные с тюрками города. Ош был больше Узгена. Последний равнялся лишь 2/3 площади Оша, хотя впоследствии при Караханидах имел несравненно большее политическое значение, чем Ош. Ош считался по величине третьим городом Ферганы. «Он состоял из Шахристана, цитадели и рабада; дворец и тюрьма находились в цитадели. Город имел трое ворот: 1) в. Горные, 2) в. Речные, 3) в. Муг-кеде. Соборная мечеть находилась среди базаров, В окрестностях города был большой рабат, куда отовсюду стекались борцы за веру» 69. Точное местоположение рабата неизвестно. По Ибн-Хаукалю рядом с Ошем на горе был сторожевой пункт тюрков, откуда они наблюдали за приготовлением жителей к очередному походу. В.Бартольд справедливо сомневается в том, что саманиды, которые владели Ошем, могли допустить столь близкое пребывание тюрков у города Оша 70. Вторым крупным городом был Узген. Как уже отмечалось выше, он был меньше Оша, хотя при караханидах имел несравненно большее политическое значение. Город уже для эпохи Макдиси (X в.) состоял из цитадели, шахристане и рабада. Город хорошо был снабжен водою из р. Кара-Дарьи. Узген имел четверо ворот. Наибольшего расцвета город достигает при первых караханидах, когда он был столицей мавераннахрского удела. Блестящую характеристику Узгена и ближайшего района дает В.Бартольд в своем Туркестане. «В Узгенде происходила торговля с тюрками; как известно, отсюда вел путь в Семиречье, именно через перевал Ясы в Атбаш. Самый город Узгенд в IX веке принадлежал дихкану Чуртегину, очевидно, тюркскому князю. Название «дихкан Чур Тегин» носила также местность между Узгендом и перевалом; теперь, по словам Н.Ф.Петровского, так называется местность по дороге из Узгенда к древнему Атбашу, за

перевалом Ясы, у перевала Ураз-хан. Лучшей эпохой для Узгенда было время первых караханидов, когда Узгенд был столицей Мавераннахра; к этой эпохе относятся некоторые сохранившиеся памятники древности. При каракитаях и при первых джагатайских ханах, в Узгенде хранилась государственная казна. Между Ошем и Узгендом было 7 фарсахов.; около Узгенда не было других городов. Около Оша был еще город Медва (ныне селение Мады), в 2-х фарсахх от Оша» (Бартольд, Туркестан, 157). Несколько слов следует сказать о городище древнего Узгена. Исследователи, посещавшие Узген, обычно занимались лишь изучением действительно первоклассных архитектурных памятников Узгенского комплекса — минарета и трех мавзолеев. Вне поля зрения оставалось обычно Узгенское городище 71. Узгенское городище стоит на самом берегу р. Кара-Дарья. Оно расположено на огромном холме, искусно подрезанном у основания и имеющем по подошве примерно 1/2 клм. в стороне. Возведенные на нем стены придают городищу вид усеченной четырехгранной пирамиды. С восточной стороны на городище идет двумя маршами выем, выводящий к приречной части городища. Со всех сторон городище имеет крутые (с наклоном градусов в 60) стены. Как показал срез карьера кирпичного завода по северной стене городища, они сложены из пахсы и сырцового кирпича. Четко различаются в северной стене следы ворот и срезом обнаружена калитка оригинальной конструкции.

Она имеет сравнительно небольшие размеры 2х3 м. Свод выложен сырцовым кирпичом. В свод калитки входит спущенный сверху колодец. С помощью этого колодца обороняющиеся могли всегда поражать сверху врага, пытающегося ворваться в калитку. Городище имеет в верхней части план неправильного четырехугольника, ориентированного сторонами по сторонам света. С юга оно омывается Кара-Дарьей, с востока к нему примыкает Нижний Узген, с севера оно отделяется от Верхнего Узгена узким, но глубоким логом, где стоит кирпичный завод и по которому проходит улица Ак-Базар. С запада также проходил глубокий лог, по которому ныне проходит шоссе Узген-Карасу. Городище несколько вытянуто с юга на север. Меридиональные его стороны имеют до 400 м. в длину, широтные до 280. Городище делится на три разные ярко выраженные части двумя стенами, идущими с востока на запад. Внутри этих «кварталов» различаются впадины дворов и бугры построек. Меньше было построек в северной (I) части городища, но зато здесь, вдоль северной стены, ясно различимы конструкции боевых сооружений стен и ворот. Часть здешних наземных сооружений местные жители считают местом казны и могилы воинов Худояр Хана (сообщение Кашгарлыка Абдурахманова Гапара). Средний (II) и южный (III) кварталы были очень густо застроены и населены, о чем говорит не только топография развалин, но и обилие подъемного материала, смываемого внешними водами в сторону Кара-Дарьи. В юго-восточной части городища хорошо различимы и боевые конструкции стен и башен из блоков набивного дувала и продолговатого, больших размеров кирпича. Встречается в кладке и обожженный кирпич. По краю Узгенского городища прекрасно сохранились стены, сложенные из гуваяка кокандской крепости Худояр хана середины XIX в. Городище древнего Узгена, достигающее в отдельных случаях до 30 мтр. над уровнем моря Кара-Дарьи, представляет исключительно большой научный интерес. Не место здесь специально останавливаться на исторической роли Узгена в эпоху Караханидов. Она достаточно хорошо известна. Уже только тот факт, что Узген уже был столицей мавераннахрского удела караханидов, говорит в пользу необходимости его стационарного изучения. Несомненно, что Узгенское городище таит в себе и более древние культуры, быть может со времени Давань. Узген является наиболее восточным и близким к горам древним городищем. Возможно, что это и есть тот древний город Давань по имени Ю, который в 104 г. осаждал китайский полководец Ли Гуан Ли. Основанием к этому служит то обстоятельство, что Ю стоял на большой реке, во-вторых, восточней Узгена долина Кугарта не содержит подобного Ю древних городищ,

в-третьих, основная масса даваньского типа городищ расположена к западу от Кара-Дарьи 72. Наличие же древних слоев на Узгенском городище несомненно. Напротив городища на левом берегу Кара-Дарьи расположен кушанского типа замок. Вспоминается тот факт, что по свидетельству арабских историков, на том берегу реки, против города Узгена был замок принадлежащий тюркскому князю Куртегину. Возможно, что эти развалины и документируют это показание письменных источников. Ко времени арабского завоевания в Южной Киргизии возникает большинство оседлых поселений, являющихся частью большой и оживленной Ферганской области, центром которой был город Ахсикет (15 клм. юго-западной Намангана). В мусульманскую эпоху количество жилых точек резко уменьшается за счет увеличения и роста городов. Ярким примером этого могут служить руины города Медва; далее, видимо, древний Ош (ныне лежащий под постройками современно-старого Оша) и др. Даваньские и кушанские городища служили местом для сельских поселений мусульманского времени (Кашгарское городище, Кургашин тепе), в то время, как отдельные дома — тепе не имеют таких напластований. Более детальное обследование памятников района Оша позволит уяснить и характер других руин, встреченных по маршруту. Весьма интересным комплексом является район нижнего Хуршабла.

Стоящее здесь на слиянии Хуршаба и Кара-Дарьи городище, видимо, является древнемусульманским гордом. Большой интерес представляют здесь, обнаруженные по правому берегу Хуршаба, курганы двух типов. Одни более древние вытянуты цепочкой с юга на север, хорошо сохранили свою конусовидную форму, сложены из земли видимо с галечником. По форме они весьма напоминают курганы скифского времени долины р. Кегень. (Казахстан) и могут быть связаны с даваньского типа культурой; более поздние курганы — плоские в виде сегмента шара. В одном случае к северу от дороги насыпь такого кургана напозла на полу конусовидного большого кургана. По внешнему виду такого типа курганы могут быть отнесены к кушано-тюркскому периоду V—VIII вв. Попутно отметим, что курганы первого типа были нами зафиксированы в районе Чука-тепе (64 клм.) к западу от Джалал-Абада, в районе дороги Советское-Масы. Масы (Ленинджол) — Наукент и Наукент — Сакалды. Курганы второго типа в районе ст. Багиш (к северу от ж.д. Джалал-Абад — Кок-Янбак) и около кишлака Наукент. Большое количество курганов такого типа было расположено к северу от дороги Уч-Курган—Наманган в районе станций Янги-Курган—Черток, т.е. на территории Узбекистана.

Отметим также некоторые городища. Городища мусульманского времени отмечены к востоку от кишлака Наукент на правом берегу р. Ун Уйгур в районе Базар-Кургана. В районе Багыш-Октябрьское следует указать на городища типа Кашгарское и тепе типа Шактак. Особенно много такого типа тепе, равно как и более ранних, сосредоточено в трех местах: к югу и востоку от Базар-Кургана, к северу от с. Советское и в районе Наукента. Вообще междуречье Кара-Дарьи-Нарын весьма обильно памятниками старины. Мусульманское городище Мады-Курган находится в самом поселке Мады и расположено по обоим сторонам Памирского тракта. В юго-западном углу городища находится цитадель, а на север тянется линия стен. Городище ориентировано углами по странам света. Цитадель имеет до 12 мтр. высоты, само сечение цитадели сравнительно небольшое — до 20 м. Городище расположено на террасовидных уступах, идущих от русла речки Мады-Булак, на котором стоит ныне кишлак Мады. Бугры городища продвинулись на сравнительно большое расстояние, свыше полукилометра. В виду того, что это городище находится под современным поселением, а часть его используется на земледельческие культуры, фактически мы имеем дело лишь с остатками древнего города, к тому же изрядно нарушенными. План городища и подъемный мусульманский материал не оставляют сомнения в том, что осмотренные развалины относятся к средневековому городу, хотя и стоящему в отдельных частях на более древних поселениях. Следуя за В.Бартольдом, нам представляется возможным отождествлять эти

развалины Мады Курган с мусульманским средневековым городом Медва, который по сообщению Макдиси находился недалеко от города Ош, одного из крупнейших городов Ферганы. В современном названии Мады нетрудно видеть усеченную форму древнего названия Медва. В Фергане в мусульманскую эпоху широко была развита добывающая промышленность 73. Золото и серебро разрабатывалось у Ахсикена и Некада, ртуть около Соха (южнее Коканда), в Верхней Несче — смола, асбес, золото, серебро, бирюза, железо, медь и свинец (Северная Фергана), около Узгенда добывали Нашатырь. В X веке по Макдиси было 40 городов и селений с соборной Мечетью. Города делились по Макдиси на три группы 74 — Миян Руданские, куда входили города Южной Киргизии, находящиеся между Нарыном и Кара-Дарьей, т.н. область Хайлама (или Хайрлам) и территория вплоть до Узгенда 75; группа Несайских городов (южно-ферганские), куда из городов, расположенных на территории Киргизии, входили города Ош, Медва, Хуршаб, Некад, а главным образом города, расположенные в Узб. ССР. К третьей группе относились города к северу от Сыр-Дарьи под названием Вагизийские: к ним должна быть отнесена область Джидгиль по р. Чаткал, а также, возможно, селение Неджи-Керван 76. Близко к южной Киргизии был расположен город Касан, имевший большое значение в VIII—IX вв., когда он был столицей Ферганских царей. Несмотря на то, что вся Фергана была завоевана в IX веке, а район Миян Рудана (деревни в X веке и мусульманские святыни (например, могила арабского завоевателя Мавераннахра ибн Кутайбы, убит в 715 г.), находились в Фергане, все же восточные города Ферганы, почти всегда находились в руках тюрков. Достаточно указать, что такой важный центр, как Узгенд, в IX веке принадлежал дихкану Чур Тегину — тюркскому князю. Его именем называлась вся местность в востоке от Узгенда в сторону Атбаша. Экономическое могущество южно-киргизских городов, целиком и полностью строилось на торговле с тюрками, а также на добывающей промышленности. Последняя давала сырье для ремесла, а продукты последнего шли на обмен с кочевниками. Последние поставляли, как правило, скот, мясо, шерсть, кожи и рабов. В известном смысле характер предметов торговли показывает и те подарки, которые вносили илеки своим союзникам. Показателен в этом отношении список подарков, которые дал в Узгенде илек Наср послам газневида Махмуда. Вот перечень подарков, врученных в Узгенде послам Махмуда — Салухи и серахскому наместнику Туганчику: «произведения рудников, мускус, коней и верблюдов, рабов и рабынь, белых соколов, черные меха, рог хуту, куски нефрита и китайские драгоценности» 77. Достаточно подробно говорит о подарках Караханида Гардизи — «Он (Иодыр) велел казначею открыть двери казны, вынул оттуда много денег и послал к эмиру Махмуду, вместе с произведениями Туркестана, именно, хорошими конями с золотой сбруей, тюркскими рабами с золотыми поясами и колчанами, соколами и кречетами, мехами соболей, белок, горностаев, черных лисиц и ласок, сосудами (бурдюками) из шерсти двух баранов с рогами хуту, китайской парчей и т.п.» 78. Здесь, видимо, и завершался транзит по одному из торговых путей с Китаем, ибо путь из Узгенда шел из Атбаш, оттуда в Верхний Барсхан и далее в Китай.

Интереснейшая в историческом отношении область Южной Киргизии до сих пор не изучена в археологическом отношении. Мы уже видели по ранее приведенным сведениям (см. гл. VII—VIII), что эта область была одним из древних центров высокой культуры. В истории Киргизстана, несмотря на свою оторванность от Северной Киргизии, она все время находилась, в связи с последней — в древние времена через посредство усуней, позднее — через тюрков. Но с караханидской эпохи она окончательно связывается с другими областями Киргизстана не только экономически, но и политически. Не случайно, на пути в Фергану, по Тяньшаню, с XI в. начинают возникать, кроме известного Атбаша, и другие еще безымянные города, как например, на Кочкорке.

Влияние на Караханидов Мавераннахра выразилось не только в принятии ими ислама, но и в восприятии целого ряда явлений, доселе им неизвестных. Так, например, при них появляется мусульманского типа архитектура, а также выпускаются монеты, подражающие саманидским дирхемам. Надписи в этих монетах выполняются арабским шрифтом, но наряду с ним встречаются начертания и уйгурским шрифтом 79. О том, что уйгурская культура имеет здесь значительное влияние, говорит и тот факт, что некоторые списки Кудатгу Билик написаны уйгурским шрифтом. Наличие здесь уйгурского шрифта для письма 80 отмечает и Махмуд Кашгарский. Все это становится ясным, если учесть принадлежность Восточного Туркестана и Караханидским уделам, а в них, как известно, господствовала уйгурская культура. Влияние Восточного Туркестана и Китая прослеживается и по ряду других данных. Характерно, что многие караханиды носили титул «Тамгач хан». Слово Тамгач в форме «Табгач» известно еще с орхонских текстов, где им величались китайские императоры. Караханиды Богра Хан и Ибрагим носили такие титулы. Сам Ибрагим впоследствии к своему титулу присоединил эпитет «царя востока и Китая», а его сын Наср величал себя «Султаном Востока и Китая» 81. Коренными местами обитания кочевников оставались в это время лишь горные долины. Здесь сохранялся и кочевой быт, в то время, как в долине Чуйской и на нижнем Таласе, кочевники втягивались либо сами в городскую жизнь, либо быстро осваивали ее культуру. Характерно, что кладбища караханидов Чуйской долины целиком и полностью несут на себе следы оседлости — грунтовые могилы, труположение без вещей. Только с немногими костяками и, в частности, с детскими, были найдены металлические литые украшения и бусы 82. В верховьях Таласа было раскопано несколько курганов этого же, видимо, времени, где под одной насыпью находились семейные погребения, сделанные из сырцового кирпича. В одном из них было найдено бронзовое украшение изображающее птицу Гаруду, известную по изображениям на буддийских фресках Восточного Туркестана 83. О сильной роли ислама и его господствующем положении говорит целый ряд фактов — уже отмеченные выше явления в области письма, употребление коранических изречений на монетах, мусульманское законовелеие коим проникнута рукопись Кутадгу Билик, архитектура и т.д. — все ориентируется на мусульманские образцы. Исчезают зороастрийские оссуарии и преобладают погребения мусульманские. В какой-то степени остаются еще несториане, получившие большое распространение в Киргизии позднее, уже после монгольского завоевания. Христианство пользовалось здесь в XI—XII вв. особым покровительством правящей династии. Вот как характеризует положение В. Бартольд: «Кидане, подобно китайцам, одинаково покровительствовали всем религиям, между прочим и исламу; мусульманские историки хвалят справедливость гурханов (это, как нам кажется, лучше всего показывает, что гурханы не были несторианатами). Все-таки мусульмане должны были лишиться своего господствующего положения, и последователи других религий были безопасны от мусульманского фанатизма; поэтому и христианство могло распространиться свободнее при караханидах. Патриарх Илья III (1176—1190 гг.) учредил несторианскую митрополию в Кашгаре, одной из столиц Гурханов (другой был Баласагун). В каталоге Аира Кашгарский митрополит назван митрополитом Кашгара и Невакета»; следовательно в состав Кашгарской митрополии входило и Семиречье» (стр. 26). Увеличение роли и значения города, а также в связи с этим и городского населения, в частности, ремесленников, прекрасно отражает уже неоднократно упоминаемое выше литературное произведение Кудатгу Билик. В нем особо отмечается необходимость оказывать всяческие благодеяния ремесленникам и земледельцам, представляющим опору государства.

Весьма любопытны вышеприведенные замечания о кочевниках, с которыми следует всячески ладить, но не забывать, что они могут создать многие неприятности для государства. Впрочем, то тревожное состояние, в котором держали кочевники

государство караханидов, оправдывает соответствующие строчки Кудатгу Билик. В XI—XII вв. караханиды терпят нашествия с одной стороны киданей, или кара-китаев, с другой — канглов.

Кара-китаи или кидани — народ тунгусо-манчжурского происхождения, появлялись вблизи территории Киргизстана еще в 10—17—18 гг., но были отогнаны караханидским государем Туга-ханом 84. В начале XII века (1125 г.) они вновь появляются в Киргизстане, где образуют новую династию, так наз. западных Ляо, с центром в городе Баласагуне. Основатель этой династии Елюй-даши уже в 1128 г. вступил в сражение с караханидами, хотя и потерпел от них поражение 85. В 1141 г. кидане разбивают войска сельджукского султана Синджара и овладевают государством караханидов. Легкость, с которой кара-китаи завоевывают караханидское государство, объясняется, в частности, тем, что в государстве караханидов жила значительная часть кара-китаев, проникшая сюда, видимо, во время первого движения на запад. Во всяком случае имеются сообщения, что еще в 1014 г. часть кара-китаев переселилась во владения Арслан-хана и, хотя отказалась принять ислам, но все же выразила полное подчинение и повиновение караханидам. Восстание кара-китаев Семиреченских во время нашествия их соплеменников в 1141 г. и повлияло на успех каракитайского завоевания XII века. Второй поход кара-китаев был вызван тем, что их государство в Монголии и Северном Китае было в 1125 г. разбито яжурчженями. Каракитаи двинулись в области енисейских киргиз и оттуда вышли на запад. Уже в районе Чугучака на р. Эмиль, где они выстроили свой город, их число достигало 40.000 кибиток 86. Они были призваны Баласагунским владетелем на помощь против карлуков и племен канглы. Помощь со стороны кара-китаев окончилась захватом в их руки власти в Киргизстане и от Енисея до Таласа раскинулась новая кара-китайская империя. По Джувейни (XIII в.) захват Баласагуна произошел следующим образом. «Они пришли к пределам Баласагуна, который теперь монголы называют губалыг. Эмиром этих народов был некто, возводивший свое происхождение к Афрасиабу... Он не имел силы и мощи и племена тюрок, карлуков и канглов, которые были в тех пределах, вышли у него из подчинения, притесняли и нападали на его людей и скот и грабили, как волки. Этот человек был царем, но не мог удержать и отразить их, когда он услышал весть о пребывании в многочисленности людей гурхана и его сторонников, он послал к гурхану послов с признанием своей слабости и бессилия, жаловался на самовластие и безобразное поведение канглов и карлуков и просил гурхана выступить в столицу, дабы передать ему во власть округа своего государства и освободить себя от забот. Гурхан отправился в Баласагун, сел на трон подобранного на дороге царства, лишили потомков Афрасиаба звания хана и назвал его Илек Туркмен и послал комендантом в округа и края Кем Келешка до Енисея (?) и от Тараза до .....

Когда прошло некоторое время, слуги его отдохнули и скот стал жирным, он овладел канглами...87. Завоевав Афрасиаб, каракитайский гурхан в 1141 г. выступил в защиту карлуков, своих недавних врагов, против сельджукского султана Синджара. 9-го сентября 1141 г. в Катванской степи сельджуки были разбиты и вскоре каракитаи взяли Бухару (1141—42 77.). Каракитаи захватили и владения хорезмшаха, и Атсиз должен был платить не только подати натурой, но и 30.000 динаров золотом. Неповиновение хорезмшахов каракитаям вызывает неоднократные походы, например, 1171—72 гг. 88 Выступают кара-китаи против Хорезма и по просьбе владетеля Дженда Текеша, который отказался подчиниться своему младшему брату Султан Шаху, возведенному на престол после смерти Иль Арслана, своей матерью Турхан. Текеш обратился к каракитайской царевне, дочери первого гурхана, и ее мужу Фума. Фума привел Текеша в Хорезм, где Султаншах и Турхан отдали без боя престол Текешу в декабре 1172 г. Первая наследница гурхана скоро умерла и престол перешел к ее матери, «вдове гурхана и к его сыну Мухаммеду», по имени Е-люй-и-ле 89. После смерти первого гурхана,

каракитайский престол занимали часто женщины и дочери гурханов или регентовала мать малолетних наследников. К 70-м годам XII века кочевое население (возможно одних каракитаев) составляло 84.000 кибиток. Вскоре Текеш разорвал свои отношения с каракитаями, и кара-китаи на сей раз выступают в союзе со своим бывшим врагом Султаншахом, но без особых результатов. Каракитайские войска участвуют в борьбе против Хорасана и Мерва, и в это время овладевают вероятно Балхом, где остается после них тюркский князь, в последующем вассал каракитаев. В 1198 г. каракитай под предводительством Танику помогают Хорезмшаху в его борьбе с Гузганом, владельцем Самом, но в это время терпят поражение от Гияс ад-Дина и гуридов и вынуждены отступить. Только в 1204 году каракитаи получают реванш, разбив гуридов. Вскоре, однако, с вступлением на престол Хорезмшаха Мухаммеда политическое господство каракитаев терпит крах. Падение каракитайского государства относится к началу XIII века. Решающую роль в этом сыграли западно-монгольские племена под предводительством Кучлука. Последний заключил договор с карлуцким Мамдуханом и выступил против каракитаев в 1209 г. Ему удалось овладеть Узгентом и взять там казну. В 1210 г. Хорезмшах Мухаммед с самаркандским ханом Чжаном выступают против каракитаев. Подробное описание этого события имеется в трудах историка XIII века Джувейни. Когда известие дошло до гурхана каракитайского, он также приказал Таянгу, чьей царской одеждой была вышитая одежда (тираз) и чьим местопребыванием был Тараз, чтобы он действовал энергично. Таянгу в надменном заблуждении выставил бесчисленное войско. Когда султан (Мухаммед) переправился через Сыр-Дарью, он приказал пустить по течению воды мост, который был устроен для переправы войска... Он дошел до степи Иламыш, Таянгу же с храбрым войском обманывал своим самомнением, заблуждением и силой, потерял рассудок от числа своих людей и оружия, полагался на переправу Сейхуна и пренебрегал изменчивостью бытия. Встреча рядов войск произошла в августе-сентябре 1210 г.» 90. Когда Хорезмшах и Султан Осман достигают Тараза «там был Таянгу с сильным войском. Он также устроил смотр войску и выступил для сражения. Когда они стали друг против друга, с обеих сторон произвели атаки и левые фланги каждой стороны погнались находившихся против них правые фланги другой. Оба войска отступили и войско гурхана вернулось, а Таянгу попал в руки врагов. Султан Мухаммед также вернулся. Войско китаев во время возвращения начало громить, грабить, убивать и бесчинствовать в своих местах, округах и (среди) подданных. Когда оно дошло до Баласагуна, жители последнего решили, что Султан завладеет этими местами и защищали ворота. Когда войско каракитаев пришло туда, они не допустили его, завязался бой и сильно сражались 16 дней, не думая, что султан идет вслед за ними, (кара-китаями). Хотя Махмуд Тай и эмиры гурхана устраивали оглашение с ними и давали им советы, они не доверяли. Наконец, войско китаев, которое было повсюду собрано целиком, слонов которых забрали из султанского войска, погнались на ворота и сломали их. Со всех сторон войска показали силу, вошли в город, пустили в ход мечи и никому не оказали пощады. Трое суток они убивали. В числе убитых было 7.000 уважаемых именитых (людей), войско Гурхана сильно разбогатело от обилия добычи...» 91. Взятие Баласагуна было одновременно и катастрофой для кара-китаев, которые требуют от гурхана казну. Волею Кучлука престол еще два года занимает гурхан под своеобразным регентством кучулука, который является фактически хозяином края, продолжавшимся до 1217 г. Кучлук довольствовался титулом хаджиба. Во время этих событий активное участие принимает хорезмшах, к которому перешла часть каракитайских войск, потребовавший от Кучлука часть его владений. Кучлук отказал. В это время он ведет борьбу с восстанием Бузара в Восточном Туркестане. Любопытен метод борьбы Кучлука с Восточно-туркестанскими владениями. Он отправлялся туда четыре раза (1211—1214 гг.) во время жатвы и истреблял посеиы. В результате создавался голод, что заставило жителей покорить Кучлуку. Опасаясь походов Кучлука,

самаркандский владетель приказал жителям Ислиджаба, Шаша, Ферганы и Касана выселиться и истребить свои поселения. В 1218 году монголы второй раз выступают против Кучлука (первый раз 1211 г., Хубилай Нойон). На этот раз войсками монголов предводительствует Джебе Нойон. Еще в 1208 г. Чингиз-хан на берегах Иртыша разбил найман под начальством кучлука и меркитов под предводительством Тухтабики. Найманы бежали к кара-китаем, меркиты в Уйгурию, к уйгурскому идикуту, вассалу кара-китаев. Усиление идикута дало ему возможность выступить против гурхана и заключить договор с Чингиз-ханом. В результате этого восстания был убит наместник Гурхана Шаукем. Вскоре меркиты бежали в Северную Киргизию к Кучлуку. Однако, уже тогда могуществу кара-китаев со стороны монгол был нанесен удар, т.е. еще в 1208 г.

В 1211 г. монголы овладевают северной частью Семиречья, где к ним присоединился карлукский Арслан хан, убивший каракитайского наместника. Тогда же овладел Алмалыком Бузар, принявший титул Тогрул хана, женился на дочери Джучи и сделался вассалом Чингиза. Однако, дальнейшее движение монгол было приостановлено, т.к. они начали войну с Китаем, куда были отозваны их главные силы. За время, когда ушли монголы, и усиливается Кучлук. Его нестерпимое отношение к мусульманам и усиление поборов, делает их непримиримыми врагами кара-китаев и Кучлука и вместе с тем союзниками монгол, провозгласивших свободу вероисповедывания. Занятый войнами с кипчаками и внутренними междоусобиями Хорезмшах не выходит на помощь своим единоверцам, а самаркандский владетель был слишком слаб для самостоятельного активного вмешательства⁹². Монголы опираются на восстание мусульман подвергавшихся гонению со стороны Кучлука. Баласагун и зависимая от него Фергана сдались без боя, почему Баласагун был назван монголами Губалыг — т.е. «хороший город». Дальнейшее завоевание монголами Киргизстана, не входящее в предмет нашего исследования, приводит к тому, что к 20-м годам XIII века Киргизстан входит в систему Монгольского государства⁹³. Господство кара-китаев в Киргизстане оставило значительные следы. Верховным владыкой кара-китаев был Гурхан. Значение этого слова неясно. Толкуют его как синоним «хан ханов»⁹⁴. Кара-китай не грабили страну, а ограничились сбором подворной подати — форма внимания дани, перенесенная ими из Китая. Кара-китай не строили новых городов, а использовали для своей столицы Баласагун, где они пристроили к юго-восточному углу шахристана старого города свой «квартал». Ставка их называлась Хосун-орду. Империю караханидов, которой овладели кара-китай, они не делили на уделы, а расставили в разных своих сборщиков податей. Бесконтрольные действия последних и вызывали частые возмущения в государстве. Кара-китаем обязан Киргизстан новой волной проникновения китайской культуры⁹⁵. В столице кара-китаев в Баласагуне были буддийские храмы, выстроенные и разукрашенные восточно-туркестанскими мастерами. Китайская культура здесь скрестилась со среднеазиатской и наряду с вещами китайского и среднеазиатского происхождения, археологи находят и произведения смешанного характера — китайские монеты, исполненные среднеазиатскими мастерами. Значительное место получает здесь китайская строительная техника — черепица, налпы, отопительная система стен в виде канов (заложенные внутри стен каналы для прохождения нагретого воздуха). Большой интерес представляют обломки каменной статуи будды, размером несколько более человеческого роста. Трактовка будды, а также окружающих его реалий (бодисатвы, мифические звери, охраняющие будду, лягушки, лотосы и т.п.) наглядно демонстрируют северокитайские буддийские формы искусства, в свою очередь унаследовавшие прекрасные образцы классического искусства. Разнообразен был и набор лепных украшений в раскопанном нами храме. Из них особенно следует отметить сделанные из глины ветки священного буддийского дерева, именуемого ботаниками *Hinka Viloba* (определение Выходцева). Значительное

количество обломков сырцовых глиняных статуй (торсы со складками одежды, характерно трактованные волосы и т.п.) говорят о том, что храм был богато украшен. Судя по находкам, кара-китаи употребляли уйгурское и тибетское письмо. Широкие торговые связи кара-китаев документируют также находки, например, керамики китайского тангутского и среднеазиатского происхождения. При кара-китаях значительное распространение приобретает христианство несторианского толка, а в Кашгаре даже была митрополия (1176—90 гг.), причем кашгарский митрополит носил титул «митрополита Кашгара и Невакета», т.е. в состав митрополии входил и Киргизстан. Ряд памятников кара-китайской культуры был вскрыт и на строительстве Большого Чуйского канала. Кара-китай или кидани, как мы говорили выше, образовали в Чуйской долине центр своей новой династии Силяо. Центр Силяо открыт нами в городище древнего Баласагуна, но других точек в Чуйской долине мы до сих пор не знали. Теперь можно указать на кара-китайскую культуру в районе Лебединовки. Отсюда происходит бронзовая статуэтка будды в позе благословения, явно подражающая гандарским (северо-индийским) образцам. Особенно характерен головной убор, античная трактовка одежды будды. На пьедестале, на котором сидит будда, имеются изображения мифических собакоподобных существ, его охраняющих, у левого угла в смиренной позе на коленях изображение человека с косой. Большим центром кара-китайской культуры явилось уже неоднократно упоминаемое Александровское городище. Здесь при разработке резервов на правом берегу оврага Мамай был вскрыт квартал гончаров, состоявший из двух частей: мастерских керамистов и мастерских по изготовлению стройматериалов. Обилие брака и разрушенных гончарных печей, не оставляет сомнения в том, что это древний гончарный центр. Керамика кара-китаев не имеет особых отличий по сравнению с караханидской. Это в основном два типа — кубышкообразные сосуды с петлеобразными ручками и высокие кувшины с одной ручкой. Любопытен стройматериал: квадратный кирпич, полуциркулярная черепица серосинего теста сделанная на матерчатом шаблоне. Особенный интерес представляют коньки на черепицу в виде плоской дуги с козырьком вверх, на которой, по-моему, находится стилизация буддийского стриптиха — изображений будды в центре и бодисатв по обоим сторонам. Помимо квартала гончаров здесь же открыт могильник этого же времени. Могилы представляют собой открытую яму, обложенную прямоугольным сырцовым кирпичом, законченную шатровым перекрытием. В могилах трупоположение головой на север. Инвентарь чрезвычайно беден. В основном нефритовые украшения вытянутой формы с ажурными краями. Часть из них с круглым отверстием в верхней части служила подвесками на металлические серьги. Другие, такой же формы, но с отверстием в виде замочной скважины, служили пряжками лонного пояса. Благодаря строительству БЧК, археологи получили первый точно датированный могильник кара-китаев. Роль каракитаев, отмеченная по материалам археологических экспедиций 1938—1940 гг., выразившаяся в новом усиленном проникновении в Чуйскую долину китайской культуры, в том числе и буддизма, снова подтвердилась материалами с БЧК, к тому же расширившим наши представления об их культуре. К этому времени должны быть отнесены погребение человека в сидячем положении, лицом на юг, рядом с ним погребение лошади, кувшин сунского происхождения и белоногая чашечка. Несомненно кара-китаем обязана находка фрагмента селадонного блюда с иероглифами, равно как и ряд других орнаментов китайской керамики сунского времени. Существенное значение имело владычество кара-китаев видимо и для переселения енисейских киргиз на Тяньшань, т.к. их государство простиралось от Енисея до Таласа. По всей вероятности, в это время произошло следующее (третье) переселение кыргызов на Тянь-Шань. С владычеством караханидов и каракитаев народы Киргизстана вступили твердо на путь развития феодальных отношений, монгольское

завоевание явилось актом, ускоряющим их развитие, но последнее выходит за пределы нашего тома

Заключение

История кыргыз и Кыргызстана до монгольского завоевания, как это было видно из вышеизложенного текста, включает в себя три основных этапа исторического развития: первобытнообщинный, рабовладельческий и начало феодального. История кыргыз уходит в глубокую древность, к IV тысячелетию до н.э., но эта доистория племен Енисея может считаться эпохой становления лишь кыргызских племен. В ней только начинается кристаллизация тех этнических элементов, которые лишь к концу I тысячелетия до н.э. образовали первые кыргызские племена. Уже с этого этапа намечаются связи кыргызских племен Енисея с Тянь-Шанем, нашедшие свое полное выражение в государстве каракитаев в XII веке. Когда Енисей и Тянь-Шань входили в одно государственное целое. Таким образом изложенная выше история является вместе с тем и историей создания новой родины кыргызского народа, в котором он строит свое коммунистическое будущее. Приведенные нами в приложении 1-м синхронистические таблицы важнейших событий по истории кыргыз и Кыргызстана весьма наглядно показывают как по существу были исторически связаны такие далекие друг от друга области, как Тянь-Шань и Енисей. Так, например, в эпоху бронзы, несмотря на локальные отличия северокрыгызской бронзы, мы все же наблюдаем черты сходства с синхроничными памятниками не только Енисея, но и Алтая. Наибольшее сходство устанавливается для андроновского этапа. Для Кыргызстана мы еще не знаем культуры идентичной афанасьевской культуре Енисея. Однако, косвенные данные о заселении окружающих районов в эпоху камня и находки на территории Кыргызии говорят о том, что бронза Кыргызии не принесенное извне явление, хотя слагалась под сильным влиянием Казахстанского очага бронзы. Локальные отличия нарастают к скифской эпохе и о них достаточно подробно сказано в главе VI-й. Характерно для этого времени бытование на Енисее и на Тянь-Шане, по существу одного и того-же расового типа, который мы можем именовать динлинским. С этого периода Енисей и Тянь-Шань оказываются втянутыми в политические события Центральной Азии. Так, в последние века до н.э. здесь существенную роль на экономику, социальный строй, расовый и этнический тип влияют гунны. Енисей и Тянь-Шань — два фронта для центрально-азиатских держав. Походы гуннов одинаково равномерно направлены и против усуней и против кыргыз Енисея. В наибольшей степени эта связанность получает свое выражение в движении Чжи Чжи шаньюя. С этим временем и связано расчленение кыргыз на две ветви: Тянь-Шаньскую и енисейскую. Аналогичное положение складывается и в эпоху владычества племен сяньби и в эпоху владычества племен тоба в Центральной Азии. Разница заключается в том, что связь упомянутых племен с Енисеем была более прочной, чем с Тянь-Шанем, где господствуют гунны. Разные результаты походов жужан в V веке против Енисея и Тянь-шаня, существенно, определяют пути дальнейшего развития этих районов. На Енисее продолжает развиваться кочевая культура, на Тянь-Шане получает возможность развития согдийская культура оседлых поселений. Успешные действия племенного союза юебань против жужан, не пропустивших последних в Семиречье, создали возможности развития согдийской колонизации в Чуйской долине. Если в первые века н.э. отличия Енисея и Тянь-Шаня только намечены, то теперь разница в развитии культуры становится все более ощутимой. Процесс некоторого объединения выполняет второе мощное, после гуннов, центральное азиатское образование. Имеем в виду тюркский каганат. Особенности развития племен Монголии и Семиречья ведут к расколу каганата на две части: западный и восточный. Экономическое и политическое превосходство племен Тянь-

Шаня, вошедших в западно-тюркский каганат, позволяет им два раза существенно проявить силу оружия над енисейскими кыргызскими племенами. Падение восточно-тюркского каганата в Монголии сильно изменяет международную обстановку. Активнее выступает Китай, но он ориентируется в это время (впрочем, в этом же плане он действовал и в древности) на Среднюю Азию. Мирные паломники сменяются талантливыми военачальниками (Сюань Цзян и Судифан). Это «однобокое» стремление Китая используют восточные племена. Тюркский север становится источником восстаний против китайского протектората. Посольства в Китай сменяются восстаниями против китайских наместников. Активное выступление западных тюрков, их коалиция с Тибетом, дают возможность укрепиться арабам, создают плотину для просачивания китайского влияния в Среднюю Азию, развязывают возможность действия для северных тюрков. Восстанавливается восточно-тюркский каганат. Как и предшествующие центрально-азиатские державы, тюркский каганат ведет сразу борьбу на два фронта: Енисей и Тянь-Шань одновременно в поле зрения восточно-тюркских каганов. Изоляция Тянь-Шаня от вмешательства в дела Центральной Азии (действия Китая) и ослабление племен Центральной Азии от внутренних междоусобных войн позволяет активизироваться енисейским кыргызам, которые от участия в разгроме восточных тюрков уйгурами в 745 г. переходят в X веке к активному вмешательству в дела Центральной Азии. IX—X века эпоха побед кыргыз Енисея и эпоха сложения героического эпоса Манас. Тянь-Шань в это время втягивается в политическую жизнь Средней Азии. Карлукский и караханидский периоды превращают Тянь-Шань в органическую часть Средней Азии — завершают те процессы, которые наиболее ощутительно проявлялись еще со времени согдийской колонизации края.

Однако, экономическая ситуация в государстве енисейских кыргызов (см. гл. V) завершается и политическими их неудачами (в результате напора киданей): кыргызское государство на Енисее сходит на нет. В дальнейшем сильным потрясением для государств Тянь-Шаня и Енисея явится монгольское завоевание. Из изложенного также явствует, что в древнюю эпоху кыргызы являлись одним из ведущих народов Азиатского материка, а на территории Кыргызстана слагались государственные образования, определившие судьбу народов Средней Азии в древний период, особенно с VI в. н.э. Кыргызский народ являлся не только в отдельные эпохи политическим гегемоном (кыргызы в Монголии), но и стоял наряду с другими представителями высокой культуры Средней Азии, являлся одним из числа активных ее создателей. Кыргызский народ и его культура были сильно подорваны в эпоху монгольского завоевания. Была разгромлена богатая культура Кыргызстана. События на его территории, связанные с войнами начала XIII века, между мусульманами и кара-китаи, оседлыми городами и кочевниками канглы и карлуками, сильно разоряют страну, во всяком случае крупнейшие центры, как Баласагун, Узгент, Тарах и др. Ослабление этих центров было одним из условий, способствовавших легкой победе войск Джебей нойона над городами Семиречья, в том числе и Кыргызстана. Роль Кучлука, несмотря на его сопротивление монголам, свелась к тому, что он подготовил «открытые двери» для монгольского вторжения в Среднюю Азию. Сами каракитаи, создавшие прообраз будущей монгольской империи, немало способствовали этому. Разгром Северной Кыргызии в начале VIII века был прелюдией к покорению Средней Азии и Восточной Европы. Это начало «ига кровавого болота» (Маркс), в котором изнывали народы нашей страны. Да и на территории самой Кыргызии на пару веков замерла жизнь, ликвидировалось земледелие, погибли города и археолог при раскопках неоднократно сталкивался со слоями пожарищ и разрушений, в слоях относящихся к монгольскому времени. Была сметена вековая культура, уничтожены все достижения некогда мощной цивилизации. Как бы на тысячелетия история была отброшена назад, и в послемонгольский период снова на территории Кыргызстана абсолютно господствует кочевая культура джагатаидов, калмыков и

кыргыз. Позднее культура была воскрешена и поднята на более высокую ступень лишь при Тимуридах (XIV—XV вв.), но не надолго. Казалось-бы, что прошлое осталось только в руинах, стало погребенным землей, не отложилось в культуре народа-потомка. Но носители старой культуры Тянь-Шаня остались. Им был давно пришедший на Тянь-Шань кыргызский народ. Переселяясь с дальнего Енисея на Тянь-Шань в течение почти двухтысячелетий, кыргызы были современниками и соучастниками большого культурно-творческого процесса народов Тянь-Шаня. Приходившие с Енисея кыргызы не были «диким» народом. На Енисее они имели сравнительно высокую культуру. Китайские источники сообщают, что там было много китайцев ремесленников, и перечисляют ряд кыргызских городов, среди которых следует прежде всего указать Ийлан Чжоу. Широко славились в прошлом енисейские кыргызы своими мастерами, особенно кузнецами, с произведениями которых был хорошо знаком еще раньше Кыргызстан. На Тянь-Шане кыргызы продолжали вести кочевой образ жизни, но часть из них производила предметы из металла и оседала в городах. Оставаясь все время кочевниками, но близко соприкасаясь с городами, кыргызы уносили и откладывали в своей народной памяти, фольклоре и народном творчестве культурные ценности прошлого. Когда после монгол была разрушена страна, когда вслед за монголами Кыргызия подверглась неоднократным опустошительным походам ойротов, в ней продолжали жить и отстаивать свою свободу «дикие львы Могулистана», как называли кыргыз их современник в XVII веке Мухамед Хайдер. Будучи кочевниками, кыргызы легче перенесли вторжение кочевников-же монгол и ойротов, но в то же время, будучи, по сравнению с монголами и ойротоми, самыми старыми здесь жителями, они оказались единственными хранителями былой культуры Кыргызстана периода расцвета V—XII вв. н.э. Пусть не все, но многое запечатлел кыргызский орнамент, народный фольклор из эпохи расцвета культуры Кыргызстана до монгольской эпохи. В орнаменте ширдаков и тушкиззов можно найти воспроизведение священной птицы согдийцев — фазана, вихревую розетку караханидов XI—XII вв., сасанидский орнаментальный круг XII—VIII вв., китайский символ благополучия достатка и жизненных благ — «таотье», геометрическую линию карлукского периода VIII—X вв., рисунок штампа XI—XII вв. и разновидности бараньих рогов, ныне в ширдаках воспроизводящих рисунок древнего изразца и многое, многое другое. Столь же древен и народный фольклор, особенно эпос «Манас». Разве не напоминает описание похорон Кокетея, где покойному надо по обычаю отделить мясо от костей, зороастрийский обычай захоронения умершего? А походы Манаса в Бейджин это определенно воспоминание похода Яглакар-хана в Бешбалык IX века и т.д. и т.п. До сегодняшнего дня в культуре кыргызского народа оказались сохраненными следы той древней высокой кочевой культуры Кыргызстана, сложившийся за весь длительный и сложный период исторического развития.

Синхронистические таблицы важнейших событий по истории киргиз и Кыргызстана (Енисей и Тянь-шань)

<p>III т. до н.э. Сложение скотоводческого хозяйства пастушеского типа. Афанасьевская культура.</p> <p>II т. до н.э. Андроновская культура. X—VIII в. до н.э. Карасукская культура.</p> <p>VII—IV вв. до н.э. Тагарская культура скифского облика (I—II этапы) III в. до н.э. - I в. до н.э. Тагарская культура III-й этап</p>	<p>III т. до н.э. сложение скотоводческого хозяйства пастушеского типа</p> <p>II т. до н.э. Северокиргизский вариант андроновской культуры (Сухулук, Каинда)</p> <p>X—VIII в. до н.э. Северокиргизский вариант карасукской культуры (Джаильма, Нарын, Каргалы).</p> <p>VII—IV вв. до н.э. Сакский племенной союз (Иссык-кульские жертвенники; Таласские погребения — Айри Там, Чим Тюз, Джиек).</p>
--	---

<p>209—201 г. до н.э. Первое упоминание племенного названия киргиз.</p> <p>I в. до н.э. Культура типа Таштык на Енисее и Оглахтинский могильник.</p> <p>99 г. до н.э. Ссылка Лилина в область хакас. 70-е г. до н.э. Выступление динлин (и киргиз?) против гуннов.</p> <p>49-48 гг. до н.э. Движение северных гуннов под предводительством Чжи Чжи к енисейским киргизам.</p> <p>II в. (середина) Движение Сяньби при Таньши-хуай в земли динлин (и киргиз?) 112—153 гг. Господство гуннов на Тянь-Шане.</p> <p>II в. (середина) Движение сяньби при Таньши-хуай в землю усуней.</p> <p>III в. н.э. Разделение киргиз на две ветви: западную и восточную (согласно сведения китайского источника Бэй Лио). Начало IV в. Выступление племен тоба при хане Юйлой против киргиз. 441 г. Подчинение киргиз жужанами.</p> <p>III—V вв. Культура ранних чаатасов на Енисее. Господство кочевой культуры.</p> <p>553—580. Подчинение киргиз кагану Яньду.</p> <p>553—580 Завоевание кагана Яньду на Енисее и в Средней Азии. 580—582 гг. Разделение тюркского каганата на восточный и западный 581 г. Принятие тюрками буддизма при Тобохане. 630—682 гг. Падение восточно-тюркского каганата и подчинению тюрок Китаю. 628—646 гг. Подчинение киргиз тардушам. 648 г. Первое посольство киргиз в Китай. 650-ые г. Выступление восточных и северных тюрок (Чебихан) против Китайского протектората.</p> <p>650—683 гг. Два посольства киргиз в Китай.</p> <p>670 годы. Начало выступления тюрок против китайского господства.</p> <p>676—78 гг. Выступление Дучжи кагана и его союз с</p>	<p>III в. до н. э. Усуньская культура ранних кочевников Семиречья</p> <p>209—201 г. до н.э. Первое упоминание племенного названия усунь.</p> <p>176—140 гг. до н.э.. Уход саков с Тянь-Шаня и стабилизация власти усуней.</p> <p>136—128 гг. до н.э. Приезд Чжан-Цзя к усуням. Рубеж н.э. уход части усуней на северо-запад.</p> <p>I в. до н.э. Культура кенкольского могильника.</p> <p>90-е годы до н.э. Проникновение усуней в Восточный Туркестан.</p> <p>70-е годы до н.э. Выступление усуней в союзе с Китаем, а затем динлинами и ухуань, против гуннов.</p> <p>60-50-ые г. до н.э. Китайский протекторат над усунями. 47-46 гг. до н.э. Движение северных гуннов Чжи Чжи шаньюя на Тянь-Шань против усуней. 36 г. до н.э. Убийство Чжи Чжи шаньюя китайским полководцем Ганьяньшоу и Чань Таном.</p> <p>87-91 гг. н.э. Разгром гуннов в Центральной Азии китайскими войсками под предводительством Дэу Синя и племенами Сяньби.</p> <p>Начало IV в. Выступление племен Тоба при хане Юйлой против «усуньских земель»</p> <p>425 и 436 г. посольство усуней в Китай. V век. Господство племенного союза юебань и разгром ими жужан, пытавшихся проникнуть в Семиречье.</p> <p>III—V вв. Начало согдийской культуры Семиречья, бурное развитие оседлых поселений.</p> <p>545 г. Образование тюркского каганата.</p> <p>630 г. Приезд Сюань Цзяня в Чуйскую</p>
--	---

<p>Тибетом против китайских войск.</p> <p>683—691 гг. Восстановление восточно-тюркского каганата и его борьба с киргизами и племенами Тянь-Шаня.</p> <p>710-711. Война Мочжо кагана с киргизами.</p> <p>745 г. Участие киргиз в разгроме восточно-тюркского каганата.</p> <p>758 г. Укрепление 1-й уйгурской династии в Центральной Азии и прекращение киргизских посольств в Китай в VIII в.</p> <p>VII—IX вв. Расцвет киргизского государства: каменные курганы, рунические надписи, балбалы, китайские влияния.</p> <p>808—840. Войны киргиз с уйгурами.</p> <p>840—860 гг. Завоевание киргизами Монголии и господство в ней Яглакар хана.</p> <p>860—873. Посольства киргиз в Китай.</p> <p>924. Вытеснение киргиз из Монголии киданями.</p> <p>XI—XII вв. Падение экономического и политического могущества киргиз на Енисее.</p> <p>1120—1124 гг. Появление киданей на Енисее.</p> <p>1207 г. Подчинение киргиз найманам и меркитам.</p> <p>1218 г. Борьба киргиз в союзе с туметами и байлуками против монголов, предводительствуемых Джучи ханом.</p>	<p>долину. Связь тюрок Тянь-шаня с Китаем.</p> <p>638—653 гг. Завоевания Дулукагана на Енисее и в Средней Азии.</p> <p>654 г. Поход Судинфана в Семиречье.</p> <p>704 г. Падение западно-тюркского каганата и выступление тюркешей.</p> <p>711—712 гг. Война Мочжо кагана с тюркешами и выступление тюрок в Согдиане против арабов.</p> <p>748 г. Разгром Суяба китайскими войсками под предводительством Ван Чжань Сяня.</p> <p>751 г. Битва китайцев с арабами на Таласе.</p> <p>766 г. Завоевание карлуками Тянь-Шаня.</p> <p>VII—IX вв. Тюрко-согдийский период: каменные курганы, рунические надписи, балбалы. Влияние Китая и енисейской культуры на Тянь-Шань.</p> <p>IX в. Господство карлуков в Семиречьи (IX—X вв. «Карлукский период»). Возникновение культуры городов феодального типа.</p> <p>IX—X вв. Сложение основных сюжетов героического эпоса Манас.</p> <p>840—894 гг. Движение саманидов в Семиречье (Пух ибн Асад, Исмаил ибн Ахмед). Проникновение уйгурской культуры на Тянь-Шань. Начало активного влияния мусульманской культуры Средней Азии на Тянь-Шань.</p> <p>940 г. Первое появление тюрок (ягма?) на Тянь-Шане и взятие Баласагуна в 942 г.</p> <p>951 г. Упоминание киргиз на Тянь-Шане у Истахри.</p> <p>960 г. Принятие тюрками Семиречья ислама.</p> <p>982 г. Упоминание киргиз на Тянь-Шане в рукописи Худуд ал Алам.</p> <p>992—999 гг. Сложение караханидской династии (XI—XII вв. «Караханидский период»). Абсолютное господство мусульманской культуры.</p> <p>1041 г. Первое появление киданей в Семиречьи.</p>
---	---

	1043. Принятие кочевниками ислама.
	1125. Второе появление киданей в Семиречьи.
	1141—1211 гг. Господство киданей на Тянь-Шане.
	1207 г. Войны киданей с Хорезмшахом Мухаммедом.
	1208 г. Выступление Хубилая против Кучлука киданьского.
	1211. Низвержение Гурхана и владычества Кучлука.
	1218 г. Разгром Кучлука Монгольскими войсками под предводительством Джебе Нойона.

А. Н. Бернштам **Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726)**

Первое издание: ВДИ, 1952, № 1. – с. 187 – 195. Публикуется по изданию: Бернштам. А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. В 2-х томах. – Т.1. – Бишкек: Айбек, 1997. – с. 477 – 456 с заменой на сквозную нумерации сносок.

В 1938 г. были опубликованы текст и перевод отрывка из сочинения китайского буддийского паломника Хой Чао, снабженные небольшими примечаниями (1). Хой Чао родился в Корее в 700 г. Когда он начал свое путешествие, точно неизвестно, но в 727 г. он вернулся в Кучу. Насколько можно судить по тексту, основную часть своего путешествия он совершил в 726 г. По мнению Отани, он начал свое путешествие в 723 г., в 729 возвратился в Китай и в 780 умер, прожив, таким образом, 80 лет (Fuchs, ук. соч., 427). Хой Чао был для своего времени образованным человеком. Он переводил вместе со своим учителем Ваджабоди в монастыре Цзяньфусы около Чанани санскритские буддийские сочинения. Позднее он жил и работал в Цяньюаньпутисы в Утайшане, продолжая свои переводы и пропаганду буддийского учения. В. Фукс отмечает восемь изданий и переводов разбираемого отрывка по рукописи, найденной П. Пелльо в Дунь-Хуане в экспедиции 1906—1908 гг. (2). Впервые сочинение Хой Чао было издано китайским ученым Лоченьюй (1909) и затем переиздано китайским ученым Цяньдаосунь (1931). Известны также японские издания — Фужита Тояхачи (1910, второе издание — 1911), в серии «Дай Нихон буккюо зеншо» (1915), Хане-да совместно с Пелльо (1926), в серии «Таишо-Трипитака» (1927, второе издание — 1931). Несмотря на относительно большое количество изданий, полностью текст переведен был впервые в 1938 г. Извлечения из него в отношении Бамиана были сделаны П. Пелльо (3), Сирии (Фулинь) — Шедером (4), а ранее Хиртом (5). Ширатори привел в своей работе о Согде сведения о стране ху, живших восточнее арабов (6). Кроме того, существуют переводы на японский язык (Хадани Риотей, Отани Шошин, Такакусу Юнжиро). с. 478

Чрезвычайно интересно время путешествия Хой Чао. После Сюань Цзана (629-648) (7). Индию посещают И-Цзин (673-685) (8), Хой Чао (726), У-Кун (751—790) (9). Однако более или менее подробные сведения о Средней Азии дают только Сюань Цзан и Хой Чао. И-Цзин вообще говорит только об Индии, и его замечания, касающиеся южных областей Средней Азии, единичны. В этом отношении он намного уступает своим предшественникам, Фа Сяню (400 г., S. Veal, ук. соч.) или Сон Юну (518 г.) (10). В один ряд с Сюань Цзаном может быть поставлен лишь Вэй Цзе (605—616) (11) и, главным

образом, Хой Чао, превосходящий по объему своих сообщений упомянутого У-Куна, также в основном дающего сведения о южных (в Средней Азии) областях. Хой Чао проделал большой путь. В сохранившемся фрагменте перечислены 47 стран и народов, а именно: 1) Кусинагара, 2) Варанаси, 3) Магада, 4) Средняя Индия, 5) Южная Индия, 6) Западная Индия, 7) Северная Индия, 8) Яландара, 9) Суварнаготра, 10) Такка, 11) Синд-Гуржара, 12) Кашмир, 13) Большой Болор, 14) Яндун, 15) Непал, 16) Тибет, 17) Малый Болор, 18) Гандара, 19) Удияна, 20) Читрал, 21) Лампака, 22) Каписа, 23) Забулистан, 24) Бамиян, 25) Тохаристан, 26) Персия, 27) арабы, 28) Малый Фулинь, 29) Большой Фулинь (Сирия); далее идут области, расположенные в Средней Азии; 30) Ань, 31) Цао, 32) Ши, 33) Шило, 34) Ми (Маймург), 35) Кан (Самарканд), 36) Фергана, 37) Хутталь, 38) тюрки (очевидно, в степях за Сыр-Дарьей), 39) Вахан, 40) Шугнан, 41) Цунлин (Восточный Памир), 42) Таш-Курган, 43) Сулэ (Кашгар), 44) Гуйцы (Куча), 45) Юйтянь (Хотан), 46) Аньси (Турфан), 47) Яньци (Карашар). Особенностью текста является в некоторых случаях оригинальная транскрипция собственных имен, отличная, например, от транскрипции, принятой Сюань Цзаном и от него перешедшей в летописи династий. Так, отлично написание названия главного города Тохаристана Балха — Футия, где отличен последний иероглиф, так же обстоит дело в названии Ферганы — Боханьна. Число примеров можно значительно увеличить, но все эти особенности — графические, а не фонетические. Характеристики Хой Чао своеобразны, он часто отступает от трафаретов, хотя последние и оказали известное влияние на его текст. Типично, например, в описании тюрков употребление фразы «суй чжу шуй цао» — «следуют (туда), где вода и трава», ведущей свое происхождение от Сыма-цяня, описывавшего таким образом кочевой образ жизни гуннов (Хой Чао, текст, 468; пер., 453). Впервые Хой Чао упоминает тюрков при описании Тибета. Он говорит, что жители его состоят из ху. В. Фукс (ук. соч., 443, прим. 5) делает примечание: «т. е. происходят из Тохаристана и рядом расположенных стран», опираясь на примечание Шаванна к переводу И-Цзина. Действительно, в описании пути И-Цзина говорится, что в районе Цунлина находилась страна Сули, затем Тохаристан, далее территория ху и, наконец, Тибет (Туфань, E. Chavannes, *Les Rel. Em. ...*, 12—13). Однако Сули невозможно, вслед за Шаванном, хотя бы и предположительно, отождествлять с Суябом; это скорее Сулэ (Кашгар). И-Цзин в другом месте указывает, что Сули и Тохаристан составляют область ху, и этим же термином он называет северные от указанных районов области (ук. соч., 106; ср. 38, прим.). Тибетское население И-Цзин называет не ху, а сюнну, причем, по мнению Шаванна, здесь И-Цзин употребляет этот термин для «обозначения народов тюркской расы», поскольку они кочевники. К такому же приему прибегает и Хой Чао. Отметив кочевой образ жизни населения Тибета, сообщив, что они живут в войлочных шатрах, не имеют городов и построек, он далее пишет, что их обычаи одинаковы с тюркскими. Далее следует трафаретная формула о кочевьях («суй чжу шуй цао»; Хой Чао, текст, 463; пер., 443). Обычно термин ху имеет весьма широкое употребление, обозначая не китайское и не живущее на территории Китая, преимущественно кочевое, население. Как правило, этим термином, особенно в истории династий, обозначается оседлое население Восточного Туркестана и Средней Азии. Хой Чао явно относит его и к кочевникам, что видно из приведенного текста. Как будет показано дальше, Хой Чао применяет термин ху и к оседлому населению Средней Азии. Необходимо, однако, возвратиться к соотношению терминов ху и «тюрк» у Хой Чао. Связь между этими терминами достаточно ясно видна уже из этнографической характеристики жителей Тибета. Однако в данном случае автору важно было подчеркнуть кочевой образ жизни, а не этническое родство. Обычно тюрки как народности противопоставляются народностям типа ху. Так, например, когда речь идет о Хуттале, Хой Чао заявляет, что в стране «царь происходит из первоначального рода тукю. Местного населения сто родов; в стране половина народа ху и другая половина тюрки» (текст, 467; пер., 452). И так,

тюрки противопоставляются ху. Следовательно, Хой Чао обозначал термином туцзюе не только группу кочевников вообще, но и особую этническую группу. Тем не менее, при описании Тибета термин туцзюе употребляется в первом значении, хотя необходимо отметить, что тюркские элементы имелись в Тибете; об этом говорят другие источники этого времени и, в частности, тибетские, которые пользуются в этом случае термином «друг» (12). Собственно тюркские элементы отмечены Хой Чао при описании Гандары. По его словам, царь (ван) и его «воины-всадники» (бин ма) — все тюрки, местные же жители (тужэнь) — из ху (Хой Чао, текст, 463; пер., 444). Территория Гандары находилась под влиянием владетелей, зависимых от царя Каписы (северо-восточный Афганистан), и ранее Хой Чао сам об этом заявляет. Далее он сообщает любопытную деталь, что отец (ана) тюркского царя Гандары и его дружина происходят из племен Каписы. Когда позднее военная власть тюрков в Каписе пала, отец тюркского царя Гандары убил царя Каписы и сделался самостоятельным хозяином страны (текст, 463; пер., 444-445). Имя этой династии не указано Хой Чао, но зато его сведения подтверждаются У-Куном. Последний, описывая монастыри Гандары, указывает, ||что «они носят имена правителей, которые их основали» (У-Кун, 24). Таковы монастыри в честь Канишки, Хэ (сына царя), Пинчже (жены царя), Чэнтаня (брата царя). Каждый из этих монастырей носил имя своего основателя, связанного родственными узами с Канишкой. Кроме того, были и монастыри не кушанского, а тюркского происхождения. Так, У-Кун отмечает монастырь Телекина, основанный сыном царя тюрков. В имени «Телекин» явно выступает в первых двух иероглифах те-ле обычная китайская транскрипция титула тегин «принц»; это подтверждает сообщение У-Куна о Телекине как сыне тюркского владетеля. Другой монастырь также связан с тюрками — он обозначен титулом жены тюркского царя катун (21; ср. 42). Тюркским является и название хули, что еще отмечал Сюань Цзан при описании Кучи (Wed, ук. соч., I, 20). Шаванн склонен предполагать, что об этой тюркской династии в Гандаре говорит Бируни, называя ее Шахияс. Раджа Тарангини называет ее Джахиз. Первый владетель из этой династии носил имя Бара-тегин, и династия существовала до конца IX в. (883—901; У-Кун, 45-48). Хой Чао говорит не только о первом тегине новой тюркской династии, о которой сообщает Бируни, но отмечает и его отца, хотя и не называет его имени. Издатель текста (ук. соч., 445, прим. 1) говорит, что ему остается неясным, как звали отца Бара-тегина. Если согласиться с Шаванном, что Гандара — это Гибинь (Chavannes, Doc., 130), а в период династии Тан это — Каписа, то до VII в. здесь царствовала династия кушанского происхождения (Большие юечжи) (13). Однако уже Тунябгу подчинил себе Гибинь, а утверждение здесь тюркской династии начинается, очевидно, с Гэлотачжи, который носил также титул тегина. Шаванн читает его имя Хоталочжи, что является, по его мнению, транскрипцией имени Арокадж. Последний завоевал Гандару после 711 г. В 719 г. он был признан Китаем в качестве царя Гандары (Гибинь). Всего вероятнее, что он и был родоначальником тюркской династии (Chavannes, ук. соч., 132). Автор данной статьи полагает, что в имени основателя тюркской династии Гибиня первые два иероглифа следует считать племенным именем «гэло», т. е. «карлук», поскольку это этническое наименование пишется иероглифами именно так. Собственно именем остаются тогда иероглифы Тачжи, что также является, быть может, одной из транскрипций имени «таджик». Титул тегин указывает, что здесь находился один из сыновей карлукского владетеля; существование карлуков к северу от этих мест отмечают китайские источники. Можно указать хотя бы на тохаристанских ябгу еще применительно к VII в. (И. Бичурин, ук. соч., III, 321). Согласно китайским свидетельствам об этой стране, с 719 по 745 г. здесь сменились четыре владетеля, а именно Гэлотачжи, Усань, Фолиньгипо и Бофучжунь. Поскольку Хой Чао явно говорит об основателе династии в прошедшем времени, то речь идет о Гэлотачжи, тогда как в то время, когда Хой Чао посетил эту страну, царствовал уже его сын, очевидно, Усань Дэлэ

(тегин). По-видимому, основатель династии окончил жизнь не позже 725—726 гг. Хой Чао дает неизвестное из других китайских сочинений этого времени название имени Гандара — Цзяньдоло. Под таким названием ее знают Сюань Цзан (Beal, ук. соч., I, 97) и Сон Юн (37-38). Сон Юн указывает, что имя этой страны было Еболо и что она стала называться Гандарой после завоевания ее эфталитами. В Бэйши повторяется это замечание и в согласии с Сон Юном отмечается, что цари здесь происходили от тегингов двух династий: одни были буддисты, другие поклонялись демонам и гениям. Падение эфталитов в 565 г. было результатом появления тюрков, но утверждение власти последних, очевидно, произошло позднее (Сон Юн, 38). Все области севернее Гандары были под властью тюрков. Хой Чао отмечает, что хотя здесь много людей принадлежит к родам, происходящим из различных городов, однако власть находится исключительно в руках тюрков. Уже при Хой Чао здесь находились буддийские храмы, не только выстроенные при Канишке и вообще при кушанах, но и тюрками. Так, не только сам тюркский князь, но и его сын и дочь выстроили буддийские храмы. В соответствии с этим У-Кун отмечает, что храмы принадлежат тюркскому князю, его сыну и жене. Так как в тексте Хой Чао стоит иероглиф ню (текст, 464), что вообще может значить «женщина», то следует отдать предпочтение тексту У-Куна, где точнее указан титул катун, т.е. «жена тюркского князя (кагана)». По словам Хой Чао, тюркский князь владеет пятью слонами, овцами и лошадьми без числа, имеет много верблюдов, мулов, ослов; таким образом, в описании Хой Чао он выступает как типичный скотовод. Вместе с тем, Хой Чао считает нужным подчеркнуть, что «местный князь (т.е. тюрк) не одинаков с живущими к северу тюрками» (текст, 464; пер., 447). Это противопоставление тюркских племен Пешавера северным тюркам у Хой Чао, видимо, основывается на религиозной принадлежности, ибо он далее отмечает строительство буддийских храмов тюркским каганом и его семьей. Однако, быть может, в основе различия лежали и другие данные. Во всяком случае, эти отличия могли лежать в эфталитском этническом вкладе в тюркский этногенез южных областей. Об этом достаточно ясно говорят арабские авторы, называя тюрков указанных областей хайталами, тюрками-кумиджиями и т.п. В Каписе, одном из центров Гибиня, так же как и в Хуттале, половина жителей — тюрки, половина — из племени ху. Однако князь и его воины — тюркского происхождения. Князь кочует из Каписы в Гандару, ибо зимой в Каписе глубокий снег, и он остается в ней только летом. Зимой он откочевывает в Гандару, где теплее (пер., 447). О тюркском происхождении владетеля Каписы говорит и У-Кун (45). Название самого большого монастыря по Хой Чао — Шахисы, что подтверждает сообщение У-Куна и Бируни. Забулистан (Сиюйго), подобно Каписе, населен племенами ху, однако и правитель и дружина (бин ма) здесь также тюрки; Фукс (ук. соч., 448) бин ма перевел здесь почему-то не обычным *Turpen*, а *Militar* (см. Хой Чао, текст, 465). В этом отрывке имеются любопытные сведения о тюркском княжеском роде Забулистана. Князь Забулистана является племянником князя Каписы; он самостоятелен со всеми своими племенами и дружинами {було и бин ма), происходящими из этой страны. Он не подчиняется другим странам и своему дяде (ашу) (14). Самостоятельность забулистанского князя подчеркивается его щедростью в отношении монастырей и монахов и исповеданием махаянской версии буддизма. Он носит титул высшей тюркской знати — ша (шад), таркан. Каждый год он, подобно любому верховному владыке, собирает без числа золото и серебро. Любопытно, что по одежде жителей и продуктам земли Забулистан напоминает Капису, что указывает на тюркский характер страны; язык, напротив, совершенно отличен. Очевидно, речь идет о другой ветви тюрков. Если применительно к тюркам Гибиня высказывалось предположение относительно смешения с эфталитами, то относительно тюрков ша тархана, можно предположить их среднеазиатское происхождение. На это указывает приводимое Хой Чао имя правителя. В связи с этим необходимо обратить внимание на весьма важный текст И-Цзина. Там

вслед за описанием трудностей пути из Непала и Тибета в Капису говорится о Каписе и о народе доши, вместо обычных даши (E. Chavannes, *Les Rel. Em...*, 25). Э. Шаванн без всяких оговорок (совершенно справедливо) указывает, что этот термин обозначает таджиков (ук. соч., 25, прим. 1). Необходимо несколько остановиться на этом вопросе. История происхождения имени «таджик» рассмотрена В.В.Бартольдом (15). Оно происходит, по его мнению, от арабского племенного наименования тай. В пехлевийском и армянском языках арабы именуется тачик. В мусульманский период появляются формы тазик и тази (16). Махмуд Кашгарский приводит форму тажик, и, подобно Хаджи Юсуфу Баласагунскому, употребляет этот термин для названия таджиков, ираноязычного населения Восточного Туркестана, Средней Азии и, быть может, Ирана. В тюркской литературе термин тезик явно относится к согдийско-таджикскому населению, рядом с которым упоминается тохристанское (toqrasin). Имеется в виду текст Тоньюкука (17). Китайцы, употребляя термин даши, который в танский период звучал d'ai'd'z'iek, т.е. tajjik (18), близко к тюркскому звучанию, обозначали им, вероятно, не только арабов, но и таджиков. Не случайно они выделяют Персию термином Босы, а описывая «страну» даши, говорят не только об арабах, но и о местном таджикском населении Средней Азии и Восточного Ирана. Таншу говорит: «даши занимают земли, прежде принадлежавшие Босы» (И. Бичурин, ук. соч., III, 331). «Страна даши простирается до тюргешей» (Семиречья), — говорит далее этот источник. Что термином даши обозначались и арабы, в этом, конечно, нет сомнений. Возникает, однако, вопрос, является ли этот термин исходным для названия таджикского населения Средней Азии, как это предполагали ранее, или дело обстоит иначе. Приведенный выше термин доши в танское время звучал ta'zie или ta d'a (V. Karlgren, ук. соч., 287, 259). Этот термин служил для обозначения ираноязычного населения Тохаристана (Таджикистана) и был употреблен автором, писавшим в 673—695 гг., т.е. до арабского завоевания этих областей. || В таком случае утверждение имени завоевателей в этой стране могло произойти позднее, не ранее конца VII в., когда Муса, сын Абдаллаха ибн-Хазима, правителя Хорасана, в течение 15 лет владел округом Термеза. Фактическое покорение Средней Азии арабами было осуществлено Кутейбой, деятельность которого падает на 705—715 гг. К VII—VIII вв. относится и термин доши, не совпадающий по транскрипции с арабским даши. Следовательно, по крайней мере за 20 лет до того, как могло распространиться имя завоевателей-арабов на местное население, независимо от названия даши, которым китайцы обозначали позднее арабов, уже бытовал термин «таджик». В свете приведенных фактов логично предположить, что произошел обратный процесс. Слившиеся с таджикской средой Средней Азии среднеазиатские арабы получили здесь свое второе имя даши, являющееся не чем иным, как вариантом имени тезик, корень которого составляет имя тази, в то время как «к» выступает как этнический, быть может, иранский или тюркский, суффикс. Последнее остается неясным. Во всяком случае, даши не является единственным именем арабов, это их частное обозначение наряду с другими, например, «сарацин» и т.д., как в надписи Пайкули (19). Существовал также и пехлевийско-армянский термин тачик, служивший, подобно китайскому даши, для обозначения тех арабов, которые смешались с ираноязычным населением Персии и Средней Азии. Термин даши — термин «территориально-этнический». На это указывает возможная этимология слова «таджик». Если согласиться с тем, что основа «тадж», а «к» — этнический суффикс, к чему склоняются многие исследователи, то можно предложить другую этимологию этому корню. Корень тадж можно сопоставить с сакским ttaji «река» (20), словом, которое встречается также в санскрите. По всей вероятности, название равнинных, «речных» таджиков возникло по аналогии с горными «гарча» или «гальча». Такое происхождение племенных наименований от географических терминов весьма обычно, особенно в истории Средней Азии. Достаточно вспомнить предположения о водных скифах —

«скифах-абиях», водных саках-«апасиаках». Наименование парикане, от которых пошло название Паргона — Фергана, разъясняется М. С. Андреевым из иранских диалектов, как «межгорная впадина», «котловина». Можно назвать не один случай, когда племена получали имя от реки: таковы птолемеевские «яксарты», явно древние «скифы-абии». При соответствующих поисках примеры, несомненно, можно увеличить. Достаточно указать на тюркские этнические наименования чуми, чуе, чубань и т. д. по имени реки Чу.Таджики, которые резко делились на две группы — горных и равнинных, могли носить эти два названия: таджики и гарча. Поскольку у таджиков, как отмечают источники, прежде всего разбираемый текст Хой Чао, равно как и известия его предшественников, встречались тюркские правящие династии, а кое-где вперемешку с ними жили тюрки, этническое наименование таджи приобрело форму таджик, которая сохранилась до сегодняшнего дня. Какие бы ни были выдвинуты против этой догадки возражения, ясно одно: имя «таджик» — таджикского, доарабского происхождения; оно известно, по крайней мере, с конца VII в., а если учесть предположенную этимологию, то вполне возможно, что оно появилось на местной почве на основе древнетаджикского языка тохаристанского населения. Учитывая широкую распространенность этнических наименований, а также то, что некоторые из них восходят к скифскому времени, разбираемый термин может быть возведен к середине I тысячелетия до н.э. Следует помнить также, что позднее главнейшими источниками этнической терминологии становятся генеалогии и военно-политическая титулатура. Правда, последнее яснее выступает у тюркских кочевых племен, в то время как у оседлых сохраняется территориальная этнонимика (кашгарлык, хотанлык и др.). Тем более правдоподобно этимологизировать наименование таджик из сакского, древнеиранского тажи. Чрезвычайно любопытно, что Хой Чао ничего не говорит о тюркском населении Тохаристана, хотя тюркский элемент в этой стране отмечается и в более ранних, и в более поздних источниках. Учитывая, что Хой Чао постоянно упоминает о тюрках по отношению к другим странам, а далее говорит и о более северных тюрках, нельзя здесь видеть ошибку. Танская история подчеркивает эфталитский характер населения и лишь после 750 г. сообщает о нападении на Тохаристан «соседнего тюрка Геша», который с тибетскими войсками пытался овладеть Тохаристаном (И. Бичурин, ук. соч., III, 332). Сопrotивление оказывал ябгу Сулейман, владетель, хотя и с кушано-тюркским (эфталитским) титулом, но с мусульманским именем. Сам Хой Чао объясняет отсутствие тюрков указанием, что «теперь эта область подчинена власти арабов». Арабы в представлении Хой Чао выступают конкурентами тюрков в отношении политического господства. Так, при описании Большой Фулини, т.е. бывших восточноримских областей, он также отмечает политическую роль арабов, а в отношении тюрков сообщает, что тюрки не могли победить арабов. К востоку от арабов перечислены области ху, т.е. Ань, Цао, Ши, Шило, Ми и Кан, как подвластные арабам. Эти страны маленькие и имеют небольшие дружины. Их население разводит верблюдов, мулов, овец, лошадей, выделывает хлопчатобумажную ткань. Для верхней одежды и штанов употребляются только шкуры. Язык во всех странах неодинаков. В этих шести владениях исповедуют зороастризм хояо (учение огня), буддийского учения не знают. Только в Самарканде имеются буддийский монастырь и монахи. Далее описана Фергана, расположенная на восток от Кан. Здесь два князя. Большая река Чженьчжу (т.е. Сыр-Дарья) течет на запад через середину страны. Один князь, находящийся южнее реки, подчинен арабам, другой, к северу от реки, находится под властью тюрков. Это деление Ферганы на две части подтверждается и другими источниками. Известно, что в Таншу при повествовании о стране Нинюань отмечается, что в 659 г. Фергану завоевали тюрки, которые местного владыку из кушанской династии поставили владетелем в городе Хумынь (21), тюркский владетель сел в Касане (Гесай). В Таншу говорится: «После смерти (Ашина) Шуни (тюрка) сын его Ебочжи занял его место, а родственник Киби (местного, ферганского

династа) Аляошень поставлен владельцем. Он жил в городе Хумынь, а Ебочжи в городе Гесай» (И. Бичурин, ук. соч., III, 319). Фергана у Хой Чао описана, как страна, славящаяся верблюдами, мулами, овцами и лошадьми, т.е. скотоводческая; из продуктов ремесла отмечена хлопчатобумажная ткань дебу (Хой Чао, текст, 467; пер., 452). Для платья употребляются шкуры ||и хлопчатобумажная ткань. Много хлебных изделий. Языки здесь различны и не одинаковы с языками других стран. Здесь не знают буддизма, и в связи с этим нет монастырей, монахов и монахинь. К востоку (!?) от Ферганы находится страна, по имени Хутталян. Фукс (ук. соч., 452, прим. 8) справедливо видит в этой ошибке указание на то, что Хой Чао сам не был в Фергане и пишет о ней по расспросам. Однако сопоставление с текстом Таншу, приведенным выше, свидетельствует о том, что информаторы Хой Чао были надежны. Попутно следует отметить, что подчеркнутое Хой Чао языковое различие расходится с древнейшим указанием Чжан Цяня на общность языков от Давани до Аньси. Уже в Цяньханьшу это описание Чжан Цяня было подвергнуто некоторой редакции, что было отмечено в другом месте (22). Дополнительное знакомство с народами Средней Азии заставляло китайских авторов все более и более отмечать эти лингвистические отличия. Нужно, однако, возвратиться к Хутталю. Не только его князь происходит первоначально из тюркского рода (тукюе чжунцзу), но и страна наполовину состоит из народа ху и другая половина из тюрок. Характерно, что наряду с различными видами скота (верблюды, мулы, овцы, лошади, коровы, ослы), страна производит вино, хлопчатобумажную ткань и шерстяные ковры мао танв (Хой Чао, текст, 467; пер., 452). Платье изготавливается из хлопчатобумажной ткани и шкур. Особый интерес представляет лингвистическая характеристика. Язык здесь частью тохарский, частью тюркский и частью местный (янь инь, бань тухоло, бань туцзюе, бань данту, там же). Как сам князь, так и население исповедуют буддизм, учение Хиняяны, имеют монастыри и т.п. Несмотря на господство тюрок, страна принадлежит арабам. Название государства происходит от арабов, но по структуре оно напоминает Китай, хотя Китай, отмечает Хой Чао, превосходит Хутталь по размерам. В этих словах подчеркивается большая близость Хутталя по структуре государства к востоку, а не к западу. Очевидно, население Хутталя также принадлежит к группе народов ху, так как Хой Чао пишет, что от этих народов ху (впрочем, здесь, быть может, подразумеваются народы Средней Азии) к северу до Северного моря (Аральское море?), к западу до Западного моря (Каспий?) и к востоку до Китая по всей территории живут тюрки. Тюрки не знают буддийского учения (букв, закона) и не имеют монастырей и монахов. Для изготовления одежды используют шкуры и для верхней одежды войлок. Едят мясо. Не имеют для жительства городов, а из войлока делают шатры (и у чэн го чжу чу. Чжань чжан вэйу, текст, 467; пер., 453). Они не имеют постоянного местопребывания и «кочуют там, где вода и трава». Мужчины бреют голову и бороду, женщины связывают волосы на голове, т.е. носят косы. Язык их не одинаков с языком других стран (янь инь юй чжи го бутун, текст, 468; пер., 453). Страна их богата верблюдами, мулами, овцами и лошадьми. В этой характеристике тюрок подчеркивается кочевой образ жизни, о чем говорит прежде всего перечень богатств страны. Не упомянуты продукты ремесла, нет городов и селений. Краткая этнографическая характеристика (тип жилищ — кибитка, одежда, употребление войлока, характер причесок и т.п.) также свидетельствует о них, как о кочевниках. Выделяет Хой Чао и язык. ||Хой Чао отождествляет понятие «тюрки» с понятием «кочевники» и этим самым несколько отходит от истины. Сюань Цзан, лично посетивший эти области, отмечал в стране Суе, явно входящей в область расселения тюрок по Хой Чао, города, о которых не знал Хой Чао. Если он не был в Фергане, то тем более становится ясным незнание им лично и страны тюрок. Ясно, что, поскольку он выделяет Фергану и Согд, здесь речь идет о кочевниках, живших за Сыр-Дарьей, где действительно кочевой образ жизни преобладал над оседлым. Среди последующих описаний стран следует отметить

описание Вахана (Хуми), протянувшегося с востока на запад, страны с суровым климатом и пустынным ландшафтом. Вахан смежен с Памиром (Памило), который рассматривается как отличная от Вахана область. Вахан подчинен арабам, очевидно, постольку, поскольку Тохаристан также им подчинился. В стране много бедных, одетых в шкуры и войлок. Только царь употребляет хлопчатобумажную ткань и шелк. Страна холодная и мало производит хлеба. Язык отличный от других стран. Разводят овец и коров, но их очень мало, и скот мелкий. Исповедуют Хинаяну, имеют монастыри. Горы не имеют деревьев и другой растительности. Севернее Вахана отмечено девять владений Шугнана, причем каждое из них имеет своего владельца, подчиняющегося владельцу Вахана. При Хой Чао в Вахане было два владельца, один из Турфана (Аньси). Шугнанские владельцы, кроме ваханского царя, не признают другой власти и в остальном самостоятельны. Страна их, как и Вахан, холодная, на горах снег, производит овец, лошадей, коров и ослов. Здесь изготавливают шелк. Буддизма не знают. Владетели Шугнана отправляют от 200 до 300 человек на Большой Памир (Да бами цзюань) и там нападают на обитателей Ху и послов. В стране шугнанцев не знают учения Будды. К востоку от Вахана, в 15 днях пути, находится Цунлин чэнь. На станции (чэнь), которая принадлежит Китаю, находятся воины от Бэйсина, т.е. от кашгарского правителя, иногда там стоят тибетцы. Это место Фукс отождествляет с Таш-Курганом. Теперь (т.е. при Хой Чао) на Памире в Таш-Кургане нет населения. Любопытно, что район Таш-Кургана (Гофай-тань) называется по-китайски Цунлин. После Таш-Кургана Хой Чао отмечает Кашгар (один месяц пути пешком), Кучу, Хотан и Карашар. После описания северных тюрок, живших за Сыр-Дарьей, Хой Чао больше не упоминает тюрок. Он возвращается в своем описании на юг к Вахану, как географическому продолжению Тохаристана и Хутгальяна. Страны среднеазиатского Междуречья, Фергана и тем более область расселения тюрок не были непосредственно знакомы Хой Чао. Их описания были составлены по рассказам. Из Тохаристана он прошел, по всей вероятности, через Вахан в Таш-Курган, Кашгар, Кучу, следуя по традиционной дороге, по которой шел и Сюань Цзан. Однако в своих описаниях, независимо от того, писал ли по личным впечатлениям или по рассказам других, он располагал сведения по определенному трафарету, обращая внимание на следующие вопросы: 1) народ, 2) кому принадлежит власть, 3) одежда и жилища, 4) внешний вид (прически) и язык, 5) продукты торговли, 6) религия. Иногда эта «анкета» дополнялась географической характеристикой страны, что особенно ясно в описании Памира. Несмотря на эту лаконичность, Хой Чао дает много ценных данных по сравнению с другими авторами. Для Средней Азии и области расселения тюрок особенно любопытны его лингвистические характеристики, в первую же очередь – карта распространения тюркских племен и народностей, которая дает много дополнений и уточнений к сведениям из других аналогичных китайских сочинений. В этом основная ценность дунь-хуанского списка сочинения Хой Чао для истории народов нашей страны.

Примечания:

1. W. Fuchs. Huei-ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726 // SPAW, XXX, 1938. – стр. 426 и сл.
2. P. Pelliot. Bemerkung uber Huei-ch'ao // BEFEO, VIII, 1908. – стр. 511 и сл.
3. P. Pelliot. Les Antiquites Bouddhiques de Bamiyan, 1928
4. Schader. Iranica // AGWG, III, 10, 1934
5. Hirth // JAOS, XXXIII, 1913
6. «Memoirs of the Toyo Bunko», № 2, 1928. – стр. 81 и сл. 7. S.; Beal. Buddhist Records of the Western World. L. Sp. St.-Julien // JA, 1853 (отд. отт.)
8. Ed. Chavannes. Les Religieux Eminents qui allerent chercher la Loi dans les pays d'Occident. Memoire compose a l'epoque de la Grande dynastic T'ang par I-Tsing. Voyages des Pelerins Bouddhistes. Paris, 1894 (отд. отт.)

9. S. Levi, Ed. Chavannes. L'itineraire d'Ou-K'ong // JA, 1895. – стр. 341-384.
10. Ed. Chavannes. Voyage de Song Yun dans L'Udyana et le Gandhara (518—522) // BEFEO, 1903. – стр. 379-471.
11. Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. – СПб., 1903. – стр. 17.
12. Например, F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan, I: The Ha-za // JRAS, 1927, янв. – стр. 85; он же, JRAS, 1928. – стр. 97; он же, JRAS, 1930. – стр. 56.
13. См. И. Б и ч у р и н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, 1950. – стр. 309.
14. Ср. Хой Чао, текст 465; пер., 448. Здесь автор не считает возможным следовать переводу В. Фукса.
15. EL, IV, 628-629.
16. Ср. В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк // Таджикистан. – Ташкент, 1925. – стр. 98.
17. А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок. – Л., 1946. – стр. 44-45.
18. В. Karlgren. Analytic Dictionary of Chinese. – P., 1920. – стр. 262; 278.
19. См. E. Herzfeld. Paikuli Mo'Aiment and Inscriptions of the Early History of the Sasanian Empire.– Berlin, 1924. – стр. 16—18.
20. Н. W. Bailey. An Itinerary in Khotanese Saka // AO, XIV, 1936.– стр. 260.
21. По мнению Fuchs'a. ук. соч., 452, прим. 6, быть может, Ходжент.
22. А. Н. Бернштам. Образ согдийца в коропластике Чуйской долины // КСИИМК, XIX (1948)